

Дурилка

приёмы скрытого управления

Записки
Зятя
Главвраваина

психология практической власти

АЛЕКСЕЙ МЕНЯЙЛОВ

ДУРИЛКА

(УТОНЧЕННЫЕ ПРИЕМЫ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ)

ЗАПИСКИ ЗЯТЯ ГЛАВРАВВИНА

**Крафт +
Москва
2003**

ББК84.6-4
М 50

М 50 **Меняйлов А.А.**

Дурилка: Записки зятя главраввина. — М.: Издательство «Крафт+», 2003. — 280 с.

ISBN 5-93675-041-8

Вам еще не порекомендовали или не подарили этой книги?

Тому может быть только два объяснения:

— если ваши сослуживцы и знакомые сами читали, а вам не порекомендовали или не подарили, то все они вас считают природным рабом и ничтожеством и действуют так, чтобы вы и далее остались в своем качестве не понимающей ничего марионетки;

— если они не читали, значит этой книги им никто не рекомендовал и не подарил — то они сами природные рабы.

Книга уникальна, не имеет даже отдаленных аналогов, казалось бы, во всепроникающем море информации, и поэтому «читал — не читал», «рекомендовали — не рекомендовали» весьма точная характеристика человека и его окружения.

ISBN 5-93675-041-8

ББК84.6-4

9 785936 750410

© Меняйлов А.А., текст,
оформление, 2003

Встреча с хорошей книгой всегда праздник. Только очень уж редко случаются такие праздники.

Жорес Алферов
Лауреат Нобелевской премии

Я счастлив, что мне выпало жить в Гилее-России и, соответственно, выучить русский — счастлив ещё и потому, что нет-нет да и попадаются такие раскрывающие глаза книги как «Записки зятя главраввина». Да и все книги Меняйлова таковы.

Юст Ругел, гражданин Словении,
Президент общества «Д-р Ф. Прешерн»

Можно только удивляться, что автора «Катарсиса» ещё не грохнули. Видимо, его защищало — до сих пор — разве только то, что все его предыдущие книги были сделаны так, что оказались не по уму никому из наших СМИсителей — и несмотря на значительность тиражей и даже переиздания знание о теме его изысканий не вышло за пределы узкого круга умеющих молчать. Но «Записки...» Меняйлов сделал такими, что через некоторое время не познакомится с ними разве что уж совсем животное. И ведь никакие запреты не останоят — будут размножать на принтерах и ризографах. К тому же начались переводы на другие языки...

А ведь такую книгу не то что написать, но и порекомендовать-то с упоминанием своих координат страшно.

Аноним

В случае моей смерти,
насильственной ли,
или очень похожей
на естественную,
исчезновения,
в случае моего нежелания и даже отказа
переиздавать «Записки...»
или любой из трёх томов «Катарсиса»
(а такое возможно разве что
при фармакологическом одурманивании
или состоянии запуганности
от угроз расправиться
с моими родными или друзьями),
в случае моей недееспособности,
действительной или мнимой,
и т. п.

РАЗРЕШАЮ
всем желающим
без предварительного оформления
договоров
тиражировать
эту и все прежде изданные мои книги,
на любых видах носителей.
В случае, если я после выхода и этой книги
буду жив,

но не буду переиздавать свои книги сам или через уполномоченное мною издательство, то поскольку мне надо есть-пить (а «перекрывание кислород» мне уж точно доведут до конца), с моей стороны справедливо требовать, чтобы издатель передал или переслал мне гонорар в размере 10% мелкооптовой цены издания — не позднее, чем через три месяца после выхода первого экземпляра очередного тиража.

В случае же моей смерти любого рода или исчезновения и непричастности к тому моей последней жены, завещаю перечислять указанный гонорар ей — *post factum*, то есть без получения какого-либо предварительного разрешения на тиражирование и на условии перечисления гонорара не позднее чем через три месяца после выхода первого экземпляра очередного тиража.

В случае же и её смерти нравственная обязанность издателей не менее 4% от тиража передать в библиотеки, как общественные, так и в местах заключения.

Поскольку смысл данного распоряжения в удалении всевозможных искусственных юридических препонов в распространении *теории стаи* в первоисточнике или искажения её вынужденными пересказчиками, то это распоряжение в будущем может быть изменено только в части наследников авторских прав — но не свободы публикации.

Алексей Меняйлов

Мой первый тесть поражал меня тем, что из обстоятельств, подразумевавших выводы, казалось бы, однозначные, он делал умозаключения для широких масс явно непривычные. Поначалу мне даже казалось — противоестественные.

Но тесть, опираясь на этот «противоестественный» способ мышления, действовал всегда успешно — в отличие от нижестоящих, которые, следуя «естественному», чешут потом «репу» со вздохом: дескать, «хотел как лучше, а получилось как всегда»...

Более того, теперь понимаю, что любой человек, даже с незначительными способностями к лидерству, освоив то тайное, но вполне познаваемое знание, которое мой тесть, будучи отпрыском главраввинского рода, получил даром, по наследству, тоже получает преимущество — сравнимое разве что с преимуществом гитлеровского танка, из засады ворвавшегося в пешую колонну солдат, ни у кого из которых нет не то что противотанковой гранаты, но даже бутылки с зажигательной смесью. У владеющего этим знанием преимущество примерно такое.

Я вполне осознаю, что уже первые нижеследующие строки у относящихся к природным рабам могут вызвать неопишуемый гнев — дескать, как это можно полагать, что существует иное описание мира, чем то, к которому они, вечно одураченные, так привыкли! Ну так и не читайте этой книги. Идите, чешите «репу» до конца жизни. Да поусердней. Может, поможет.

Впрочем, книгу можно было бы начать и по-другому. Скажем, так:

Сограждане! Нам (вам) врут постоянно, везде и всегда, врут даже те, от кого мы (вы) менее всего этого ожидаем.

Но добывать достоверную информацию можно научиться. Добывать даже там, где её тщательно скрывают.

К примеру, при Сталине повсеместно говорилось, что Великую Отечественную выиграл Иосиф Виссарионович. В доказательство приводили множество достоверных фактов общественной жизни и архивных документов.

При сменившем Сталина Хрущёве те же журналисты населению рассказывали, что Великую Отечественную выиграла усилиями преимущественно того участка фронта, на котором появлялся Никита Сергеевич лично. В доказательство приводили множество достоверных фактов общественной жизни и архивных документов.

При сменившем Хрущёва Брежневе журналисты населению рассказывали, что Великая Отечественная была выиграна на Малой земле, где комиссарил, легко догадаться, сам Леонид Ильич. В доказательство сверхважности боёв именно на Малой земле приводили множество достоверных, сами понимаете, фактов общественной жизни и официальных документов.

При сменившем Брежнева Андропове те же журналисты населению рассказывали, что ход Войны определили карельские партизаны, в числе, кажется, пары сотен человек. И приводили множество достоверных фактов общественной жизни и документов.

При Горбачеве всё те же журналисты (второй древнейшей профессии) с совершенно искренним ощущением открытия поняли, что Войну выиграла власовцы и прочие категории предателей Родины.

А при Ельцине то же журналистское племя озарило — евреи! Дескать, кто-кто, а евреи понимали, что от гитлеровцев им не будет пощады — и потому, понимая свою выгоду, дрались как львы. И «горбачёвцы», и «ельциноиды» приводили множество достоверных фактов общественной жизни и архивных документов.

Напрашивается вывод: в исполнении своих намерений будет успешен тот способный хотя бы к начаткам аналитического мышления человек, который сквозь нахлобучку «достоверных фактов общественной жизни и архивных документов» научился видеть реальную жизнь — и для себя составит совершенно иное описание действительности, чем то фантомное, которым пользуется большинство населения с прочёсанной до дыр «репой».

Чтобы понять смысл происходящего с людьми на больших отрезках времени, знать исторические факты общественной жизни глобального масштаба — как бы крамольно это ни звучало — не нужно.

Строго говоря, фактов общественной жизни быть не может — вообще.

Удостоверимся в этом.

В самом деле, при советской власти населению рассказывалось, что дореволюционный фабрикант Савва Морозов финансировал большевистскую партию. Это правда — финансировал. Что с обыденной точки зрения понятно: он предугадывал будущее, и всего лишь за небольшую долю доходов покупал себе на будущее индульгенцию.

Из этого с обыденной точки зрения факта общественной жизни, рассуждая строго логично, необходимо приходишь к целой системе следствий, определяющих отношение к различным сторонам жизни, как то: полити-

ческой, исторической и даже, как это на первый взгляд ни странно, интимной.

Спустя полтора десятилетия с начала Перестройки некоторые уже знают, что фабрикант Савва Морозов финансировал **вообще все** существовавшие перед революцией 1917 года партии — что, вообще говоря, с обыденной точки зрения тоже вполне понятно: кто бы из этих парней ни пришёл к власти, все они были бы Савве Морозову обязаны.

Система следствий из предыдущего послала — верного!! наш Савва действительно финансировал большевиков! — становится чужью: пространство факта расширилось.

Но пространство факта может расширяться и ещё дальше. В самом деле, естественно задаться вопросом: а с чего бы это фабрикант Морозов был столь фантастически успешен? Может быть, дело не в коммерческой успешности? Может быть, его фабрики были всего лишь прикрытием для отмывания денег? А истинное происхождение этих денег — спецфонды немецкого Генерального штаба? Тогда тоже всё понятно: за небольшие, в сущности, деньги немецкий Генштаб приобретал надёжный инструмент воздействия на политическую и военную жизнь России. Всё понятно.

Но пространство факта может быть расширено и дальше: например, может выясниться, что человек, который конкретно распределял суммы спецфондов немецкого Генерального штаба, был на самом деле русским разведчиком. И вновь всё вполне понятно: весьма простым способом российская царская экономика получала дотацию на развитие — за счет колбасников. Отсюда тоже следует целая система выводов и эмоциональных всплесков.

Выявившуюся цепь расширений пространства факта можно было бы продолжить и дальше. Например, среди лидеров такого уровня как Савва Морозов педерастия не исключение, а норма, в таких случаях желание любовника часто важнее благополучия семьи, процветания родины и всего остального. К тому же и жена, верно, дегенератка отъявленная — она тоже требует своего, а для таких как Савва, в том числе и педерастов, слово жены — закон.

Таким образом цепь увеличилась ещё на одно звено.

И так далее, и тому подобное.

Продолжать нет смысла, принцип и так ясен — чтобы событие приобрело статус факта (абсолютной истины внутри всей системы взаимосвязанных объектов) в его описание должен быть включён каждый житель планеты, мало того, должна быть включена и вся солнечная система и даже магнитная буря на звезде-солнце Альфа Центавра — которая влияет на живых существ.

Только полному кретину непонятно, что такое описание ни при одном из событий **не-воз-мож-но**.

Следовательно, фактов не существует.

То есть они существуют — но только как инструмент манипуляции. Но не как описание действительности.

Так что копайтесь в фактах, упорные, делайте на основании них выводы, — а потом чешите «репу».

То утверждение, что рабам строят мировоззрение во многом на фактах, требует уточнения. Савва Морозов сейчас никого не волнует — поэтому и выбран на данном этапе в качестве примера.

А вот Николай II ещё волнует. Не далее как сегодня, выходя из продуктового магазина, невольно подслушал шумный спор двух женщин на ступенях: одна из них доказывала, что царя убили евреи, а другая возражала, что, напротив, Ленин. И обе оперировали фактами.

Поскольку всё повторяется, кто убил, действительно, важно — если евреи, то надо готовиться к очередной «перестройке» с разграблением и проделывать в поясе новые дырочки, а если Ленин (есть мнение, что он калмык), то ещё к чему-нибудь.

Важно это и для семейного строительства — кому же следует в этом деле подражать?

Несложно догадаться, что распространение **любого** факта потому и оплачивается (деньгами или эмоциональной энергией), что погибает человека в служение той или иной иерархии.

Кстати, насчёт Ленина: в рамках суверенитизма с помощью метода расширения пространства факта легко доказать, что Ленин был эскимосом. Это я вам как зять главраввина говорю.

Итак, для понимания смысла происходящего вокруг, повторюсь: «знать исторические факты общественной жизни глобального масштаба — как бы крайне мольно это ни звучало — не нужно». А что тогда надо знать — чтобы постоянно не оказываться в положении, когда рука непроизвольно тянется почесать «репу»?

Для наших захребетников много опасней, если мы проведём изыскания на глубинном уровне — и, освободившись от привитого нам **суверенитизма**, освоим **теорию стаи**, с помощью которой, среди прочего, легко и свободно удаётся проникать повсюду, даже сквозь закрытые двери и охраняемые периметры стен правительственных резиденций, откуда нередко на нас и спускают так называемые факты общественной жизни.

Как ни странно, но изучать происходящее за стенами правительственных резиденций, действительно, лучше всего вне их пределов — наблюдая за низовыми исполнителями-суверенитистами, непроизвольными марионетками. Взглянув на чернь взглядом, вооружённым *теорией стаи*, можно узнать всё, не сходя с места. Этому я и учусь всю жизнь, но начинал учиться у своего тестя, отпрыска главраввина. Теперь добытыми знаниями готов поделиться и со своими «братьями и сёстрами» — любой степени родства.

Читателю, вернее, счастливому обладателю критического мышления, видимо, уже не терпится узнать, что это такое — *теория стаи*?

Дураки остаются дураками при всяком правителе и при всяком государственном устройстве — образ их мышления во все времена схож. Они те, кого в дальнейшем мы будем называть **суверенитистами**, а образ их мышления — **суверенитизм**. Но есть, очевидно, какие-то малоизвестные принципы мышления, которые резко отличаются от общепринятых, — а владеющий этими принципами (*теорией стаи*) лидер легко будет управлять теми, кому привита тупая вера в факты общественной жизни и исторические документы.

Первый в моей жизни человек, который владел этими малоизвестными принципами и потому успешно манипулировал окружающими, был сыном главраввина довоенной Белоруссии (в подчинении сотни тысяч евреев), весьма близкая копия своего отца, мой первый тесть.

Могу даже сказать, что я до сих пор не встретил никого, кто бы так владел этими утончёнными приёмами скрытого управления, хотя для меня, интеллектуально-элитарного писателя, социальные границы полустёрты.

Как показывает жизненный опыт, простые (не спрятавшиеся от нас на охраняемых территориях) евреи этим знанием не владеют. Что, вообще говоря, косвенно подтверждает, что наследственный главравинат, как утверждают некоторые генетики, есть отдельная ветвь человечества.

Я на реконструкцию системы этих принципов — мой тесть их от меня пытался скрыть — потратил полжизни.

Зато теперь не хуже него (думаю, и лучше) умею, содрав с себя натянутую ещё моим предкам нахлобучку из веры в факты общественной жизни и официальные документы, добывать информацию даже там, где её тщательно скрывают.

Как известно даже буддистам, Учитель есть везде.

Следовательно, и в самом беззастенчивом вранье тоже.

Враньё вообще самый объёмный кладёзь информации — для тех, кто смог воспринять теорию стаи. Или хотя бы предваряющий уровень теории стаи — принцип **психологической достоверности**.

Приведём пример. Всё население СССР и СНГ знает, каким чудовищем был Лаврентий Павлович Берия — нашего современника аж оторопь берёт, когда он смотрит на его портрет. С самого детства помню, как люди шёпотом пересказывали сексуально-маньячные похождения Берия. Дескать, выходил вечером на улицы, выслеживал женщин, потом силой или обманом увозил к себе на квартиру и там насиловал, насиловал... Естественным способом — и противоестественным, конечно, тоже.

Способ распространения сведений о Берии как о маньяке известен и — как это ни смешно — никогда не скрывался. При Хрущёве всякого коммуниста, находившегося при мало-мальски зна-

чимой должности, вызывали в райком, там при нём из сейфа доставали скреплённые листки бумаги, брали расписку о неразглашении и в особой комнате давали читать о похождениях Берии сколько душе угодно. Естественно, о приключениях маньяка через неделю знал весь народ.

И с причмокиванием повторяет до сих пор.

А вот писатель Юрий Мухин, напротив, предлагает провести мысленный эксперимент на основе принципа **психологической достоверности**. Давайте представим, что по Москве прошёл слух, что человек с тогдашней популярностью Берии выходит вечерами охотиться на женщин — чтобы насиловать. Поскольку портреты Берии в прессе появлялись чаще, чем Сталина, то уподобить его сегодня можно разве что только ныне правящему Владимиру Путину.

Итак, Москва узнаёт (конечно, как всегда, вся), что на такой-то улице охотится «Путин». Что произойдёт? Во-первых, все проститутки Москвы и Московской области вмиг соберутся на этой улице и будут дефилировать, мощно покачивая бёдрами, — улица будет запружена вся. Так же галопом соберутся и московские шлюхи — будут запружены и близлежащие улицы. Так же и тысячи мамаш приведут своих невинных чад. Да и сами малолетние «невинные чада», эти, сами понимаете, небесные создания зевать не будут и тоже «ненароком» окажутся там же. Словом, для того, чтобы проехать в этом секторе Москвы на автомобиле, придётся вызывать конную милицию, чтобы разогнать толпу разгорячённых женщин.

Тут-то и возникает вопрос: кто кого будет насиловать? «Путин»-Берия одну из женщин или они все — его?

Кто интересуется традиционным способом разоблачения того, что практически всё ныне циркулирующее в СМИ и народе «знание» о Берии и Сталине есть плод хрущёвских

борзописцев, и притом плод весьма не умный, может обратиться к книге Юрия Мухина «Убийство Сталина и Берия». Там же рассматриваются и архивные фальшивки — скажем, в откопанном демократами якобы довоенном документе действие происходит на железной дороге, которая была построена лишь после Войны. И так далее и тому подобное.

Для нас же разоблачение вранья о Сталине и Берии не цель, а лишь один из примеров, облегчающий переход от идиотизма суверенизма к *теории стаи*.

В этом вранье о Берии как сексуальном маньяке для умного человека заключена бездна информации. Во-первых, из того, что клевета на Сталина и Берия, состряпанная при участии Хрущёва (Перлмутера), не разоблачена в СМИ до сих пор, следует, что все послесталинские правители России принадлежат (психотипически) к одной шайке-лейке и ступенчатая при них деградация России закономерна. Из того, что Сталина ненавидят воры, следует, что при Берии воров прижимали. Из того, что этих воров мы до сих пор «счастливы вокруг себя лицезреть», следует, что Берии не удалось с ними совладать и он поминутно должен был бояться убийства как себя, так и Сталина. После же убийства их обоих непременно должны были оклеветать.

Цепь умозаключений можно, конечно, продолжить, но мы рассматриваем принцип **психологической достоверности**, а не эпоху. Итак, враньё более информационно — если знать *теорию стаи*, — оно чревато картиной эпохи, прежде всего сведениями о типе правящей стаи или субстаи.

А что можно узнать из приведённого в самом начале книги о столь переменчивом перечня победителей в Войне? Достоверного?

Первый и самый легкий урок: если повсюду говорится, что Войну выиграл Брежнев, то это значит только то, что в это время в Кремле председательствовал Брежнев.

Если говорится, что Войну выиграла карельские партизаны, то, следовательно, в Кремле сидит человек, как-то с теми местами связанный.

Если при не участвовавшем в Войне Горбачёве журналисты нам, захлебываясь, рассказывают о неоднозначности поступков предателей Родины и даже об особой возвышенности их душ, если говорится, что на самом деле Войну выиграл добровольно сдавшийся немцам дегенеративный генерал Власов и ему подобные, то счастливый обладатель критического мышления сделает вывод, что глухие сообщения о том, что дядя Горбачёва служил у гитлеровцев старостой, верны. Что дядя, что племянник — яблочко от яблоньки недалеко падает... Можно добавить: подобное воспевание предателей России — вернейший признак того, что Россию ждут, увы, трудные времена, наподобие тех, в которые нас погрузили при Горбачёве.

А из того, что при Ельцине вдруг выяснилось, что войну выиграла евреи, тоже можно сделать некоторые выводы.

Можно предсказать, что Россию будут ожидать времена не просто трудные, а очень трудные. Можно предсказать, что население России утопят в займах — занятые же под процент деньги частью будут разворованы, частью уйдут на заведомо ненужные проекты; в дело не пойдёт ничего. Можно предсказать, что уровень жизни неворующей части населения резко упадёт. Можно предсказать, что нравственная грязь достигнет таких пределов, что русскому захочется умереть — вместе со всей своей семьей. И русские, действительно, начнут вымирать. Жулье в России будет чувствовать себя

вольготно — милиция будет существовать только ради их охраны. Они ещё и духариться будут, выдавая себя за благодетелей — простите за дурацкое ельциновское словечко — россиянцев...

И всё это можно предсказать всего лишь по тому, что говорится вокруг. И неважно, что пятиконечные звезды на кремлевских башнях не поменяли на шестиконечные. Они не поменяют. Это слишком уж прямые приемы управления, характерные для «внешников», властителей-воинов. А нынешние властители совсем другого психотипа — «иудо-внутренники».

Русская народная мудрость теорию стаи знала — естественно предположить, что наши захребетники, чтобы лишить нас понимающего взора и в рабстве довести до совершенно скотского состояния, будут нас усиленно цивилизовать.

Скажем, сейчас нашим детям под угрозой тюрем они вдалбливают: все люди равны.

Но одна из формул русской народной мудрости: яблочко от яблоньки недалеко падает (яблочко мимо яблоньки не падает) — говорит, конечно, не про фрукты. Но и не только о том, что видно невооружённым глазом: сын похож на отца (**настоящего**, а не того, кто таковым проходит по документам).

Знаменитый Чикотило был серийным маньяком-убийцей — и его сын тоже занялся чем-то подобным. Хотя папочка сынишку на ночные «прогулки» к городским парковым клумбам с рыхлой почвой не брал. (Сыночку не повезло — его быстро вычислили. Опять-таки благодаря принципу «яблочко от яблоньки» — по папе. Иными словами, феномен «яблочка» — **психологически достоверен.**)

Итак, сын похож на отца, а отец, в свою очередь, похож на своего отца. А прадед на прапрадеда. **Вот мы и приходим к новому уровню: у прапрапра-а-а-а-деда**

ПОТОМКОВ ТЫСЯЧИ И МИЛЛИОНЫ. Что очень важно, они на него похожи не только пропорциями черепа или цветом глаз, но прежде всего особенностями внутреннего психического строя (типом корневого порока). Они — десятиуродные братья, не помнящие родства. Выражаясь привычно — этнос. И мы приходим к естественному выводу: такая сущность, как национальный характер, реальней днепровских порогов. Сказал «цыган» — и всё понятно: знаешь, где в незнакомом городе покупать наркотики. Сказал «еврей указывает аборигенам путь к счастливому будущему» — и тоже многое понятно.

Итак, «яблочко от яблоньки» — формула, с помощью которой на самом деле описан феномен национального характера.

Феномен национального характера заключается в том, что повышенная склонность к тому или иному виду порока передаётся по наследству, им же люди объединены в кланы и народы (на самом деле стаи) — это и есть первая ступень в теории стаи.

Вождь клана может прятаться от наших взоров за ширмами, но весь его клан исполнителей выдаёт его тем, что непроизвольно повторяет его «движения» — тем выдавая похоти не столько свои, сколько вождя. Это тоже: «яблочко от яблоньки».

Но они выгрывают из наших карманов деньги, чтобы на них учить детей наших, что человек — плод преимущественно прижизненных обстоятельств, на прадеда похож только внешне, а родня — понятие эфемерное и при утрате документов родня становится абсолютно чужой и чуждой.

Хотите убедиться? Загляните в учебники.

Чего этим извращающим действительность внушением они достигают? Правильно — из-под нас, как из-под приговорённого к повешению, выбивается опора для суждений о происходящем в мире людей.

Движимы они, понятно, не благой целью дружбы народов...

Просто находящийся у них в рабстве исполнитель обязан верить, что даже если ему говорится, что Войну выиграли предатели Родины — то так оно и есть.

Утонченные принципы скрытого управления (дурилка) просты — надо привить управляемому населению фантомные представления о жизни и её закономерностях... Иными словами, цивилизовать. «Хотел как лучше, а получилось как всегда» — удел замороженного (не знающего *теории стаи*) человека.

Но заморочки, опираясь на которые мы мыслим таким образом, что у нас на плечах оказываются захребетники, можно вычислить. Этих заморочек не много и не мало, но сколько бы их ни было, они сводимы в систему. Познание же системы устраняет необходимость запоминания и процесс постижения обращает в удовольствие.

Учитель есть везде. Но только достойного (*неудника*) Он возносит к *теории стаи* кратчайшим путём.

Но можно, конечно, походить путями кружными. Например, можно порасспрашивать ещё здравствующих участников Войны (а лучше их детей, сыну отец сообщает самое сокровенное, чего не скажет даже напарнику по работе), где они в Войну встречали евреев — в пехоте ли, среди танкистов ли, лётчиков ли, или среди штабных парикмахеров, денщиков-адъютантов и писарей, на удивление обильно награжденных боевыми орденами.

Можно, слушая воспоминания ветеранов, узнать, что в Войну у этих писарей медаль «За отвагу» можно было приобрести, вместе с наградным листом, за цену двух бутылок водки. Ордена, конечно, шли подороже. А вот чтобы получить звезду Героя Советского Союза, адъютанту было достаточно «организовать» генералу армии несколько вагонов «трофеев». В Представлении

же к Герою рассказывалось, конечно, о героических схватках на фронте. (Скажем, в Белоруссии, где среди руководства партизанскими отрядами евреев было как нигде много, на каждый спущенный под откос немецкий эшелон — в том числе и безвестными одиночками — претендовало в среднем пять-шесть партизанских отрядов. А вот в списке наиболее результативных лётчиков, где евреев пропорционально доле среди населения должно было бы быть 3%, нет ни одного.)

А теперь посмотрим, куда мы выберемся, если пойдём путем, на который они нас подталкивают: получим доступ в архивы, засядем за «единицы хранения»... По статистике, полученной подобным образом, самый Героичный народ времён Войны — евреи. Это официальные данные. Но с этой статистикой (фактом) знакомы лишь специалисты-историки — все остальные будут это знать, только когда у последних участников Войны уже не будет сил возмутиться.

Кружной путь (через очевидцев), казалось бы, и не плох. Но хотя мы от участников войны и узнаем, что в войну евреи за редким исключением были денщиками, парикмахерами, героями продовольственных складов и прочих спецраспределителей, этим знанием для повседневной жизни мы мало обогатимся — ибо за всем этим желательно выявить некий **принцип**.

Для тянущегося к постижению глубин *теории* *стай* гораздо полезней присмотреться к современным евреям (не к их рассказам о самих себе, а к их реальной жизни — например, став зятем главраввина) и экстраполировать их поведение, чувства и мотивы на эпоху Великой войны. Ведь «яблочко от яблоньки недалеко падает»...

А насчет эшелонов награбленных предметов роскоши для высших командармов можно узнать из следственных дел — пока;

есть мнение, что именно за санкционирование этих дел к детальному расследованию и были убиты Сталин и Берия — но эти пока сохранившиеся дела, понятно, всего лишь вершина айсберга.

Словом, наше знание о родовой памяти (принцип «яблочко от яблоньки...»), её власти над каждым из людей и, как следствие, осмысление феномена национального характера, им будет ненавистно.

Отсюда сразу можно предположить, что они (цивилизаторы России) будут внушать населению, что родовая память — выдумка, национального характера — нет и, вообще, каждый человек — принципиально нов, ибо суверенен. А раз нов, то человек на своего предка (настоящего) психотипически не похож. Следовательно, мы вообще никаких выводов о происходившем в прошлом за пределами архивной схемы сделать не можем — потому что, дескать, не можем знать намерений и расчётов каждого «новнюка». В самом деле, Савва Морозов помогал большевикам в действительности потому, что у хомяка его жены периодически случалось несварение желудка, чувствительная жена «оттягивалась» на мужа, а финансирование большевиков в эти дни было для суверенного Саввы формой мести своей «акуле», ибо — о чудо! — обнаружили на сей счёт новые архивные документы...

О том, что родовой памяти не существует, нас школьной скамьи учили они все — и коммунисты, и до коммунистов, и после них.

Только вот *неугодническая* русская народная мудрость с этим не согласна.

Да и мой тесть, отпрыск главраввинского рода, над концепцией «неповторимых личностей» посмеялся бы.

Сталин тоже, что интересно, придерживался реалистичного взгляда на людей. И в своих действиях тоже был успешен.

Но они ненавидят Сталина не только за знание феномена национального характера. Но и за это тоже.

Еще они нас учат, что каждый человек психоэнергетически суверенен, то есть его поведение никоим образом не зависит от эмоций вождя (окружающей его толпы). Иными словами, любой индивид, якобы, совершенно не гипнабелен. Не стаден. Суверенен.

Очень они нависая над нами, на этом настаивают.

Напрашивается предположение, что знание о механизме скрытого управления исполнителями, то есть 99, 9% населения, очень важно.

Чем же для них опасно, что счастливые обладатели критического мышления будут осознавать, что совокупность гипнабельных людей действует не порознь, а как единое целое — причём себя не осознавая?

Стайны ли 99% людей или психоэнергетически суверенны — вопрос, в самом деле, не отвлеченный. Не абстрактно философский. Можно даже сказать, что нет вопроса более практического.

Веруя, что люди в большинстве своем психоэнергетически независимы (суверенны, не стадны), мы, как и уловленные в сувереническую веру предки, остаёмся вне реальности, потому и представляем собой управляемых исполнителей. Но вот поняв, что люди в абсолютном большинстве стадны, мы тем обретаем многое — в том числе способность проникать за охраняемые периметры стен.

В самом деле, если 99% людей не стайны, то из того, что при Горбачёве газетчики слаженно визжали, что Войну выиграла предатели Родины, а при Ельцине — евреи, ровным счетом ничего не следует. Это было просто хорошее пение неповторимых личностей, психоэнергетически суверенных. Просто у них было такое мнение. А то что хором — случайно.

Основываясь на их слаженности, мы не имеем права на суждение о том, кем был дядя Горбачёва (вернее, некий их общий биологический предок, в которо-

го они оба пошли). А глядя на кривляния диссидентов-правоборцев, не можем предсказать цунами нравственной грязи, внутри которой разграбление России — лишь незначительный штрих.

Оно, конечно, бывает всё, говорят, и мартышка, случайным образом тыкая красным задом в клавиатуру, может «Войну и мир» напечатать. Но когда «случайности» повторяются систематическим образом, то счастливый обладатель критического мышления разворачивается в сторону понятия «стая» — ну и *теории стаи*, конечно.

Если выражаться по-русски, без обиняков, то «стая» — это стадо подхалимов при вожде, психоэнергетическое целое. Для большей психоэнергетической управляемости подхалимы зомбированы, среди прочего, ещё и на то, что все они — суверенные личности.

Но все они — не более чем продолжение своего вождя, к тому же себя таковым не осознающие. Есть ещё одна русская народная мудрость (принцип психологически достоверного описания действительности): рыба тухнет с головы. И речь здесь тоже идёт не о дарах океана, а о способе существования иерархии-стаи...

Но нынешние «иудо-внутреннические» «мудрецы» в многоуровневой проповеди суверенитизма вовсе не оригинальны.

Античными текстами восхищаются все, кому довелось с ними познакомиться, — значительные глубины угадываются в них отчётливо. Но почти никто не замечает в этих текстах наличие некоего расслоения, а именно двойного дна и запрятанных там сокровищ.

Удивительное дело эти античные тексты! По большей части их составляли выходцы из правя-

щих родов, занимавшие в государстве ключевые посты, даже жреческие. Так вот, обладатель критического мышления в них обнаруживает, что тексты **в зависимости от их назначения** пронизаны двумя **противоположными (!)** системами мировоззрения.

Комплекс постулатов внушаемых подвластному населению в качестве веры мы уже назвали суверенитизмом (созвучно с идиотизмом, не правда ли? и это не случайно). Ось этой веры та, что человек психоэнергетически с другими людьми (прежде всего с вождём — формальным или неформальным) не связан, суверенен. А другой системой — *теорией стаи* — правители пользовались для управления исполнителями и в общении между собой.

Для подчинения умов исполнителей суверенитизму древние правители использовали скрытые приёмы. К примеру, они сгоняли население в театры (циклопические сооружения на сотни тысяч зрителей) на бесплатные представления — они шли с утра до вечера в течении пятидесяти дней в году. Якобы бескорыстная забота о населении и служение богам. Но всякий сюжет подразумевает угадывание зрителем развязки, а после «занавеса» — умозаключение, то есть логическое обобщение о принципах устройства жизни. Сюжеты, понятно, строились таким образом, что потребитель «бесплатного сыра» непроизвольно становился адептом суверенитизма.

Суверенитизм преподавали, естественно, и в государственных учебных заведениях — тоже «бесплатно». Смысл так называемых религиозных церемоний был всё тот же — обработка сознания до полной неспособности исполнителя делать верные суждения...

Обработанный суверенитизмом адепт, естественно, переставал ориентироваться не только

в общественных, политических и экономических делах, но даже и во «входах и выходах» семейных взаимоотношений — и, как следствие, постоянно оказывался в ситуации «хотел как лучше, а получилось как всегда». Та же участь ожидала и его потомков. И потомков их потомков... Уж театры разрушились, а «зрители» по-прежнему «восседают» на каменных их ступенях...

А вот в общении между собой представители правящих родов, как уже было сказано, придерживались иной системы воззрений — *теории стаи*. Или во всяком случае владели существенными её элементами — что и позволяло им успешно управлять прошедшим через мельницу бесплатных представлений населением.

Если в данной части света объявлялся тот или иной философ, которому удавалось восстановить какие-то элементы *теории стаи*, то он при возможности уничтожался (Иисус из Назарета, Сократ и др.), а в случае хотя бы некоторой популярности вмешательством СМИ смысл его интеллектуальных наработок извращался (Лев Толстой, Михаил Булгаков, Лев Гумилёв, Платон, Иисус из Назарета и др.). *Неугодников* СМИ топтали в толпе псевдопоследователей — тот же Лев Толстой, которому удалось прожить дольше остальных и который не сходил со страниц прессы, был в ужасе от так называемых своих «последователей».

Шли века, национальные правящие роды истреблялись — бывало в междоусобицах, но чаще в войнах с иноземными захватчиками или от яда на пирах. К тому же, никто так не подвержен вырождению, как правящие роды... Только у евреек сбор свежей крови (естественно, в виде спермы) возведен в ранг культа.

Естественное следствие исчезновения национальных правящих родов и, соответственно, утраты знания о реальном устройстве власти: население выбирало вождей из себе подобных «театралов» и всей иерархией они систематическим образом перетекали из одного положения «хотели как лучше, а получилось как всегда» в другое — такое же. Что и определило наступление поры многонациональных империй — с реальными властителями-чужеземцами и заседавшим при них совете делегированных от поработанных народов управляемых клоунов...

И какие бы слова о любви к родине и своему народу не произносили эти «избранники народа», как бы искренне ни верили в эти свои слова они сами, они непроизвольно оказывались врагами своего этноса.

Причем настолько тупыми, до такой степени суверенитистами, что даже не понимали своей предательской функции.

Восстановить утраченное знание *теории стаи* оказавшиеся в столь печальном положении народы пытались. Понятно, с разным успехом.

Есть имена известные, видимо, есть и не известные. Ссылаться приходится, конечно, только на известных.

Мировым классиком психологии толпы считается Лебон, француз. По его книгам учились все знаменитые властители XX века, как то: Муссолини, Гитлер, Троцкий, Ленин, Сталин, де Голль и так далее. С помощью знания о психологии толпы как целого они в искусстве управления, как видно по результату, явно обошли представителей королевских семейств, лживо выдававших себя за полноценных потомков древних властителей.

По Лебону толпа отнюдь не совокупность отдельных личностей, а единое целое, — добавим, психоэнергетически. Элементы этого целого настолько лишены критического мышления, что не в состоянии заметить за собой даже кричащих признаков стадности.

Высшие властители (господа площадных ораторов), по Лебону, толпе противоположны: в отличие от черни, они себя как личности реализовали.

Уже более сотни лет Лебона **по всему миру** перепевает тьма профессоров и орды писателей, но никто из них ничего нового не привносит — более того, их постоянно утягивает в омут суверенитизма.

Более высокий уровень *теории стаи* доступен **только в России**.

Это не случайно — осмыслить же причину исключительности России в этой области можно только с точки зрения *теории стаи*.

В постижении особенности России свернём на кружной путь. Для отдыха.

Дело в том, что кроме России брутальной, о которой аборигены всех стран наслышаны из всех и всяческих «средств массовой информации» (на самом деле средств утопления в суверенитизме), существует другая Россия, открытая взору только узкого круга *посвящённых*, — Россия сокровенная, *метанация*.

Все те, кто внимательно вчитываются в строки трактатов античных философов, прекрасно знают, что многие поколения мыслителей делили знаменитую Скифию (древнее название территории европейской части бывшего Советского Союза) на две части — Скифию Южную и Скифию Северную. Даже по Геродоту истинная Скифия — лесистая Северная часть. Её часто называли Гилеей, а её северную часть в свою очередь — Гипербореей. Если Южную Скифию (нынешнюю Украину и

Молдавию) населяли, по мнению мудрецов, народы ограниченные до крайних степеней тупости, падкие на всякий обман, то в лесной части Гилеи систематическим образом обнаруживались люди противоположного склада. Среди мудрецов ойкумены (средиземноморья) они слыли обладателями невиданно раскованного мышления. Странники, оттуда порой забредавшие (чтобы затем скорее вернуться в Гилею), глубиной мысли просто поражали.

Античные жрецы разных коллегий, зная о том, что у солнечного Аполлона (изначально бога интуитивного познания истины и прозрения будущего) родина в Гиперборее, и место рождения такого бога, очевидно, должно отличаться от прочих мест и во все последующие века, в признании исключительности Гилеи-Гипербореи к философам, естественно, присоединялись.

По какой причине столь удивительного ума люди тяготели именно к Гилее?

Может, из-за каких-то особенностей этих мест? Скажем, из-за специфики жизни среди лесов и болот?

В самом деле, на поросших лесом берегах тихих озер ни одно место не похоже на другое, поэтому, чтобы выжить, необходимо напрягать, в сущности, все умственные силы и притом постоянно. (Обжигающая жесткость северной природы вынуждает поселившихся там уважать Её Величество Действительность, постигать её, в то время как тому же землепашцу из Южной Скифии, чтобы выжить самому и продолжать свой род, напротив, достаточно **совсем иного**. Ему достаточно всего лишь следовать мозговому фантому

(оно вполне может быть простым внушением от поработителя), то есть, привыкшись за плугом, «упереться» и повторять одни и те же движения. Действительность не замечена, не признана, а порой и вытравлена. За что «пахарь» — утробно когда благоденствующий, а когда и нет — расплачивается тупостью и лично и своих потомков.)

Или гилеяне таковы из-за отрезвляющего воздействия лютых морозов?

Или из-за какого-то непознанного излучения земли?

А может, эти люди в те далекие времена собирались в Гилею с разных земель веками?..

В наше время, по прошествии стольких веков и тысячелетий, об истинной причине стародавней особенности гилеян можно только гадать, но как бы то ни было, из века в век по меньшей мере отдельные жители Гилеи-Гипербореи подтверждали свою исключительность — понятно, различимую только теми немногими, кому доступны хотя бы начатки мудрости.

Что не менялось долгими столетиями, не может измениться — без исключительных на то причин — и в тысячелетиях.

К счастью, в том, что Россия — преемница Гилеи можно убедиться и косвенно. Скажем, уже почти слившаяся в единую иерархию планетарная чернь (всегда и везде с мудрецами не просто не совместимая, но им противоположная) жителей Гилеи должна ненавидеть — по тем же духовно-психологическим механизмам, что ненавидели и Христа.

Важная деталь: прежде чем духовной черни было позволено Его распять, она, в лице «уполномоченных» ею предводителей (главраввината, предков моего тестя), старалась Его оболгать (по-

пытаться внушить о Нём фантомные представления). И легко и свободно сманипулировала толпой суверенитистов.

Скажите, а вы никогда не задумывались о глубинных и потому истинных причинах ненависти мировой толпы к России, ненависти, вне феномена непримиримости двух видов духа явно не объяснимой?

Чернь везде и во все времена не меняется — она, как ни печально, представлена всеми без исключения сословиями и социальными группами: военными, прислугой иной специализации, включая и «выборных» политиков (плоть от плоти фанатизированной части выборщиков), лавочниками зажиточными и не очень, гильдиями артистов (одурачивающих чернь), ордами писателей-суверенитистов и так далее...

Итак, о глубинных причинах странной ненависти к России вы не задумывались? То-то и оно! Неровности каменных ступеней древних театров до сих пор не менее осязаемы, чем днепровские пороги...

Итак, первенство в познании сокрытых просторов *теории стаи* и выводов из неё, важных для практической жизни, закономерно должно быть за Россией. Путь к постижению *теории стаи* может быть и извилист — скажем, через этап познания альковных и прочих тайн главраввината.

Мой тесть меня не любил.

Может быть, и ненавидел.

Он был сыном главраввина довоенной Белоруссии, в подчинении которого было никак не меньше полумиллиона евреев, при немецкой оккупации умер ли он сам или был немцами уничтожен — неизвестно. Но что известно достоверно, единственного сына он отправил в Москву вовремя — в те несколько часов до

прихода немцев, в которые смогли сориентироваться, понятно, не все.

Нет, мой тесть не пытался набить мне морду — я был крупнее раза в два, к тому же, хотя из-за травмы колена с борцовского ковра вынужден был уйти уже давно, возможности физически «нагрузиться», когда таковая подворачивалась, скажем, на лесоповале или при разгрузке вагонов, никогда не упустил.

Неприятнь тестя проявлялась в том, что даже когда я женился на его дочери, он мне помогать по сути отказывался — в научном отношении мы работали в смежных областях, даже в одном институтском корпусе, и помочь мне ему ничего не стоило. Тем более в закулисных игрищах — кто не знает, что в реальной научной деятельности они много значимей, чем собственно естественнонаучные достижения, единственно ради которых научные учреждения, казалось бы, существуют.

Он помогал, и даже охотно, — но только любому еврею, которому случалось оказаться рядом, причем среди них я застал двух таких типов, что даже у обычных евреев (семитистов) они вызвали бы острейшие приступы антисемитизма. Так вот этим омерзительным типам он помогал, а мне, зятю и отцу его первой внучки, квазисыну (по законам психологии дочь в мужья выбирает отца, во всяком случае по одному из многих параметров отождествления), — нет.

Из своей лаборатории тесть вообще устроил форменную синагогу — и никто ему и слова не смел сказать. Напоминаю, рассказываю я не про демократический, а про советский период.

Что бы нам ни вдалбливали нынешние «иудо-внутреннические» средства массовой информации, жизненный опыт каждого россиянина-горожанина говорит: привилегированное положение в обществе евреи заняли не в постсоветское время (просто при демократии всё это приняло откровенно «отвязные»

формы и никакая пропаганда прикрыть этого уже не в состоянии), а гораздо раньше. При советской власти они тоже не стеснялись и свои похоти не сообразовывали даже с Уголовным кодексом. И в Советское время тоже представителя любого народа могли начать преследовать за малейшие проявления национализма и расизма — любого, но не еврея. Только за ними была закреплена привилегия вытворять что хотят — и уголовного преследования не опасаться.

В те годы, по молодости (умению судить только по себе), я не понимал, как это можно: не помочь человеку, если он просит о помощи и оказать ее равным счетом ничего не стоит. (Тесть мой был ведущим специалистом Института и парторгом — чего бы ни пожелал, всё на цирлах бежало исполнять. Вернее, как я сейчас понимаю, он, как представитель правящего рода, соответственно, унаследовавший забытые другими народами принципы *теории стаи* (первой и второй ступеней), **сначала** мог добиться исполнения всего, чего ни пожелает, а уж потом, **как следствие**, окружающие не могли сопротивляться идущему, казалось бы, изнутри голосу, диктовавшему, что он — ведущий специалист Института и только он достоин принять сан парторга Института — как о них тогда писали на стенах, «ума, чести и совести нашей эпохи».)

Это странное нежелание помочь мне хоть чуть-чуть тогда в мой ум просто не вмещалось. Теперь, правда, разобравшись в принципе родовой памяти и осмыслив феномен протекающего в веках расслоения народов по духовно-психологическому принципу, уже понимаю: если мы в чём периферийном с ним и совпадаем (видимо, не только знаком Зодиака), то отличаемся в главном — он из лаборатории строил синагогу, а мне нет ничего дороже метанации (национальность не важна). Я себя с ней отождествляю, а он — нет.

Впрочем, это отступление. А сейчас важно только то, что в отличие от окружающих *теорией стаи* мой тесть владел (принял по наследству), пусть лишь в объёме первой и второй ступени. При достаточном уровне подавляющих способностей (силе некрополя) этого объёма знаний, конечно, вполне достаточно, чтобы в иерархическом обществе добиваться всего — он всего и добился. Ведь он занимал самое сладкое место — для той эпохи, — о котором сколь-нибудь мыслящий человек мог только мечтать.

Итак, мой тесть меня не любил — естественно, типично по-еврейски доброжелательно улыбаясь в глаза, — и избегал не только меня, но, главное, содержательных со мной разговоров.

А я, напротив, старался залезть к нему «в подкорку». Я, как бы молод (16 – 24 года) и, соответственно, глуп ни был, всё-таки не мог не заметить, что он обладал неким знанием, совершенно отличным от того, которым по жизни руководствовались рядовые научные работники (в те годы я ни с кем кроме как с научными работниками не общался). Я старался оказаться в его обществе и порой мне удавалось его «прижать» — скажем, на балконе или ещё где во время чьего-нибудь дня рождения.

«Прижать» — то есть вынудить на содержательный разговор. И услышанное по меньшей мере запомнить — а лучше испытать на себе.

Простой пример: однажды, пожалуй, единственный раз впав в многословие, он сказал, что есть только два способа изучения какой-нибудь науки. Дескать, первый способ заключается в том, что человек берёт рекомендуемый Министерством образования учебник и начинает штудировать — каждую страницу, каждую строчку, читать, перечитывать и даже заучивать целые абзацы. Только этот способ и распространён, — в этом легко убедиться, оглянувшись вокруг, — но он для дураков.

А есть другой способ.

Берёшь как можно больше книг по интересующему предмету, **вовсе не обязательно из числа тех, которые рекомендованы Министерством образования, и даже лучше не их**, и читаешь запоем — *в детали особенно не вдаваясь!* Не понятые или вызывающие чувство отторжения места не перечитываются! Читаешь до тех пор, пока не приходит некое **ощущение** предмета.

Только при таком подходе и возможно *настоящее* освоение предмета.

А первый способ, да, распространён, — но он для дураков.

Не знаю почему, но меня слова о двух способах изучения наук поразили.

Но советом, выжатым из тогда ещё будущего тестя, я воспользовался — и разницу почувствовал. Она громадна. В ту пору я был ещё студентом, второго, а может, и первого курса. Набрал в библиотеке книг по химии и читал их запоем (тем более, что всё это мне нравилось) — всего-то навсего недели три. А затем все оставшиеся курсы по всем возможным химическим предметам получал только высшие баллы. И это при том, что к экзаменам практически не готовился.

Это было как цирк, и я всячески демонстрировал, что к экзаменам (по химии) вообще не готовлюсь, — и все равно высший балл! (Но так было только по химии. По другим предметам я подняться до ощущения поленился, и зубрёжка накануне экзамена высший балл обеспечивала далеко не всегда.) Эта демонстрация не прошла незамеченной. По окончании института при распределении на первое место работы с дипломом требовалось переслать и характеристику, и наша староста, еврейка из Винницы и зубрилка, написала: «не смотря на то, что у Меняйлова средний бал

высокий, он всё равно ничего не знает» (дескать, потому, что знать ничего и не может). Начальница отдела кадров Института принесла эту характеристику показать моему тестю со словами: «Тридцать лет работаю в отделе кадров, но *такой* характеристики ещё не видывала!» (Моё изобретение в области алкилирования было засекречено, так что эта характеристика скорее всего где-нибудь ещё хранится.)

К сожалению, описанным способом изучения любого рода наук мало кто владеет, почти никто, несмотря на полчища причисляющих себя к просветлённым, продвинутым, убелённым, покаявшимся, вознесённым и проникшим в прошлое, будущее и параллельные миры, не говоря уж о кавалерах знака «Почётный педагог». Им не владеют даже начинающие *неугодники*, которые владеть этим приёмом, вообще говоря, достойны как никто.

В каких словах главраввин преподавал собираемым вокруг себя евреям (несравнимо более тупым, чем он), это и подобное ему тайное знание и преподавал ли им вообще, не знаю. Но мне его «стенографические» обмолвки приходилось расшифровывать подолгу.

Это теперь его недосказанности я могу изъяснять в понятных нашему времени образах, а тогда было очень сложно. Итак, у человека есть две системы отображения действительности, как бы независимые: логическая и образная. Одна — функция левого полушария мозга, а другая — правого. Работают на разных принципах. При заучивании строчек учебника, **тем более рекомендованного Министерством образования**, бывает задействовано одно только логическое мышление. Но предназначение логического мышления — оборона подсознания (образного мышления) от психоэнергетического вторжения некрофила-поработителя.

А вот для постижения Действительности логическое мышление совершенно бесполезно — ввиду ничтожно малой, по сравнению с подсознанием, скорости действия.

Но логическим мышлением постичь Действительность пытаются не только море дураков, но и те немногие, кто достоин подняться с уровня раба-исполнителя, но ещё не успел этого сделать.

Вообще, шиворот-навыворот заставляют учиться тех, кого, одурачив, хотят сделать рабами, исполнителями, марионетками — включая и их потомков. Так повелось не только с древности, но и со времён, видимо, доисторических.

Вторая система отображения действительности — просторы так называемого бессознательного. Именно оно отвечает за постижение смысла и взаимосвязей сложных явлений окружающей действительности — а сложные они все. У бессознательного есть такое неотъемлемое свойство: оно постигает помимо логического мышления — **правда, только при наличии искреннего интереса.**

Именно поэтому, читая *хорошего* (не совсем суверенитиста) автора, не надо останавливаться на непонятном и пытаться расколоть препятствие логическим мышлением (**тем более, как правило, поработочного суверенитизмом**), опираясь на слова (заведомо многозначные!) и фразы (опутанные суверенитизмом!): если есть интерес, то как только вы постигните концепцию как целое, *ощущение* частных придёт «само». Только не надо мешать самому себе — повинуюсь наставлениям учителей суверенитизма, тупицам настолько тупым, что они не в состоянии осознать своей тупости.

Но в приведенных словах моего тестя о практике познания наук (в том числе и умения жить, причём так, чтобы не сомневаться, удалась жизнь или нет), просматривается ещё как минимум один уровень тайного

знания об успешной ориентации в всегда иерархическом обществе. Речь идёт о **реальном** назначении Министерства образования и подпирательной его иерархии училок. Реальном, а не том благородном, который элементы этой иерархии на словах себе приписывают.

Обсуждал ли мой тесть с отцом-главраввином назначение вообще любых образовательных иерархий, включая и официальное Министерство образования, или только догадывался (бессознательно), не знаю. Но понимал.

Подобное понимание вполне по силам даже новичку. В самом деле, достаточно разобраться во всего лишь второй ступени *теории стаи*, как становится очевидно действительное назначение любого на планете Министерства образования, этого «благотворительного» учреждения властей. Назначение иерархии училок, увы, то же, что и клоунов древних цирков и театров — одурачивание населения и превращение его в скопище дезориентированных исполнителей.

Приёмов по массовой переработке людей в марионеток подхалимы при властителях за тысячи лет работали немало. **Прямая** подмена *теории стаи* на суверенитизм — из них самый простой. Есть приёмы и более тонченные.

Вспоминается один фантастический рассказ времён моего детства. Инопланетяне прилетели на Землю изучать аборигенов. И так уж случилось, что приземлились они рядом с бензоколонкой — за жизнью которой они и установили наблюдение.

Жизнь на бензоколонке известна: подъезжает машина, из неё выскакивает человек, в одно отверстие автомобиля заливает бензин, в другое — масло, и машина, прихватив обслужившего её человека, едет дальше. На освободившееся место становится другая машина, из неё выскакивает человек... И так далее.

Вот этот процесс и наблюдали марсиане. Одна машина... другая... третья... сто третья...

Первый вывод тайных гостей: двуногие без перьев и с плоскими ногтями — прислуга автомашин, их рабы. Следовательно, смысл жизни людей заключается именно в обслуживании машин — об этом свидетельствуют факты их поведения на бензоколонке. Факты же, как известно, вещь упрямая.

Через некоторое время просветлённым инопланетянам надоело тупое однообразие и они решили провести эксперимент. Один из них подобрался к очередному автомобилю и поменял шланги — в бензобак пошло масло, а в картер хлынул бензин. Тут придаток автомобиля забегал, забегал... Засуетился. Засучил ногами. Застучал кулаками по капоту.. Марсиане глубоко задумались: почему от такой мелочи, как смена шлангов у господина, человек потерял способность прислуживать? И почему появилась некая агрессия по отношению к своему господину? *Странно...*

Так и с двумя системами мышления — чтобы сделать людей управляемыми идиотами, достаточно загрузить логическое мышление пищей бессознательного, причём загрузить такой «защитной» системой, которая бы уморила бессознательное голодом. Если это «достижение» наложить на унаследованное внушение верить в систему постулатов суверенитизма и не скупиться на бесплатные «образование» и зрелища (а с законченных кретинов и вовсе со временем можно за это брать деньги), то исполнитель точно останется в рабах, дети его тоже, и дети его детей...

Если что и удивительно, так только сила страсти людей (преимущественно среди пьяни, проститни и так называемой интеллигенции, то есть особо «обученных» суверенитизму), которые утверждают, что бессознательное не существует, дескать, люди руководимы **расчётами** разума, расчёты же опираются на факты

общественной жизни. Эти «знатоки» постоянно ноют, дескать, их обделили, обошли, живут-де в богатой стране, а нищенствуют, что-де достойны положения лучшего, чем сплюнутое им положение прислуги, пусть даже высокооплачиваемой (скажем, министра или генерала).

Что ты, пьянь, жалуешься? Хочешь жить не по *ощущению* и не на основе *теории стаи*, а рассчитывать свои действия, основываясь на фактах?

Хочешь?

Основывайся!

Рассчитывай!

И упорствуй, что-де факт общественной жизни штука упрямая.

Репу только не протри.

Но, может, задумаешься хотя бы над тем, что слово «факт» привнесено в русский язык извне? И не так уж и давно?

Да, наши забытые предки, гилеяне, как-то обходились не только без слова «факт» как такового, но и без его аналогов — и в рабах ни у кого не были. Что взаимосвязано. Ибо гилеяне, похоже, знали не только то, что известно главраввинату, но и, как будет показано ниже, много больше.

Перед главраввинатом комплексовать не надо и по другой причине: их вода только мёртвая.

Вспомните гилейскую народную мудрость: мёртвая вода, да, ценна — она может срastить части тела рассечённого (суверенитизмом?) двуногого без перьев и с плоскими ногтями. Но вернуть дух во внешне целое тело и сделать его человеком может только вода живая.

Мёртвая вода недвижима, потому её и могут спрятать — до времени! — но живая вода существует в движении по определению. Нет таких преград, которые её могут остановить. Потому и спрятать её невозможно. Живая вода много важнее, чем действительно необходимая мёртвая.

Живая вода жива в движении — от одного ищущего к другому. А из сына главраввина знания даже с в общем-то пустяшной второй ступени *теории стаи* приходилось тянуть разве что не клещами.

Поскольку абсолютное большинство русских и русскоязычных читателей прочно забыли основы русской народной мудрости, то вынужден повторить сказанное на языке, стилизованном под привычный суверенитизм: **знание об удивительных свойствах бессознательного важно, но за пределами естественных наук ожить оно может только в пространстве теории стаи.**

В русской же мудрости всё очевидней: жизнь кладёт на поиски живой и мёртвой воды не кто-нибудь, а сам замечательный Иванушка-дурачок (один из «псевдонимов» — Пьер(о) Безухов). И только ему и оказалась по плечу эта задача.

Слово «ощущение» у тестя-«главраввина» вообще было одно из самых ходовых.

«Казалось бы, если верить результатам этой серии экспериментов... но по *ощущению*...»

Или ещё более загадочно:

«Казалось бы, если верить газетам... но из *простых соображений* следует...»

Теперь понимаю: *ощущение* — это процесс (нечто вроде живой воды), а *простые соображения* — это основание для продвижения в сторону верного результата (нечто вроде воды мёртвой). Если угодно, *простые соображения* — такая система постулатов, которая ведёт к успеху при соприкосновении с континуумом человеческой массы.

К преимуществам *ощущения* привыкаешь настолько, что забываешь, что далеко не все им владеют. Порой даже удивляешься: а почему обычный суверенитист, с которым ты пытаешься порассуждать, за тобой не поспевает? Не *догоняет*?

Освоишь, читатель, *ощущение* в пространстве *теории стаи* и тоже это прочувствуешь.

А вот про *простые соображения* при разговоре не забываешь. Может, поэтому их легче скрыть?

Пытаясь разрешить — бессознательно — загадку скрываемой от меня системы постулатов *простых соображений* я, среди прочего, долго думал: почему в русском языке нет слова, аналогичного завезённому к нам цивилизаторами «факту»?

То, что «факт» из языка цивилизаторов России, понятно. Поверишь — и подломятся колени...

А что тогда есть, если факта нет?

Фактами из общественной жизни доказали, что Войну выиграл Сталин, затем фактами доказали, что Войну выиграл Хрущёв, опять-таки фактами поочередно легко доказывали, что войну выиграла Брежнев, Андропов, предатели родины и евреи. Сладкоголосые певцы, правда, таки всегда идут на уступку: дескать, Войну выиграл народ.

Но по *ощущению* на просторе *теории стаи* получается, что стадная составляющая народа может выиграть только незначительную войну, а вот великую войну выиграть может только ничтожная часть народа — *неугодники*.

Мысль можно усилить: из *теории стаи* (*простые соображения* — лишь её часть) следует, что всякую великую войну, в особенности если в неё вовлечена метанация, выигрывают *неугодники*. Она потому и Великая, что сверхвождь оказался глуп, не освоил третьей ступени *теории стаи* не принял во внимание существования *неугодников*, и путь к мировому господству прочертил через земли метанации.

Впрочем об этом во втором томе «Катарсиса».

В период «породнения» с главраввинатом я, как и все, верил в факты и даже не предполагал существова-

ния простых соображений — то есть был глуп как и всякий суверенитист.

Я был глуп и когда, находясь уже в третьем браке, стал аспирантом Института Российской истории РАН. Это сейчас я понимаю, что вне теории стаи (или хотя бы простых соображений) история превращается в полную чушь. В инструмент порабощения населения.

Или в демонстрацию убогости самих историков, опутанных суверенитическим мышлением.

Тогда я рассуждал как многие: занимаются историки самым сложным объектом окружающей действительности — человеком, его взаимосвязями с другими людьми, следовательно, должны не только разбираться в действительности, но и вообще быть интеллектуально развитыми, по меньшей мере силой ума выделяться из прочих категорий не то что населения, но даже и учёных. Писать они, понятно, могут не то, что думают, — кто девушку ужинает, тот её и танцует — но ведь есть же и внутренний мир, общение с себе подобными мыслящими!

Но что меня поразило, когда я, оформив соответствующие документы, был допущен в их среду (достаточно закрытую), так это действительно сила их ума — историки оказались много тупее не то что химиков или химфизиков, но даже завсегдаев пивных. Я был потрясён. Фактов, да, они знали множество... Но почему они много тупее других? Тех же, скажем, химиков?

Замечательный мыслитель современности Николай Николаевич Вашкевич, автор книги «Системные языки мозга», объяснил бы это наблюдение следующим образом. Название профессии, с которой отождествляет себя человек, является кодом, управляющим им из подсознания. Но название нужно читать на одном из двух системных языков мозга. «Химия» это всё равно что «симия» (от этого слова происходит слово «семантика» — наука о смысле слов). Иными словами, идущая из

подсознания химика сила преданности симии будет подталкивать к поиску в происходящем глубинного смысла, к несколько большей, чем у окружающих, самостоятельности мышления.

Следствий из этого знания множество. Одно из них то, что в государствах с марионеточным правительством (управляемым извне) в высших эшелонах власти будет мало химиков или их не будет вовсе, и наоборот.

Это наблюдение о сравнительной с химиками тупости историков переполняло и без того полную странностями чашу жизненного опыта. Учитель, конечно, есть везде, но порой голос Его особо различим...

Я тогда ещё не был знаком с трудами Н. Н. Вашкевича — жизнь постоянно подтверждает верность некоторых сторон его концепции — и потому объяснил наблюдаемое другими, тоже верными, соображениями. Если кто и делает из факта культ, так это историки — за что и расплачиваются.

И не случайно историкам так ненавистен принцип **психологической достоверности**. А Лев Николаевич Гумилёв, пытавшийся реконструировать некоторые аспекты *теории стаи*, — и вовсе ненавистен.

Когда, еще в советский период, подорожали какие-то предметы роскоши (золото и т. п.), мой тесть вздохнул и сказал, что теперь сливочное масло будет хуже.

Я не понял и высказал сомнение.

Он, обидевшись, пояснил:

«Те, кто поставлен отвечать за масло, захотят пользоваться предметами роскоши в объемах, к которым привыкли».

Теперь я бы сказал так: что бы ни случилось вовне, психотравма остается и управляет исполнителем.

Кстати, о масле. Действительно, через некоторое время отечественное масло на хлеб намазывать стало неприятно: под ножом стали выступать крупные капли воды.

Получается, что хотя они нас учат, что люди живут по карлмарксовской торгашеской схеме, то есть подобно лавочникам логически высчитывают, что им выгодно, а что нет, сам главраввинат мыслит совсем в другой плоскости — и они, владеющие простыми соображениями, предзная по меньшей мере ближайшее будущее, всегда суверенитистов седлают.

Сын главраввина, умевший всего добиться, отмалчивался, от меня разве что не бегал, но даже по отрывочным замечаниям, вроде предсказаний о скором ухудшении качества масла, он выдавал, что находится в курсе по меньшей мере некоторой части второй ступени теории стаи.

Теория стаи будет воссоздана — иначе невозможно исполнение древних пророчеств о глобализации (объединение всех подхалимов планеты в единую иерархию), за которую так на наших глазах бьются, как и было предсказано ещё тысячи лет назад, «иудовнутренники» и их прихвостни.

Воссоздана же в полноте *теория стаи* может быть только в России — ибо для её воссоздания требуется сила критического ума гилеян.

Достижения француза Лебона — пустяки, так, небольшой плацдарм на второй ступени. Главраввинат — и я тому свидетель — знает много больше. Постулаты у Лебона всё равно подхалимские: в толпу-стаю у него входит только чернь и площадные вожаки, а высшие вожди уже не толпа, а личности.

Лев Николаевич Гумилёв, тот самый, который, лёжа на асфальтовом полу под ногами раскалённой жарой Лубянки, сочинял замечательные стихи о пре-

красной, необыкновенной судьбе России в веках и тысячелетиях и размышлял над *теорией стаа* продвинулся в ней далеко: **у него в стаю вопли и вожди** — это мощный прорыв в осмыслении человеческого общества.

Но этот, самый важный вклад Гумилёва в Знание не замечают даже его номинальные последователи.

Жаль только, что по Гумилёву стая почти не несет отпечатка прошлого: измени, по Гумилёву, обстоятельства окружающей среды — и характерные мерзости народа вскоре будут уже другие.

С последователями-суверенитистами Гумилёва получилось как всегда (хотя хотели они как лучше): хромую часть изысканий Льва Николаевича они ценят, а главного — не замечают.

Систематическое изучение *теории стаа* логично начинать с первой ступени. С «яблочка от яблоньки». А здесь краеугольный камень, выражаясь современным языком, — это понятие **невроза**, то есть **непроизвольного повторения событий прошлого**.

В массовом (среди психологов) понимании «прошлое» — это прижизненные события.

В самом деле, как ловят, скажем, убийц? У них есть такое свойство — они вновь и вновь воспроизводят обстоятельства своего **самого главного в жизни преступления против нравственности** (того стержня, который сохраняет за человеком тот уровень критического мышления, который пропускает человека в *неугоднический мир*). Маньяки-убийцы не могут не вернуться на место, скажем, убийства — и здесь их ожидает засада. Все знают, что на месте пролитой крови сыщики устраивают засады, но власть психотравматического следа от преступления много сильнее расчётов разума.

Преступник может вернуться к жертве — на похороны — это из той же «оперы» и здесь его тоже ждёт засада.

Ещё убийца может полностью воспроизвести только обстоятельства убийства, жертва может быть и другой. При такой канализации невроза его поймать труднее. Но круг всё равно сужается.

Совсем плохо (с точки зрения сыскарей), если убийца начинает воспроизводить убийство символически. Можно было бы его словить по непонятным («неадекватным») движениям рук, скажем, в состоянии подпития, — но беда в том, что очень уж много людей навязчиво совершают те же движения, нередко организуясь в клубы «по интересам».

Иными словами, находящийся в розыске маньяк отнюдь не одинок, вокруг него много троюродных и десятиродных братьев — пра-пра-пра-а-а-а-дедушка у них был общий, и был не безгрешен вполне определённым образом.

Развивая тему логически, мы, минуя уже обсуждённый уровень феномена национального характера, оказываемся у важнейшей оси творчества так и не понятого массой Михаила Булгакова: **жизнь любого индивида вращается вокруг главного преступления его рода (этноса, субстаи и стаи), потомок наследует боль от психотравмы, полученной его преступным предком.**

Это очень важный элемент *теории стаи* — продвигаясь по цепочке предков можно прийти к пониманию главной темы «Мастера и Маргариты» — значимости в жизни каждого **Сверхпреступления**, предельного преступления в истории человечества, которое и определяет в наше время странности поведения уже практически всего населения планеты.

Итак, тема рабства преступлению предка — **первая ступень теории стаи.**

Главраввинату, если их прапредок-первосвященник искренне веровал, что Иисус не Сын, первая ступень *теории стаи* тоже известна не полностью. Они признают власть мелких страстей, но не

логично отворачиваются (на зрителях) от знания о главной страсти — «порождённой» Сверхпреступлением.

А ведь знание о коллективном Сверхпреступлении очень важно: из него следует, что стаи бывают разного типа — «внешнические», «иудо-внутреннические», «когорты» и «сыны».

Вторая ступень теории стаи — феномен психоэнергетической целостности толпы. Что важно: управляется эта целостность психоэнергетически.

Третья ступень теории стаи — вся, совокупность феноменов, связанных с *неугодниками*, особенности их жизни на границе со стаей и особенностей их воздействия на неё.

Неугодник это тот, которому чуждо общество элементов стаи, но, напротив, ценней всего остального общество других *неугодников*. *Неугодник* — счастливый обладатель критического мышления.

Но приведённая систематизация — пустяки, не более чем пища для логического мышления. Вкусившему от умения утончённейше наслаждаться от общения с Истиной есть смысл проломиться к уровню *ощущения* и в *теории стаи*.

Негоже метать бисер перед свиньями и потому сделаю ещё одну последнюю оговорку, необходимую.

Каждый из читающих эту книгу уже причислил себя к *неугодникам*. Но вынужден разочаровать. Ядро внушаемого толпе суверенитизма как раз и заключается в том, что кретинам прививается вера, что каждый из них есть чуждая толпе неповторимая личность.

В самом деле, подойдите на улице к любой прашмандовке — самой растипичной и стадной — и спросите, стадна ли она? И она с возмущением ответит, что вот именно-то её с остальными смешивают.

вать не следует. Дескать, именно она и есть личность.

И так ответит каждая прашмандовка.

Это и есть вернейший признак кретинизма.

Человека характеризует не то, что он сам о себе думает, и даже не то, как отзываются о нём другие, а совокупность его дел.

На практике легко убедиться, что всякий *неугодник* живо интересуется проблемами построения стаи. В то время как стадный, повинувшись внушению на веру в суверенитизм, заявляет, что стая ему чужда, следовательно, и не может быть интересна.

Парадоксально: человек с выраженным личностным началом в себе проявление различных слоёв стадности распознаёт, стадный же — не замечает, тем демонстрируя полное отсутствие критического мышления.

Как сказал Михаил Булгаков, вперёд, читатель! Только не забывайте об искомом *ощущении* знание о котором мне удалось вырвать у главраввината великой ценой. Не забывайте: я потерял всё имущество, они отобрали у меня не только квартиру и прочее, но ещё я должен был годы расплачиваться унижением.

Книга эта построена так странно намеренно, дабы был преподан первый урок — по *ощущению*. Книга отнюдь не для того, чтобы ты, брат, возвращался к непонятому абзацу. А остальные мне безразличны.

Итак, подобно тому как в Библии понятие забытой святости мудро передается через отрицание хорошо известного — «не кради», «не прелюбодействуй» и т. п. — то и *неугодника* (биофила) мудро описать через его противоположность — некрофила.

Глава восьмая
из первого тома «Катарсиса» —
«Подноготной любви»

НЕКРОФИЛИЯ

Дорогой друг! Читая нижеследующие натуралистические, а потому отвратительные описания, не забывайте, что основная цель нашей книги — рассмотрение прекраснейшего из феноменов — *половинки*. Но окружающий нас мир сер и даже почти черен, хотя и пытается обмануть, предстать белым. Выдать себя за нечто иное — прекрасное. Потому и полезны разоблачения. Для этого в некоторых рассуждениях и необходим натурализм описаний — для полноты осмысления происходящего. Перетерпите его, пожалуйста!

* * *

Итак, что это была за женщина, которая «удружила» В. камень в грудь? К какому типу она относилась? К тому же самому, что и главарь бандитов, автор проникающих в череп цилиндров. К тому же самому, что и Джемшед, которому без особого труда удалось увлечь Ала в горный кишлак. Про Джемшеда мы уже знаем, что он убивал в прямом смысле. Его способность подавлять критическое мышление (подавляющий индивид) также можно рассматривать как частичное умерщвление человека, а именно, его воли (т. е. его личности). Это есть именно умерщвление, в чем можно убедиться, рассматривая обессиливающие деформации тела памяти: камни в груди, черные цилиндры и т. п. Иными словами, этого типа люди одержимы страстью превратить любого оказавшегося под их властью человека в *неличность*, марионетку, *труп*. *Таковыми* они им больше *нравятся*.

Э. Фромм определяет некрофилию (*некрос* — мертвый, *филео* — любить, т. е. влечение к мертвечине или страсть к смерти, уничтожению, разложению) как «страстное влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, гниющему, нездоровому. Это страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного лишь разрушения. Это повышенный интерес ко всему чисто механическому. Это стремление расчленять живые структуры» (Fromm E. The anatomy of human destructiveness).

Таким образом, у современных психологов этот термин описывает круг феноменов более широкий, чем осязаемая «любовь» к буквальным трупам.

В наиболее эффективных формах эта «любовь» наблюдается среди некоторых работников моргов. Оставаясь во время ночных дежурств в мертвецкой наедине с трупами, они выбирают приглянувшиеся им мертвые тела, часто молодых девушек, и с ними совокупляются. При этом иногда соблюдаются канонические приемы: перед коитусом ласкают у трупа соски, гениталии, шею и т. д. Новшества же вполне определенные: перед *главным* могут со всей силой впиться зубами между ягодицами, ввести трубку в мочевого пузыря трупа и выпить остатки уже загнивающей мочи (не морщитесь, среди ваших знакомых есть склонные к такого рода удовольствиям, просто с вами, как еще не с трупом, они не считают необходимым быть откровенными), а выпив мочи, возбуждаются настолько, что нечеловеческим усилием проникают, наконец, в до судорог холодное, в условиях морга, тело. Наконец, еще большее удовольствие они получают, когда, перевернув неподатливый труп девушки, совершают над ней акт содомии.

И вот здесь, похоже, и заключается основная странность: почему *такая* неестественность, почему именно акт содомии (совокупление в анальное отверстие), а не общепринятые формы соития?

Далеко не всякому яркому некрофилу выпадает такая редкостная удача — пристроиться работать в мор-

ге. Многим приходится каким-либо образом приспособиваться к своим влечениям иначе. Некоторые по ночам приходят на кладбище и, отыскав свежую могилу, вырывают труп; насладившись же им, затем его еще и расчлениают. Другие трусливы настолько, что боятся пойти ночью на кладбище. — ночью так страшно! — и потому свое **влечение к мертвечине сублимируют, то есть желаемые буквальные поступки заменяют символическими**. Что это значит? Это значит, что совокупляться могут и с живым, но непременно в гробу. Или требуют просто рабского повиновения. Роль мертвого тела может выполнять даже, скажем, государство, родина, которую, чтобы получить интимное удовлетворение, необходимо умертвить, разрушить или уничтожить хотя бы тем, что больше ее не видеть.

Родину в качестве замещающего объекта для расчленения выбрал яркий некрофил, оставивший заметный след в истории, — Адольф Гитлер. Существует множество исторических трудов, в которых описывается поведение Гитлера в период, когда союзные войска вступили на территорию Германии, и из этих трудов — даже не психологов — отчетливо видно, что приказы и распоряжения Гитлера не имели никакого практического смысла для обороны Германии, а было одно лишь изготовление из своего фатерлянда разлагающегося трупа. Это и уничтожение городов, и уничтожение водопроводов, и сжигание магистратурных списков тех немцев, которые нуждались в помощи по старости. Впрочем, Гитлер свои, скрываемые за высокопарными словами, внутренние побуждения однажды скрыть не смог. Раз он проговорился: «Если Германия не может себя защитить, то немцы не имеют права на существование». Достаточно подробно об этом пишет Фромм в книге «А. Гитлер: клинический случай некрофилии».

Истинный некрофил характеризуется не столько количеством уничтоженного (к тому необходимы соответ-

ствующие объективные возможности, но они могут и не случиться), сколько, прежде всего, силой *некрополя*, характером энергетического воздействия на окружающих. И здесь для исследования последствий пребывания в некрополе более удобны женщины — они более чувствительны и у них слабее контролирующая рациональная воля.

Известно, что Адольф Гитлер был импотентом, но, несмотря на это, у него было огромное количество женщин.

Судя по внешнему рисунку поведения фюрера, Фромм пришел к выводу, что Адольфа Гитлера привлекали два типа женщин. Вернее, он строил с женщинами два типа взаимоотношений. Одних он не уважал и нисколько с ними не считался. К этому типу, полагает Фромм, относилась, например, его любовница, Ева Браун, с которой он вступил в брак за несколько часов до своего самоубийства. Эта, прежде достаточно здоровая женщина, покончила с жизнью вместе и одновременно с новобрачным. Не надо заблуждаться, что за этим самоубийством скрыты некие возвышенные стремления типа «любовь до гроба» или «во всем быть рядом с тем, кому трудно». На самом деле зафиксированы, по крайней мере, две ее попытки покончить с собой еще в те времена, когда Гитлер физически уничтожал не себя, а окружающих. В первый раз она стреляла в сердце, причем от выстрела даже потолок был забрызган кровью, но пуля в сердце не попала, и Ева Браун выжила.

Был и другой тип женщин. Они преимущественно принадлежали к высшему свету или были профессиональными актрисами. Перед ними Гитлер заметно робел и, не стесняясь присутствующих, унижался как мог. Рената Мюллер (вскоре покончившая жизнь самоубийством) после интимной близости с фюрером рассказывала, что, оставшись с ней наедине, Адольф встал перед ней на четвереньки и стал требовать, чтобы она его била и пинала. От каждого удара он приходил в волнение все больше и

больше, и все убедительнее и убедительнее кричал, что он *ничтожество*, что он *ни на что не годится*.

Итак, к какому бы типу ни относились попавшие в зону энергетического влияния Адольфа Гитлера женщины (ползал ли он перед ними на четвереньках сам или заставлял ползать их), они *неизменно* впоследствии кончали жизнь самоубийством или, как Ева Браун, во всяком случае, пытались это сделать.

(Интересно, что многие приближенные Гитлера /в т. ч. охранники/ были гомосексуалистами и, в отличие от остальных, обращались к фюреру попросту — на «ты». Некоторые из ближайшего окружения любимца Германии были бисексуалами, т. е. им, в сущности, *все равно: мужчину или женщину*. И это понятно: как пишет Адлер, для авторитарного индивида существуют только два пола — те, *которые ему подчиняются*, и те, *которым подчиняется он.*)

Энергетическое воздействие ярких некрофилов вообще и Гитлера в частности проявляется двойко. Во-первых, от непосредственной близости с некрофилом появляется влечение к смерти, подавляется воля к *самостоятельным* поступкам и затухает критическое мышление. Это страшно, но от этого можно избавиться: можно просто отойти подальше или уехать. От второй компоненты воздействия так просто не избавиться. Близость с некрофилом оставляет в теле памяти психоэнергетическую травму, которая служит кодом, приказом к последующему самоубийству. Что и исполняли те женщины, которые допускали близость с фюрером. (Нечто похожее произошло с женой главаря азиатского наркобизнеса, когда у нее появились черные цилиндры. Удар бензопроводом — это не просто физическая боль, это фиксация в своем теле памяти особого в тот момент состояния психики главаря, это — психоэнергетическая травма. Гитлер мог обойтись и без бензопровода.)

Итак, **некрофил — это индивид, который проявляет себя в поступках или, хотя бы, в стремлении**

ях, и, что самое опасное, проявляет себя в энергетике. (Стремление к уничтожению окружающих или стремление к уничтожению самого себя — по сути одно и то же, отличие лишь в объекте приложения влечения.) Последнее самое опасное, потому что проявить себя как убийца некрофил может и побояться, и вынужден будет сдержаться, а вот состояние своей души им не контролируется, что через энергетическое воздействие и провоцирует невроты у большинства окружающих. Это так хотя бы уже потому, что понятие «неврот» или любой другой термин, обозначающий искажение психоэнергетического поля, известно и осмыслено (а это уже некоторая защита) лишь незначительной частью населения.

Некрофила распознать можно по-разному, в том числе и по его специфической мимике. Вы, наверное, не раз встречали людей, которые все время как бы принохиваются (вариант — брезгливое выражение). Это, как пишет Фромм, они и есть. Те самые некрофилы. К чему только они принохиваются?

Некрофил, слугитель морга, как вы помните, вводил в мочевого пузырь трупа молодой девушки трубочку и высасывал гниющую уже мочу, от чего так возбуждался, что, наслаждаясь, совершал акт содомии (случай фактический, приведен Фроммом, который использовал материалы уголовного дела). Этот случай не только типичен, но и характерен. Дело в том, что у некрофилов особое отношение к пищеварительному процессу вообще, а к процессам выделения — в особенности.

Процесс пищеварения для них — это процесс расчленения и уничтожения еще недавно *живых* растений и плоти *трупов* животных. Отсюда — *результаты* пищеварения для них есть верх совершенства, а отверстия, это совершенство выделяющее — нечто сакральное. Некрофилы бывают разных типов и, среди прочего, различаются по наличию или отсутствию сексуальной энергии. Если сексуальная энергия есть, то он/она будут возбуждаться от одного вида испражнений или от облизыва-

ния партнеру *всех* отверстий выделения. (Любителей этого больше, чем может показаться. Такой секс, конечно, своеобразен, но бежать от всего этого надо сломя голову, пока эти любители не начинили вас еще большим числом психоэнергетических травм!) Другой вариант — когда у некрофила сексуальная энергия резко снижена. Тогда вопросам пищеварения (заниматься-то человеку, у которого главная эрогенная зона — анус, больше нечем!) и вовсе придается религиозный статус.

Да, в Писании, действительно, сказано, что тело всякого человека — потенциальный храм Святого Духа, и осквернять его дурными видами пищи — грех. Подобное осквернение (продуктами гниения, ядами, канцерогенами и т. п.) есть ступени самоубийства, поэтому Богу, Который есть Жизнедатель, оно столь же неприемлемо, как и всякому *биофилу* (*биос* — жизнь, *филео* — любить). Можно выразиться и иначе: раз осквернение как вид самоубийства Богу неприемлемо, то оно неприемлемо всякому истинно любящему жизнь. Он будет есть не то, к чему приучили себя окружающие, а то, что полезно. Для некрофилов же внутренняя сущность ритуала питания, естественно, иная, чем у человека Божия. Вегетарианцем был пророк Даниил (Дан. 1), но вегетарианцем был и Гитлер. Форма — одна, сущность — противоположная, что распознается по множеству прочих деталей способа существования этих двух типов людей. (Скажем, рядом с биофилом его жена расцветет, а рядом с некрофилом если и не покончит жизнь самоубийством, то, во всяком случае, зачахнет.) Об этом полезно поразмышлять, сравнивая, скажем, того же Гитлера и пророка Даниила.

К чему же приносятся некрофилы? Да-да, вот именно к этому: к самому совершенному из выделений. Приносятся они и брезгливо морщатся не только вблизи переполненных общественных уборных, что, казалось бы, естественно, но и в местах поистине неожиданных, скажем, в продовольственном магазине, музее

или церкви. И это понятно: если запаха, как признака присутствия *этого*, нет, то любимой массой можно галлюцинировать — и тоже принюхиваться. Несколько смазанное выражение принюхивания (некоторые бы это назвали высокомерной брезгливостью) заметно на фотографиях любимца Германии — Гитлера. Возможно, местом съемок парадного портрета главы государства, действительно, был выбран общественный туалет, но, скорее нет: не во всякую уборную может поместиться вся необходимая осветительная аппаратура. А то, что на лице кумира Германии выражение смазано — так ведь это все-таки парадный портрет, можно и попозировать.

Все время находиться в любимом месте — там, где выделяются испражнения, — некрофилу может мешать необходимость зарабатывать деньги или запрещающие внушения, полученные в детстве. Поэтому атмосферу любимого места приходится имитировать путем внутреннего перевоплощения (перенесением астрального тела?), что и отражается в специфическом выражении лица, с годами фиксирующемся недвусмысленной сеткой морщин («привычное выражение»). Часто некрофилы настолько совершенствуются в управлении выражением своего лица, что гримаса принюхивания проявляется на их лице только когда они остаются наедине с собой. Но и в этом случае привыкшего к двойной жизни выдают специфические морщины искателя любимейшего из запахов.

Некрофилов также можно распознать по состоянию их комнаты, а женщин — кухни. Вы, наверное, обратили внимание, что у женщин, которые вкусно готовить не умеют, на кухне редко убрано, беспорядок страшный, грязь по стенам накапливается годами, раковина вечно переполнена немытой посудой, или же — наоборот, везде *стерильная* чистота. Противоположность кажущаяся. Грязь — это попытка создать желанную среду помойки, а стерильная чистота — это результат борьбы с привычной галлюцинацией на нечистоты. На кухне же у здоро-

вой женщины *достаточно* убрано для того, чтобы и готовить, и жить. Она не проедает плешь ни мужу, ни детям за естественные последствия их пребывания на земле и, в частности, на кухне. Она, *биофилка*, живет, готовит и убирает для того, чтобы *жить*. Да и готовить она тоже умеет.

Почему знать о некрофилах важно? Стоит ли вспоминать в этой жизни о чем-либо еще, кроме прекрасного?

Представьте себе некий собирательный образ симпатичного молодого человека, которому выпал жребий родиться от матери — яркой некрофилки, а отца существенно менее подавляющего. Это тип толстовского Пьера, самого Толстого и, если угодно, во многом нашего П. Естественно, он (наш гипотетический молодой человек) отличается от ребенка, родившегося от внутренне благородных родителей, и отличается во многих отношениях. Во-первых, в среднем, по предметам, где требуется сообразительность, он учится хуже, чем мог бы (подавлено логическое мышление), да и здоровье его существенно слабее, чем могло бы быть, слабее из-за многочисленных психоэнергетических травм, которыми мать его начиняла от зачатия. Потом он, беспомощный, лежал перед ней на столе, пока она его пеленала и внушала: «Не шевелись!» Забитое еще с младенчества тело памяти болеть будет всю жизнь, и в определенных ситуациях отнимать сил особенно много. Ребенок вырастает вялым и малоподвижным, может быть, позднее он сверхкомпенсирует это усиленными занятиями спортом (Лев Николаевич *одной рукой* подымал пятипудовую гирю), а может всю жизнь будет «не шевелись». Детство, школа, взбучки от матери-некрофилки за плохие отметки, которые он получал по ее же вине, из-за ее состояния души и духа. Затем отрочество и юность с неудачами, которых могло и не быть. Наступает пора

жениться. Научные изыскания выявили, что сын и в интимной жизни остается верен своей матери, вернее, именно в интимной жизни сын особенно верен своей матери — в жены себе выбирает непременно такую же некрофилку, как и мать. На уровне же логическом он может, повторяя чужие фразы, твердо полагать, что стремится к счастью. Он женится, полный радужных надежд не повторять в своей семейной жизни ничего из того, что он видел в детстве. Но к удивлению своему, он вскоре обнаруживает, что женщина, которой он восхищался, пока она была невестой и которая поначалу совсем не была похожа на его мать (в наиболее отвратительных своих привычках), вдруг превратилась в такую же зануду. Да, не осознавший себя биофильный сын некрофилки (навсегда биологическое сыновство, но не духовное) в смысле семейном жить будет непременно плохо, потому что с женой (некрофильной) он ни о чем не сможет договориться. (Это одна из особенностей некрофилов: с ними ни о чем договориться невозможно, потому что для некрофила существует только собственное «я», а все остальные, даже муж, или жена, или дети, существуют исключительно для того, чтобы выполнять его, некрофила, желания.) Он непременно подчинится жене, пусть даже в неявной форме, потому что мужчина-некрофил хоть как-то может противостоять своим чувствам, опираясь на свое логическое мышление. Некрофилы еще имеют и неприятное свойство размножаться — производить себе подобных. Вот и у нашего гипотетического биофила с некрофильной матерью и женой родится ребенок, которого на глазах отца будут уродовать воплями и ненужными клизмами (проникновение в сакральные отверстия выделения). Нашему молодому человеку будет жалко младенца, он будет пытаться договориться с женой — безуспешно, и вынужденно подчинится. А как иначе? Единственная форма сотрудни-

чества биофила с некрофилом — подчиниться последнему, потому что с *биофилом*-то договориться можно, чем некрофилы и пользуются. Рождаются еще дети. Они подрастают, их здоровье и ум деградируют. Сам же биофил работает все больше и больше, чтобы в семье было все, а у жены-некрофилки, как следствие, появляется все больше и больше времени. Она ему начинает изменять. Но изменяет она ему совсем не потому, что он плох или хуже других как *мужчина*, или потому, что глуп — нет, она ему *изменяет просто потому, что она — некрофилка*, то есть стремится уничтожить все: благополучие, спокойствие, достоинство — не только его, *ненавистного*, но и свое, по возможности, тоже. (Если ту же мысль попытаться выразить богословским языком, то следует вспомнить седьмую заповедь Десятисловия: «Не прелюбодействуй». Для биофила верность — естественное блаженное состояние. Для некрофила же прелюбодействовать — кайф!)

Бытует мнение, что, составляя любовный треугольник, ведущая сторона пытается компенсировать в дополнительной связи то, что недополучила в браке. И действительно, при анализе любого отдельно взятого треугольника при определенных умственных усилиях можно выявить некий у супруга недостаток, требующий компенсации: слаб интеллект, незначительно социальное положение, недостаточен рост, избыточен вес, легковесен и т. п. Однако, анализ *множества* любовных треугольников в жизни одного человека показывает, что компенсируют, похоже, все подряд, или, что то же самое, — ничего. Отсюда измены — явно *самоценны* и *самоцельны*, просто потому, что *измены*, это просто следствие стремления ко греху. Грех же есть смерть, и мы вновь возвращаемся к понятию «некрофилия».

Итак, некрофильная жена нашего молодого человека, не сформировавшись как личность, живет, просто выполняя ранее полученные внушения. Возможен ва-

риант, что ей некогда было внушено таким же, как она, некрофилом, что брак *один* — и на всю жизнь. Если такое внушение есть — то она безупречно верна или, во всяком случае, изменяя, ни за что не допустит развода. Но ее тело памяти может такого внушения в себе и не носить. Если так, то повод развестись находится. Наш же молодой человек через некоторое время вступает в очередной брак с очередной женщиной, совсем внешне на первую не похожей. Скажем, притомился от истерик — выбрал непоколебимо сдержанную. Но поразительно — история в точности повторяется вновь, с той лишь разницей, что вместо заросших грязью стен на кухне там устанавливается ошарашивающая гостей стерильная чистота. Выбрав женщину с другим темпераментом, он, тем не менее, остался верен своей матери в главном — гримаса принохивания характерна и для новой жены. Этот цикл браков может повторяться бесчисленное число раз, пока молодой человек вдруг резко не сойдет с круга: сопьется, станет холостяком или, наоборот, стиснув зубы, будет доживать свой век с матерью своих детей, стараясь не думать, что в семье могут быть какие-то красивые, добрые отношения; возможен и другой вариант: ознакомиться с закономерностями эволюции носителей некрофилии. Если он эту концепцию воспримет, то у него появляется возможность уже не бездумно, а по молитве принять себе в дар биофилку.

Поскольку способность *понимать* — дар, который мало кто соглашается принять, то типичная судьба находит свое завершение в старости, отягощенной женой, болезнями (которых с биофильной женщиной не было бы) и горестным созерцанием несчастной семейной жизни своего сына, которому (удивительно!) также попалась неудачная жена.

Уже хотя бы из этого примера, узнаваемого в судьбах многих, видно, что говорить *только* о приторно-пре-

красном есть опасное заблуждение, которым упиваются любители дамских журналов, но в которое не впадали люди, им противоположные, — скажем, библейские пророки.

Зеркальная судьба реализуется и у многих женщин. Первый муж — алкоголик. Она «горько» плачет, устраивает ему сцены, погромы, всенародные судилища и хладнокровные истерики. Наконец, она, сообщив всем, что это «во имя детей, которым нужен нормальный отец», расходится с ним и выходит замуж за другого. Через некоторое время она всем сообщает, что и этот, сукин сын, ее, несчастную, обманул: опять, мерзавец, алкоголиком оказался. У нее было десять претендентов, предложивших ей руку и сердце, из них девять непьющих, пьющий же — только один, самый тупой, уродливый, для которого все вокруг — дерьмо. Но наша героиня из десятих выйдет именно за него, всем сообщив, что он самый *интересный*, и только несчастная его судьба не позволяет никому, кроме нее, в этом убедиться. Спустя некоторое время она, прокляв всех алкоголиков вместе взятых, опять «прозревает», разводится, а затем вновь из десяти новых претендентов, из которых девять убежденные трезвенники, она выберет самого *интересного*.

Этот цикл тоже может повториться бесчисленное число раз как в судьбе самого человека, так и в судьбе его потомства (помните невестку главаря, одновременно дочь и жену наркомана?), до тех пор, пока человек не задумается и не изменит способ принятия решений. (Интересно, что слово «покаяние» в исходном своем значении — «изменить мышление».) Облегчающие к тому условия — это знания вообще, но прежде всего размышление о том, какой же жизни достоин созданный «по образу и подобию *Божию*» человек.

Некрофилы умеют воевать, в особенности завоевывать. Не умея *созидать*, они нуждаются в рабах, которые бы их обслуживали. А рабы тем эффективней трудятся,

чем более они уверены, что занятие их значимо. Они ждут внушений, украшенных вселенскими символами, отсюда не удивительно, что **некрофилы создали целую культуру, из которой следует, что они, некрофилы (на деле не способные более ни на что, как только внушать), крайне необходимы для выживания человечества.** Отсюда и столь обширный класс начальников, которые ничего не умеют делать, кроме как доказывать, что без них все развалится. И когда в коридорах учреждений посмеиваются, что дело движется не *благодаря* всякого рода начальству, а *вопреки* ему, то там недалеко от истины.

Психологи говорят, что актер — это не профессия, а диагноз. Действительно, после подмостков сцены, на которой актер перевоплощался, — безразлично в кого, в Ромео, Отелло или Гитлера со Сталиным, — он возвращается в ту жизнь, которую позволяет себе создать сам. Всякий нормальный человек, сталкивавшийся с частной жизнью актеров, приходит к выводу о ее ненормальности. «Садо-мазохизм, — констатируют психиатры и уточняют: — Эксгибиционизм». От себя же мы добавим, что садо-мазохизм и эксгибиционизм (навязчивое стремление демонстрировать себя и часто — свои половые органы), почти синонимы, смягченные обозначения близких симптомов уже известного нам явления — некрофилии. Извращения существуют не сами по себе, не изолированно от остальных событий жизни — они проявление больного состояния души. Сами же о себе актеры, в особенности более других признанные, говорят, что они *упиваются* самым наибольшим из удовольствий — *властью* над людьми. В их силах *заставить* зал чувствовать все, чего пожелают: радость, жалость, стыд, унижение, страх, гадливость... Власть над людьми — вот главное удовольствие актера, даже играющего так называемые «возвышенные образы».

Каким же образом им удается, выражаясь языком Станиславского, добиваться того, чтобы им *верили*? А все тем же самым, что и Джамшеду, когда он соврал, что «спокойное место есть» — подсознательным психо-энергетическим. В мемуарной литературе подчас можно найти воспоминания о «великих» актерах, которым удавалось «создать образ» без единой реплики, а «одним лишь жестом», «мановением руки» заставить зал взорваться восторженными аплодисментами. Якобы *одним* лишь жестом. Самым великим актерам вообще ничего не надо делать — все и так впадают рядом с ними в состояние безудержного восторга.

Не всем актерам это удается, из чего следует, что понятие «актер» — диагноз вероятностный, т. е. яркие некрофилы среди них не все, но процентное их в этой профессии содержание выше, чем в среднем по населению. Одни оказались притянутыми к этой профессии под влиянием некрофилогенной культуры, высот «профессионализма» достичь не в силах, и, устав слушать обличения в «бездарности», могут сменить род занятий.

Итак, некрофилы некоторые профессии предпочитают, поскольку определенные виды занятий позволяют им не только обеспечивать себя материально, но и психически самовыразиться, получить должность, под видом исполнения которой они обретают желанную власть над людьми. Это, например, как мы уже сказали, — актеры. Это — военные: люди, которые профессионально облекли свое стремление к смерти в своеобразную ее форму — муштру, превращая и своих подчиненных, и себя в некий лишенный общения с Богом винтик огромного механизма. А коль скоро многие военные — некрофилы, то нечего и удивляться тому, что среди них при доступности женщин столь часты случаи половых извращений, скажем, гомосексуализма. Гомосексуализм в Библии осуждается не за оригинальность способа, а за то, что это проявление *нежити*, некрофилии, греха. Осуждается некрофилия, а гомосексуализм — лишь одна из ее форм.

С военных удобно начать изучение привычной гримасы принюхивания. Удобней всего это делать, когда военный (желательно, старший офицер) погружен в собственные мысли и перестает замечать окружающих — при этом наигранные выражения исчезают, и открывается его истинное лицо. Военные ратуют за дисциплину, то есть со страстью создают иерархические системы, в которых наиболее полно проявляются их садо-мазохистские потребности: с одной стороны, перед начальством он ничто, полное г..., с другой, с подчиненным — всемогущий господин, по своему произволу могущий надругаться или возвысить нижестоящего, который в этот момент есть г...

Тут, пожалуй, есть смысл вспомнить, что лучший военный Второй Мировой войны, фюрер Адольф Гитлер, во время Первой Мировой был рядовым, затем ефрейтором и характеризовался как исполнительный, дисциплинированный солдат, его награждали за отвагу в бою. Так вот, поучительно знать, что будущий кумир германского народа — не только черни, но и военных, врачей, актеров и так называемых ученых — во время Первой Мировой войны был исключен из списков на присвоение очередного звания, как отмечено в документах тех лет, из-за *высокомерного* отношения к товарищам и *раболепства* перед начальством (Фромм).

Но не только военные тяготеют к созданию иерархий. Это еще и администраторы всех родов и видов, т. е. отдающие приказания и приказания получающие. То, что начальники *не могут* ничего создать, — не секрет, наблюдения же за особенностями их поведения в быту, в частности в сексе, еще более расширяют наши познания о некрофилии.

Прежде, чем мы продолжим перечень профессий, наиболее предпочитаемых некрофилами, — а почему выявить эти профессии чрезвычайно важно, будет ясно из дальнейшего, — следует выяснить, сколько же их, не-

крофилов, среди нас. Некрофилов можно разделить на ярких и неярких. Яркие и проявляют себя ярко: в убийствах, расчленениях, сексуальных контактах с собственными испражнениями и с системами, с испражнениями связанными; проявляют себя в патологическом стремлении к власти, в бурном интересе к вестям о расчленении тел, в идолопоклонстве металлическим (т. е. мертвым) конструкциям вообще, а к ажурным и геометрически «правильным» — в особенности, и т. п. Людей, проявляющих признаки яркой некрофилии, по цитируемым у Фромма исследованиям, до 15 %. По некоторым другим косвенным данным — их треть. По оценке Хаббарда, ярких некрофилов (угнетателей ближних), которых он называет по американской традиции — антисоциальными личностями — 20 %. Это — «неподдающиеся», их бесполезно лечить психотерапевтически, во-первых, потому, что они попросту измениться не в состоянии, ведь желание и готовность улучшить себя — это достаточно большой плод души, а, во-вторых, работая с ними, одиторы, как замечено, от обессиливания попросту начинают болеть, а потому помочь не в силах.

20 %! Это очень много. Это — **каждый пятый!** А раз каждый пятый, то это значит, что если вы оказались в толпе, на митинге или в автобусе в час пик, то к вам непременно прижимается хотя бы один яркий некрофил. Минимум один! Если же вы из середины автобуса пробирались к выходу, то к вам их прикоснулось несколько. Но не следует заблуждаться, что богатые, которые в автобусах не ездят и демонстративно пользуются всем тем, что позволяет им казаться «независимыми», лучше ограждены от омертвляющего поля некрофилов. Вовсе нет. Как раз-то среди них, среди богатых, ярких некрофилов больше всего. И среди тех, кто добивается близости с ними — тоже. Скажем, супруга: только самая яркая некрофилка сможет победить конкуренток в борьбе за возможность растранижировать его деньги. (Это, ра-

зумеется, упрощение. Деньги — аргумент, преимущественно, логического мышления. На самом деле «самая яркая» оказывается рядом с богачом еще до того, как у него впервые появились по-настоящему большие деньги. А большие деньги, очевидно, появляются лишь у определенного типа людей — у того, кто может других заставить /в прямом смысле/ на себя работать, и у того, кто в состоянии заставить партнеров поверить, что предлагаемое им распределение доходов справедливо. Это «умение заставить» женщинами легко подсознательно распознается и определенным их типом особенно ценится. Да, теми самыми, кто может заставить конкуренток потесниться.)

20 %! Это значит, что в вашей жизни к вам прижились сотни ярких некрофилов, каждый из которых в состоянии нанести вам (и нанес!) психоэнергетические травмы. Возлюбленная из светлой части нашего повествования из-за своей сверхчувствительности получала травмы разве что не от всех встречных и поперечных некрофилов, и на работе тоже. Ее психоэнергетические травмы связаны преимущественно с людьми внешними, чаще случайными.

А вот у нашего Психотерапевта иначе. У него, судя по сумме данных, к подавляющим индивидам относятся *и мать, и мать матери, и жена дяди*. Дядя П. (брат матери) в выборе себе жены должен был остаться верен своей матери и сестре — он и остался: его жена, похоже, по мощности болезненного влияния превосходила их обеих. И вот дядя, участник двух войн, защищавший Родину на фронте с первых дней войны с немецкими некрофилами, а спустя четыре с лишним года бравший Берлин, вернувшийся с войны живым и невредимым, всего в пятьдесят лет умер в постели ночью от разрыва сердца. Разумеется, сказала и война, и трудное детство, но, очевидно, что при прочих равных условиях, окажись он неверным своей матери и сестре и женись на женщине, которая бы ему не изменяла и в силу черноты

души не наносила травм, то жил бы он и дольше, и иначе. Кстати, и наш Психотерапевт в 36 лет из-за травмы, полученной от жены дяди, оказался на грани смерти: неделю не ел и не спал, и за эти несколько дней поседел, пока не прибег к психокатарсической помощи (эту ожившую травму он получил, когда ему было 6 лет). Подобную многолетнюю, в данном случае в 30 лет, отсрочку в проявлении невроза Фрейд называл *латенцией*. Действительно, часто до первого особо разрушительного проявления стародавнего невроза могут пройти десятки лет. В сущности, латенция детских неврозов — явление настолько распространенное, что можно, видимо, принять ее как обязательную форму эволюции детских травм.

Итак, всякому человеку для обретения полноты здоровья необходимо освободиться от всех травм, когда б они ни были получены.

Из четырех женщин ближайшего окружения нашего Психотерапевта (бабушка, мать, сестра и жена дяди) три — яркие некрофилки. Соответственно, брак с яркой некрофилкой для П. был неизбежен. Что и произошло. Затем развод (по ее инициативе) — и новый брак, естественно, тоже, как впоследствии выяснилось, с некрофилкой. Менее истеричной, но более яркой, скорее даже ярчайшей. Желание понять причины неудачных браков привело его к изучению психокатарсиса. Поиски познания истины (а ее познание делает человека независимым) подавляющие женщины не прощают — развелась с будущим П. и вторая. Теперь психокатарсис открывал путь к биофильной спутнице. Но о том, как, почему и каким образом стало возможно это сближение, несколько позже.

Все приведенные выше соображения необходимы единственно для того, чтобы обратить внимание читателя на количество присутствующих в нашей жизни ярких некрофилов. Их много. **20 %!!!** И вновь обратите внимание: **20 %!!!** В свое время Ал, изучая по книгам проявления некрофилии вообще и в сексе в частности, на

цифровое значение внимания не обратил и воспринял явление некрофилии как некий курьез, как редкое заболевание, свойственное преимущественно главам правительств и обитателям моргов и психиатрических лечебниц*. Каково же было его удивление, когда он все чаще и чаще стал замечать симптомы яркой некрофилии то у одного знакомого, то у другого. Чем более человек был «социально значим», то есть, если он был военным, актером или руководителем любого ранга, тем больше была вероятность обнаружить у него, как у подавляющего ин-

* Этим он продемонстрировал свойство людей, даже читая книгу специалиста, подчиняться авторитету анонимному, негласному — неизвестному (конформизм). Действительно, именно так называемое общественное мнение «полагает», что некрофилия — это заболевание, которое проявляется в отклоняющемся поведении только одного рода — в совокуплении с трупами. Однако, прошел уже не один десяток лет, как психологи, начиная с Мигеля де Унамуну, расширили понятие «некрофилия» до целого комплекса психологических феноменов деструктивной личности вообще. В сущности, можно говорить, что в прежнем значении непосредственной «любви» к трупам этот термин со времен Мигеля де Унамуну не употребляется. Справедливости же ради надо заметить, что в современном смысле термин «некрофилия» ввел в употребление, как это ни покажется на первый взгляд странным, не Мигель де Унамуну, а товарищ Ленин. (Это исторический факт, что Ленина *вдруг* начинал «любить» и поклоняться всякий (!), кто оказывался в поле его влияния. Те же, кому повезло, кто рядом с пролетарским вождем не оказывался, чувств первых не понимали. Так ли уж случайно, что именно некрофил Ленин обогатил язык таким словом?) Ярчайшие же труды по исследованию некрофилии написал Эрих Фромм. В начале своей научной деятельности в школе психоанализа Фромм противопоставлял идеям Фрейда воззрения, основанные на модном в тот период понятии «инстинкт самосохранения». К счастью, каждый будущий психоаналитик, по установленному Фрейдом порядку, сам проходил курс психоаналитического лечения, в результате которого хотя бы отчасти освобождался от неадекватности мышления. Через эту процедуру прошел и Эрих Фромм, после чего и обогатил человечество трудами по некрофилии.

дивида, симптомы яркой некрофилии. Естественно, эти наблюдения обусловили вывод о том, что некоторые профессии представлены в большинстве своем яркими некрофилами. Да, целые профессии. И это не удивительно — **20 %!!!** Некрофилы участвуют, наверное, во всех видах деятельности, но есть профессии, где их содержание существенно выше, чем в среднем по населению.

Теперь мы расширим перечень профессий, некрофилами особо облюбованных, перечень чрезвычайно важный для осмысления закономерностей окружающего мира.

Мы привыкли слышать от садо-мазохистов (актеров, администраторов, жрецов верноподданных идеологий), что врач — это благороднейшая из профессий, а потому представители этой профессии — наиболее близкие к совершенству люди. Действительно, всякий врач, получая диплом, дает клятву Гиппократу в том, что он будет с любовью служить обратившимся к нему за помощью. Если подобного рода клятвам верить, то остается только удивляться, почему после посещения поликлиники остается в душе какой-то странный осадок, который при психокатарсическом рассмотрении оказывается конгломератом психоэнергетических травм. Но и без опыта лечебного психокатарсиса всякий способный к обобщениям человек, узнав, что появился очередной маньяк, расчленяющий тела своих жертв, внутренне уже догадывается, что, если это произошло не в пролетарском районе, то, вероятнее всего, маньяк по профессии — врач. Читая газетные отчеты о судебном над ним процессе, не удивляешься, что еще до того, как ему пришлось по душе эта «благороднейшая из специальностей», он отличался повышенной жестокостью, тягой к актерству, и речи его были *убедительны*. Что естественно, ведь все эти свойства взаимосвязаны. То, что среди врачей доля ярких некрофилов существенно больше, чем в среднем по населению, соглашается всякий медик, хоть немного проработавший в медицинском коллективе. Сомневаются в этом обычно люди, к этой

среде внешние, то есть те, которые врачам выгодны: от них зависят заработки врачей.

Врачи — тип несколько иной, чем актеры: в отличие от актеров они не склонны афишировать постыдные ненормальности своей профессиональной и интимной жизни и с большим, чем актеры, *трепетом* относятся к процессам пищеварения и испражнениям (или — в инверсированной форме — *цинично*).

Следующая специальность, о которой мы привыкли слышать, что она исключительна по своему благородству — это профессия учителя. Случаи патологического садизма учителей по отношению к детям настолько часты, что начинаешь догадываться, что большинство учителей *такие*, просто до времени себя не проявляют. Есть учителя, которые наоборот *слишком* много говорят о достоинстве ученика, высоких идеях и т. п. Это то же самое, только наоборот, все по тому же принципу инверсии, который подробнее мы обсудим позже. «Лучше» всех организуют «учебный процесс», как известно, иезуиты.

Иезуиты — это монашеский орден, самый, как они утверждали, христианский, который в истории отличился тем, что не осталось ни одного преступления, подлости или гнусности, к которой они не прибегли для достижения светской власти, а тем самым и власти над умами. Известные слова «цель оправдывает средства» — это их лозунг. Естественно, кто как не такого сорта люди успешнее других смогут калеными гвоздями фиксировать в телах памяти учащихся «знания», которые по первому требованию будут отчеканены? Такого рода обучение, действительно, должно приводить — и приводит — к воспитанию великих актеров, модных врачей, и иезуитов-учителей. Способностью давать такого рода воспитание надо бы стыдиться, ан нет, в некрофилогенной культуре этим чванятся. Гитлер не скрывал, что именно у иезуитов выучился многому.

Л. Н. Толстой, великий интуитивист и образованнейший мыслитель, предвосхитивший знания своего века на

десятки лет, в свое время оставил университет не потому, что не хотел учиться, а, наоборот, именно потому, что учиться хотел, но только *по-настоящему* — и оказался прав. Не умея объяснить причин своей антипатии, Л. Н. Толстой неприемлил и модных врачей, и учителей толпы, и приводящих в восторг публику актеров.

Елена Уайт, величайшая из женщин-писательниц, на пути познания тоже продвигалась семимильными шагами самообразования и разве что не в первой молодости перестала заблуждаться относительно модных врачей, актеров и учителей...

— Как?! — может возмутиться кое-кто из учительского корпуса. — Вы назвали самые лучшие из профессий! И пытаетесь нам доказать, что всё, во что верят все — наоборот! Что носители наиболее почитаемых профессий опасные, отвратительные люди. Может быть, вы осмелились и художников в этот список зачислить?

— А как вы догадались?

— А?... Э-э... Но какие же, в таком случае, остаются профессии? Разве еще остались не охаянные?!

Профессий (по справочнику) тысячи и даже десятки тысяч. Истинная их ценность определяется исключительно тем, выбрана ли она человеком по велению сердца, в смысле абсолютной, вселенской гармонии. На словах с таким определением ценности профессии согласны все. Но почему же, в таком случае, всеобщим оказалось мнение, что из десятков тысяч профессий ценны лишь десяток-другой? И притом те, которые облюбовали яркие некрофилы? Тот из читателей, кто сможет ответить на этот вопрос с использованием категорий «подавляющий индивид», «внушение», «гипнабельность толпы», с одной стороны, сразу же окажется на пороге удивительных открытий относительно реальных закономерностей мира, а с другой, он окажется явно не среди большинства. И то и другое заманчиво.

Да, подавляющие индивиды и прежде всего яркие, отличаются тем, что хотят доминировать, властвовать над

окружающими не только административно, но и на уровне сознания, хотят чтобы их уважали, еще лучше — боялись, совсем хорошо — боготворили, чтобы их значимостью *восхищались*. И они себя меняют так, чтобы смочь к этому окружающих *принудить*.

Когда вы идете к врачу, скажите, почему вы его боитесь? Загляните в тело памяти, и вы найдете в нем полученные от врачей психоэнергетические травмы. А травма возникает потому, что нанесший ее медик — убийца, пока еще себя полностью не реализовавший. Во время учебы ему нравилось бывать в анатомичке и расчленять трупы. Он бы и вас расчленил, если бы за это не следовало уголовное наказание, поэтому, чтобы вас умертвить, ему приходится ограничиваться ненужными для вашего здоровья мучительными процедурами и вместо психотерапевтического безболезненного лечения рекомендовать хирургическое или медикаментозное (наркотическое) вмешательство.

А почему дети так не любят школу? Почему они, еще не отказавшиеся от непосредственного восприятия, так панически боятся учителей? Не потому ли, что выбравший профессию учителя руководствовался неосознанным стремлением быть в центре, мечтал быть объектом восхищения, пусть хотя бы детей, безоговорочно его слушающихся? Подыгрывая такого рода типам, окружающие считают хорошим учителем того, кого дети слушаются, боятся, ходят по струнке — не будем повторяться насчет обессиливающих психоэнергетических травм, которыми дети вынуждены расплачиваться и которые оборачиваются тяжелейшими неврозами в будущем.

Итак, эти несколько «избранных» специальностей у всех на слуху не потому, что они более для нашей жизни значимы, не потому, что они действительно таковы, но лишь потому, что нас на психоэнергетическом уровне в это *заставляют* верить. Ту же самую мысль можно выразить иначе: поскольку некоторые профессии открывают перед некрофилами более широкие возможности **доминирова-**

ния над людьми (военная служба, медицина, психиатрия, психотерапия, педагогика, административная работа и т. п.) или же дают возможность больше соприкоснуться с испражнениями (врачи-урологи и проктологи, золотари — чистильщики уборных, гомосексуалисты), то непременно они будут почитаться как *интересные* не только среди собственно ярких некрофилов, но и среди гипнабельных людей. Во всяком случае, как бы само собой получится, что о ярких некрофилах (преступниках, правителях, художниках, чемпионах, гомосексуалистах, актерах) не смогут не говорить. Чтобы убедиться в этом, загляните в любую газету — о ком там пишут.

Какие же профессии остаются? Их много. Тысячи. Скажем, любые ремесленники. Интересно, что древнегреческие философы и столь же древние пророки Божьи в своей оценке ценности профессий расходились. Древнегреческие философы считали, что свободному гражданину не пристало и даже позорно что-либо создавать собственными руками. Но это философы. А вот Иисус был плотником. Будущий пророк и апостол Павел, учившийся в самой лучшей теологической школе того времени, освоил ремесло делателя палаток. Став апостолом, Павел во время своих миссионерских путешествий этим ремеслом подрабатывал. (*«После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф... и нашед... Акилу... и Прискилу, жену его... пришел к ним, и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал: ибо ремеслом их было делание палаток»* /Деян. 18:1-3/.) Казалось бы, странно: ремеслу — и в теологических школах, но так было заведено в школах пророков со времен их основателя, пророка Ильи. На то была воля Божья. Ведь Создатель живого — биофил.

Ну, а почему, в таком случае, греческие признанные философы, а вслед за ними и греческое общество не справились с распознаением ценности созидательного труда? Очень просто: среди хороших ремесленников — тех, кто мог сделать что-либо стоящее, — было недоста-

точно некрофилов (их суммарное некрополе достаточно слабо), чтобы *принудить* к этому мнению население. А вот учителя, наипризнаннейшие греческие философы, которые, как на подбор, подобно жителям уничтоженного Содома, все сплошь были гомиками (примечательный факт!), принудить внимающее, готовое раболепствовать население к почитанию себя смогли.

Учительство — феномен не только сферы естественных или гуманитарных знаний, но и сферы «духовной». Вы помните, кто был инициатором распятия Христа? Да, это были *признанные духовные учителя* народа израильского, священники и книжники. Во-первых, они были *признанные*, во-вторых — *духовные*, в третьих — *учителя*. Меняются времена, но не люди, и израильтяне тех лет, по сути, не отличаются от любого другого народа современности. Учителя по-прежнему ценятся признанные.

Гитлер, хотя подобно фараонам древности любил циклопические постройки, как созидатель был бездарен. Но как разрушитель и как руководитель — успешен. Когда молодым его призвали в армию, он оказался образцовым солдатом, очень исполнительным. Он настолько полюбил мундир, что не снимал его вплоть до полноты самовыражения — самоубийства. Но Гитлер не всегда дополнял собой только мундир. Был период, когда он подвизался художником. Себя он, очевидно, считал художником очень хорошим, работал много, но платили ему только за копирование чужих работ. Но почему солдафон, садист, убийца и импотент Гитлер из множества специальностей выбрал образ жизни художника, пренебрег такими специальностями как актер (у него были блестящие к тому дарования!), врач (он занимался оккультизмом и магией, следовательно, способами воздействия на самочувствие человека владел), учитель (он им стал позднее)? Как и во времена Гитлера, в наше время художник не профессия и даже не увлечение — это символ. Это символ заведомого

над всеми превознесения, символ приобщения к высшим «духовным» сферам, «просветления», а потому превосходства над другими. Любая мазня — черная ли точка на чистом холсте или красный квадрат, — если это делалось определенного сорта людьми, — для конвульсирующей от восторга публики становится проникновением в иные миры, эзотерическим откровением и познанием Вселенной. А разве можно спорить с публикой, которая хочет быть восторженной?

Некрофилия проявляется в любой без исключения сфере бытия, будь то сновидения или судьбы. Если рассматривать только одну сторону судьбы — профессиональные занятия, то схемы достаточно типичны. Возьмем, к примеру, среду военных. Она, дочка военного, выходит замуж за военного. Но прежде поступает в высшее учебное заведение, учится на химика. Работает несколько лет руками, но, по ее словам, не получает «внутреннего удовлетворения». Затем бросает свое ремесло и становится воспитателем детского сада, после чего заявляет, что «нашла» себя. Сына, как и отца и мужа, воспитывает как будущего военного, он им и становится. Это конкретная жизненная судьба. Но она типична.

Другой подвариант того же самого. Она — дочка офицера и алкоголика, возможно, не гомика. Закончив школу, поступает на актерско-режиссерский факультет. Однако «не сложилось», и она выбрала новую профессию, тоже «неожиданную» — учителя. Замуж за военного не пошла, а вышла за... медика, психотерапевта. Когда он проявляет хоть малейшее непослушание, она тут же грозит одеть ему на голову сковородку: не нравится ему это, видимо, только на логическом уровне. Он, хотя и не военный, но, тем не менее, глубоко убежден, что целый ряд психологических открытий, опубликованных еще до его рождения, на самом деле сделаны им, и поэтому он, чтобы его идеи у него не украли (как он подозревает — для обретения власти над миром), стара-

тельно изъясняется намеками и недомолвками. Как психотерапевта его очень ценят многие модные врачи, а клиенты видят в нем еще и духовного учителя. Тоже конкретная судьба. И тоже типична.

С точки зрения познания о некрофилии, неожиданностей ни в его судьбе (мать тоже учительница), ни в судьбе его жены не было. Как и в судьбе дочки офицера из первого примера.

У некрофилов характерны и сновидения. Эта тема для большой диссертации, поэтому в примерах ограничимся. *Уважаемая хозяйка* литературного салона однажды поделилась с нашим П.

— Да, — сказала она, — сегодня, например, мне снился удивительнейший сон! На моих глазах расчленили женщину, вернее, молодую девушку! Сначала ей отрезали одну руку, потом, не торопясь, другую... Ногу... И так дальше... Что бы это могло значить?

П., решившись, спросил:

— Извините, а вам иной раз испражнения, пардон, не снятся?

Уважаемая хозяйка рассмеялась.

— А как же! И даже в разных видах! Один сон, на удивление, преследует меня разве что не с самого детства. Почти что на эту самую тему.

— А какой?

— Иду я по туалету. Большой такой туалет, *величественный*, как здание Университета. Да и вообще похоже, что происходит это все в Университете. Вернее, иду я даже не по туалету, а по *анфиладе* туалетов. В каждой из кабинок — по человеку, и... ха-ха!

— Что?..

— Занимаются *этим самым делом*... За которым пришли. Двери, разумеется, прикрыты, но... видно. Так вот, прохожу я по этой бесконечной анфиладе, а затем попадаю в такой величественный зал, где заседает... заседает правительство! Да-да! Ни больше и ни меньше! Само правительство!..

Что ж, общность испражнений и правительственных мужей доказывать не надо. Не удивляет, надеюсь, читателя и частое повторение слова *величественный* и геометрическая правильность анфилад туалетов и кабинок.

Это был пример русского некрофилического сна. А теперь приведем немецкий из работы Эриха Фромма «Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии» (в книге: Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*), ученого, который после прихода к власти нацистов вынужден был эмигрировать из Австрии в Соединенные Штаты. Сон следующий:

«Я сижу в уборной: у меня понос. Испражнения из моего тела выходят с ужасающей силой, как будто взрываются бомбы, которые могут разрушить дом. Я хочу помыться, но, когда пытаюсь пустить воду, обнаруживаю, что ванна уже наполнена грязной водой: я вижу, что вместе с нечистотами в ней плавают отрезанные рука и нога».

Сновидение, как пишет Э. Фромм, принадлежит ярко выраженному некрофилу и является одним из серии подобных снов. Будучи спрошен психоаналитиком, какие чувства он испытывал во сне по поводу происшедших событий, он сказал, что ситуация его не напугала, но что ему было неловко пересказывать этот сон.

Неловко... Если это было неловко человеку XX века, так тем более неловко пересказывать все подробности своих снов женщине-дворянке XIX века, получившей домашнее воспитание и образование, а потому в семье пытавшейся играть роль создания трогательного, ранимого и нежного. А уж тем более ей неловко записывать подробности снов в дневник, зная наверняка, что дневник ее непременно будут читать не только дети и внуки, но и все интересующиеся психологией искусства, как всегда читают мемуары тех, кому посчастливилось оказаться рядом с великим писателем.

Вот такой сон описала жена Льва Толстого, Софья Андреевна, в своем дневнике 14 января 1863 года (первый год после свадьбы):

«Я сегодня видела такой неприятный сон. Пришли к нам в какой-то огромный сад наши ясенские деревенские девушки и бабы, а одеты они все как барыни. Выходят откуда-то одна за другой, последняя вышла А., в черном шелковом платье. Я с ней заговорила, и такая меня злость взяла, что я откуда-то достала ее ребеночка и стала рвать его на клочки. И ноги, голову — все оторвала, а сама в страшном бешенстве. Пришел Левочка, я говорю ему, что меня в Сибирь сошлют, а он собрал ноги, руки, все части и говорит, что ничего, это кукла...»

Сон достаточно типичен. Не удивительны и оценки этого сна самой сновидицей («неприятный») — ведь венчаясь 23 сентября 1862 года с уже тогда прославленным писателем, она прекрасно осознавала, что и написанное ею будет привлекать всеобщее внимание. Поэтому, разумеется, сознаться в письменных документах в своем одобрительном отношении к расчленениям и чрезвычайной заинтересованности к экскрементам она не могла. Однако домашние ее не могли этого интереса не заметить.

В частности, ее дочь Татьяна (Т. Л. Сухотина-Толстая) в своих «Воспоминаниях» отметила, что даже в тех немногих случаях, когда при всем разнообразии вкусов в какой-либо ситуации радовались уже все домашние, мать же, Софья Андреевна, все равно находила повод посчитать себя несчастной и обиженной. Она же, дочь Татьяна, также записала высказанное отцом, Львом Николаевичем, наблюдение, что жена его оживляется только тогда, когда у кого-нибудь в семье болезнь или расстройство желудка. Состояние же абсолютного счастья, как заметил Лев Николаевич, у Софьи Андреевны, очевидно, наступит лишь тогда, когда дом будет охвачен всеобщим поносом.

Не следует заблуждаться, что эти черты характера развились у Софьи от совместного проживания ее с графом Львом Николаевичем Толстым. Все это проявлялось у нее и до ее замужества. К рассмотрению этих многочисленных и отчетливых проявлений мы вернемся несколько позднее.

Вообще говоря, обостренный интерес к испражнениям есть вернейший признак (как то показали клинические наблюдения) деструктивного состояния души, поэтому все виднейшие психоаналитики мира пытались в рамках своих концепций этот интерес объяснить. Скажем, Фрейд, который во главу угла ставил либидозное (так ли уж любовное?) влечение, считал, что развитие человека, то есть смена его интересов есть следствие последовательной смены эрогенных зон, раздражение которых доставляет приятное удовольствие. Зоны следующие: область рта и губ (оральная возбудимость), область анального отверстия (анальная) и гениталии (генитальная). Зона, от раздражения которой человек получает наибольшее удовольствие, по Фрейду, определяет характер и поведение человека во всех сферах жизни. Оральная младенческая возбудимость (главное — материнская грудь или соска) сменяется анальной (процесс испражнения становится центральным событием дня) и, наконец, генитальной (начинают работать половые органы). Генитальная возбудимость есть, по Фрейду, высшая точка развития человека и признак душевного здоровья, а отклонения связаны с задержкой развития на предыдущих стадиях. Остановка развития на стадии анальной возбудимости приводит к формированию так называемого *анально-накопительского характера*, что проявляется не только в затягивании процессов дефекации (испражнения), но и в жадности, страсти накопительства, влечении к власти, деструктивности, гомосексуализме, садизме и т. п. Таким образом, интерес к испражнениям, рассмотрение их как центр и суть бытия есть лишь следствие досадного недоразвития организ-

ма. И, естественно, если человеку анально-накопительского типа характера станет плохо, то стоит что-нибудь сломать или попить мочи, и ему становится легче.

Адлер придерживался более традиционной у мыслителей того времени точки зрения, что в основе всего — властолюбие, и потому пришел к выводу, что стремление к доминированию над ближними, а в перспективе — над всем миром есть злокачественная сверхкомпенсация чувства неуверенности, ощущения своей неполноценности. Чувство же неполноценности появляется в результате подавления ребенка родителями, это чувство невозможно ничем утолить, но только приглушить. В детстве это возможно только когда рядом оказывается мать, причем в подчиненном положении. Но занятые матери устают развлекать своих чад, им ведь надо заниматься и собой, поэтому ребенок, чтобы завладеть вниманием матери, выучивается совершать поступки более эффективные, в смысле привлечения ее внимания, чем плач и крики — он выучивается калечиться или перемазываться испражнениями. Только в таком случае мать, как по мановению волшебной палочки, оказывается рядом. Таким образом, испражнения приобретают смысл чего-то могущественного, властвующего над окружающим миром, значащего, несущего чувство успокоения, чего-то особо ценного. Своеобразное лекарство от всех бед. Отсюда, всякий человек, не изживший чувства неполноценности, стремится к сверхкомпенсации в материальном мире, т. е. к административной власти, к деньгам как символу власти, к чудотворному магизму и к дерьму (буквальному) как фундаментальному символу этого мышления, а символически — ко всяким нравственно-грязным ситуациям.

Фромм не соглашается ни с Фрейдом, ни с Адлером. По Фрейду, *если* у человека главная эрогенная зона — анальное отверстие, то *поэтому* его влекут специфические способы полового удовлетворения, деструктивность, садизм и т. п. По Адлеру, *если* мать подавляет ребенка,

то поэтому он, начав сопротивляться ей, впоследствии остановиться не в состоянии и превращает в дерьмо все вокруг. По Фромму же человек *внутренне таков, он деструктивен, поэтому* у него стремление к власти, к подчинению, к испражнениям, ему хочется достичь умопомрачения, подольше посидеть в туалете, перемазаться в испражнениях, кого-нибудь расчленив и стать гомосексуалистом. Все это уже следствия, следствия состояния души, не более чем проявления внутренней сущности.

По нашему мнению, теоретические построения Фромма полнее охватывают феномены деструктивного поведения людей и ценностей человеческих сообществ.

Феномен некрофилии Фромм в своих трудах рассматривает на примерах Гитлера, Сталина, Геббельса, что явно путь самый простой: Гитлер, которым так восхищалась немецкая нация, после поражения во Второй Мировой войне растерял большинство своих соратников. Действительно, в традициях какой культуры принято восхвалять грабителей, разоривших собственную страну?

Но не все яркие некрофилы при жизни проигрывают. Поэтому и после смерти они остаются несомненными объектами восхищения. Многие — и Софья Андреевна Толстая (урожденная Берс) в том числе.

Образ мышления некрофилов отличается от мышления биофилов: удовольствие некрофилы получают не только от искажения языка (матерщина, слащавое бляение дамских изданий, канцелярит), но и от искажения правильной мысли (не путать с парадоксами!). Так во всем, поэтому их принципы, в конечном счете, можно свести к следованию или преступлению заповедей Десятилетия. Для биофила религия — это общение с Богом, Истиной, следование Ей, жизнь праведности, *естественным образом* не противоречащая заповедям: не кради, не убий, не прелюбодействуй, не ври, не завидуй — и остальным. У некрофилов иначе. Они могут быть нерелигиозны, но так бывает далеко не всегда. Даже, наоборот. Яркий некрофил религиозен чаще, чем неяркий,

поскольку религия подсознательно извращается им в *отрицание жизни* или в способ возвышения *над* ближними: дескать, вы убогие, не познали, что я познал... Он получает повод внутренне перевоплотиться в нечто более значительное, чем все окружающие. Об этой психологической технике мы поговорим позднее.

Так вот, если некрофил религиозен — то он получает удовольствие не только от унижения окружающих, но и от *искажения Божьей заповеди*. Некий, очень болезненного вида тощий индивид, которого можно было бы назвать сектантом, если бы вся его секта не ограничивалась им и его приятелем, самовыразился блестяще: «Исполнение заповеди Божьей именно в том и состоит, чтобы ее нарушить». В этом — удовольствие. Некрофилическое. Таких «тощих» среди верующих гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Вспомните пыточные камеры инквизиторов, ложь иезуитов и нравы, бытующие в женских монастырях, о которых даже католические историки не могут не сказать, что они по разврату превосходили публичные дома.

Для корректности дальнейших рассуждений есть смысл договориться о значении терминов. Слова-синонимы по смыслу далеко не тождественны, оттенки — различны. Мы попытаемся разъяснить оттенки употребляемых в нашем тексте не вполне синонимичных терминов.

Некрофилы — термин указывает на свойство этого типа людей хотя бы что-нибудь, но «любить» (*филео*). Хоть к чему-то они да тянутся. И это *что-то* — разрушение, вечное небытие, смерть (*некрос*).

Подавляющие индивиды — обращает внимание читателя на то их свойство, что в межличностном общении они стремятся подавить, энергетически подмять волю и разум собеседника или собеседников. Поскольку в межличностном общении значимы не логические построения, а лишь психоэнергетическое подавление, то подавляющие индивиды не скупятся на сколь угодно сладкие и правильные слова. После общения с ними

необходимо не забыть методами психокатарсиса освободиться от психоэнергетических травм. В некоторых системах психологии вместо «подавляющего индивида» прижилось иное сочетание — «подавляющие личности». Нам же кажется, что «личность» — это чрезмерное преувеличение, даже если речь идет о ком-то общепризнанном.

Антисоциальные индивиды — указывает на истинное, хотя и скрываемое (часто подсознательное), отношение некрофилов к обществу как общности индивидуальностей, а также к роли этих людей в обществе как целом. Не только Гитлер как властитель общества, социума, был антисоциален. Ярко антисоциален каждый десятый и даже пятый.

Подонки (происходит от слова «дно»: «придонки» или «чернь») — неоднородность населения не одно тысячелетие привлекает внимание мыслителей. В трудах писателей античной культуры, культуры, которую по глубине философской мысли — причем ясно выраженной — так и не смогли превзойти последующие века, интерес к неоднородности населения выражен отчетливо. Некрофилы, как правило, при деньгах, а ту их часть, у которых денег нет, называли «подонками» или «чернью». Обеспеченные некрофилы эту «чернь» презирали. Подонки, напротив, презирали обеспеченных. Часто «подонков» отождествляют с «народом», потому что они (вспомните зазывал, нищих и коммунистических вождей), точно так же, как и князья, в состоянии население за собой увлечь. Механизм тот же — энергетический. Отсюда необходимо разделение смыслов термина «народ», коих, как минимум, два. К этому выводу мы неизбежно приходим, размышляя над текстом Евангелия. С одной стороны «первосвященники и начальники» не решались открыто схватить Иисуса, «потому что боялись **народа**» (Лук. 22:2), а с другой стороны, в той же главе (Лук. 22:47) написано: «Когда Он еще говорил это, появился **народ**, а впереди шел один из двенадцати, называемый

*Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его». Тут, очевидно, речь идет о совершенно ином народе, не о том, которого боялись священники и начальники. Далее в 23:33-35 Лука пишет: «И пришли они на место называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жребий. И стоял **народ** и смотрел». Поскольку на казнь, очевидно, пришел весь город, то тут под словом «народ» подразумеваются люди обычные, то есть некрофилы не настолько яркие, чтобы открыто проявлять потаенные глубины сердца и при свидетелях требовать казни Христа. Иными словами, это были некрофилы *жухлые*, которых первосвященники и начальники боялись, основная часть любого народа, жизнь которых — *стоять и смотреть*. Это все, что им обычно, кроме работы, позволено. Некрофилы яркие, то есть та самая «чернь», «подонки» — ярче жухлых, они в состоянии добровольно и с радостью прийти и арестовать Христа, они — неизменная составляющая любого общества, любой исторической эпохи. Термин «подонки» подчеркивает ту сторону феномена некрофилии, что подавляющие индивиды далеко не всегда стремятся занять доминирующее положение в казенных иерархиях. Есть род некрофилов, которым достаточно быть в грязи.*

Начальники — это слово тоже указывает на определенную сторону некрофилии. *«И стоял народ и смотрел. Насмехались же вместе с ними и начальники...»* (Лук. 23:35). Библейские авторы, похоже, неплохо разбирались в феномене некрофилии. Или умели наблюдать.

Император — это слово, по сравнению со словом «начальники», несет в себе существенно больший заряд сарказма. В Библии символ дракона указывает на способность сатаны принимать форму государственной системы. Во главе ее, разумеется, стоит, *человек*, начальник над начальниками — император. Император Тиберий, ут-

вердивший на должность наместника Иудеи Понтия Пилата (того, который казнил Христа), был гомосексуалистом и развлекался резней ни в чем не повинных людей. Император Нерон, по приказу которого среди многих прочих был казнен и апостол Павел, уже к тридцати своим годам вынужден был прибегать к невероятным ухищрениям, чтобы возбудиться — и, похоже, безуспешно. Гитлер тоже из той же компании. О Тамерлане и Сталине мы уже упоминали. О половой ущербности Наполеона еще скажем. Словом, императорам несть числа, но все они какие-то одинаковенькие, шаблонные, как будто с одного клише отпечатанные. Разумеется, перед летописцами все они ломали разного рода комедии, рационализируя свою страсть к убийствам. Также они пытались скрыть свою неспособность в той области жизни, в которой труднее всего быть лжецом, но и тех крох истины, которые достались историкам, достаточно, чтобы сказать: да, это были действительно *императоры*.

Император отнюдь не противоположность черни, в особенности в нравственном отношении. Чернь упивалась казнями аристократов, но полагала, что обожает Тиберию за, якобы, справедливость; после самоубийства Нерона народ о нем вспоминал не одно десятилетие как о прекрасном человеке; за Тамерланом шли убивать плотной стеной и добровольно; Гитлера и Сталина боготворили, и толпы преклоняющихся текли нескончаемыми полноводными реками; а Наполеону благие побуждения со слезой умиления приписывали даже те народы, которых он утопил в крови.

Справедливости ради стоит заметить, что император — профессия редкая. Если уж говорить об императорах, то тем более надо вспомнить о представителях несколько более распространенной профессии — **трупорезчиках**. Это те, которые подготавливают трупы к последнему их целованию родственниками: вырезают быстро загнивающие внутренности и т. п. Трупорезчиками, как и императорами, становятся по призванию: им

это нравится. Императоры и трупорезчики — это почти одно и то же. Только инструменты и форма одежды разные.

Садо-мазохисты — термин емкий и употребляется в тексте для того, чтобы подчеркнуть распространенность и многоликость сексуально окрашенной некрофилии. Вряд ли найдется хоть один обыватель, который бы не знал, что для получения сексуального удовольствия садисту нужно мучить, а мазохисту — мучиться. Однако распространено заблуждение, что садо-мазохизм столь редко в жизни встречается, что существует преимущественно в репортажах газетчиков. Также распространено мнение, что бывают либо садисты, либо мазохисты. В изложении газетчиков именно так и получается. Только убогое состояние интеллекта публики позволяет такого типа газетчикам оставаться популярными. Но это не повод считать, что эти два удовольствия — садо и мазо — существуют независимо друг от друга. Наоборот! Одно без другого не существует! Грозный на службе майор — дома абсолютное ничтожество и пустое место, половик для ног и прихотей жены. Повелитель Европы Гитлер, подписав для подобострастных подчиненных очередной приказ об уничтожении миллионов людей, вечером становился на четвереньки перед актрисой и говорил, что он дрянь; о руководящих способностях гомосексуалистов повторяться не будем. Итак, термин «садо-мазо» — указание на сексуальную сторону жизни подчинивших себя некрофилии, а кроме того, на всеобщую распространенность и всеобъемлемость явления любви к разрушению.

Авторитарный человек — наиболее широкое понятие, полностью совпадающее с общепринятым значением этого слова. Такой человек не только любит командовать, но и подчиняться. Этот термин более указывает на поведение индивидов вне постели: на производстве, в политике, на стадионе, в магазине и храме, на приеме у врача.

Говнюки — некоторые могут посчитать этот термин исключительно народным, другие, наоборот, — научным. Мы придерживаемся последнего мнения. Верность же народного слова о великих мира сего говорит о том, что нет необходимости быть книжным человеком, чтобы догадаться о сути происходящего вокруг. Что касается термина как такового, то его не чурался и сам Лев Толстой. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть, скажем, в его рассказ «Свечка».

Признанные — особое в этой книге слово. Оно указывает на относительность знания, а главное, на относительность выбора людьми авторитетов. Познание о некрофилии даже при лишь интуитивном постижении противоположного начала неминуемо должно привести к переоценке существующих авторитетов. Понять, что превознесенные народом и чернью индивиды — артисты, правители, учителя и прочие говнюки — стали **признанными** только потому, что они некрофилы, не сложно; сложнее переоценить ближайшее свое окружение. Это не просто: после пятнадцати лет восхваления перед всеми своими знакомыми своей жены (как Толстой) признаться, что поклонялся злу, обману, лжи. А если некрофилка — мать? Или — брат? Итак, *признанные* — один из центральных в последующем тексте терминов. Ожидается, что всякий раз, когда читатель будет встречаться с ним в тексте, у него будет возникать желание перепроверить, а так ли уж на самом деле достойны **признанные толпоу** признания от мудрых. А может быть, феномен «признания» — лишь следствие психоэнергетического принуждения?

Проститутки. Небезызвестный Отто Вейнингер, 23-летний доктор философии, который застрелился после того, как написал свою известнейшую монографию о ничтожестве женщин «Пол и характер», пришел к выводу, что из двух основных женских типов: мать и проститутка — самый привлекательный последний, проститутка. Ведь именно они, по Вейнингеру, хоть как-то замечают муж-

чин. «Матерям» — так тем замечать попросту *нечем*. (Классическую «мать» интересует только власть, и ребенок ей нужен исключительно как объект полного подчинения. Поэтому мужчина «матери» нужен *только* для однократного участия в производстве ребенка.) Проститутки, действительно, подражают элементарным женским функциям. Но, как говорится, не приведи Господи с ними расслабиться — психознергетическая травма обеспечена. А если не расслабиться — то какое же это удовольствие? Достаточно заработать древнейшей профессией могут только те, кто в условиях значительной конкуренции в состоянии внушить, что им есть за что платить, что их услуга наиболее ценная. Таким образом, ценность проститутки определяется силой ее некрополя. Следовательно, те женщины, о которых внушено, что они самые-рассамые *женщины*, как это ни парадоксально, самые, в области секса, бездарные. Этот парадокс, возможно, останется недоступен для понимания большинства. Чтобы этот парадокс освоить, необходимо рассмотреть, перечувствовать, вобрать принцип противоположный. Этот принцип можно назвать биофилией. Его можно назвать творчеством. Можно — истиной. А можно — и жизнью вечной.

Отто Вейнингер ошибся: его «мать» вовсе не противоположность «проститутки». Это две роли, присущие женщинам одного типа характера, по Фрейду — анально-накопительского. Вейнингерова «мать», родив ребенка, обретает убедительный повод получать содержание, которое более стабильно, чем заработки проститутки. К тому же, свое отвращение к здоровому мужчине она может прикрыть жалобами на усталость от домашних хлопот, из которых следует, что муж сам же во всем и виноват. Если он настолько глуп, что или начинает сам самоотверженно ворочать по хозяйству, или нанимает для этого прислугу, то «мать», стремясь сохранить свое положение «переутомленной», воспитывает своего ребенка беспомощным. Если этого недостаточно, то «ма-

тери» обычно втравливают своего ребенка в такого рода неприятности (наркомания, увечья), разрешая которые, она действительно тратит все свои силы; и она не может, предпочитая пробавляться онанизмом или иными анальными развлечениями.

А с какой легкостью «проститутки» превращаются в «матерей», и обратно — из «матерей» в «проститутки!» «Проститутки» более динамичны, чем «матери», поэтому неудивительно, что жизнь обитательниц публичных домов привлекала внимание всех значительных писателей. Вспомните хотя бы «Преступление и наказание» Достоевского, «Яму» Куприна, «Воскресение» Толстого.

Что у «проститутко-матерей» не отнять, так это умения, подавив критическое мышление, вызывать сильнейшие эмоции (скажем, тот же Лев Толстой у кровати своей первой проститутки — в отличие от других — платной, в публичный дом его привели братья — разрыдался), и мы утверждаем, что **страстно влюбляются только в проституток.**

Другое дело, что одни бывают явные, а другие — скрытые.

Итак, стаи и их части, субстаи (как у организма выполняющие функции глаз, ушей, кулаков), состоят непременно из некрофилов, некрофилы же непременно живут и действуют внутри стаи (за исключением разве что ярчайших невротиков — шизофреников, которым не удалось прорваться до уровня вождя), управляемы они прежде всего психоэнергетически, хотя могут порой издаваться письменные приказы.

Стаи (субстаи) на сегодняшний день встречаются нескольких типов, прежде всего «внешники», «иудовнутренники», «когорта» и «сыны» («сыны Великой матери-проститутки»). Субстаи друг другу противостоят — в борьбе за власть (форма способа существования дегенератов), не могут не бороться.

В Великих войнах наступающая стая проигрывает — способом, в некрофилогенной культуре не замечаемом. А зря: это ценнейшая информация для размышления.

Читатель! О чём на балконе проговорился отпрыск главраввината? Помнишь? Берёшь книгу автора, несовместимого с Министерством образования, и с удовольствием поглощаешь, не перечитывая непонятных (пока) абзацев — ни в коем случае! Если и перечитываешь, то всю книгу.. Кстати, последнее — признак достаточно высокого уровня развития.

**Глава девятая из второго тома
«Катарсиса» — «Теория стаи»
(в первом издании
«Россия:подноготная любви»)**

**СВЕРХВОЖДЬ ГАННИБАЛ,
«ПОЧЕМУ-ТО» ПРОИГРАВШИЙ ФАБИЮ.
«КОМПЛЕКС ГАННИБАЛА» У НАПОЛЕОНА**

Сравнивая жизнеописания Ганнибала и Наполеона, невозможно не прийти к выводу, что Наполеон *отождествлял* себя с Ганнибалом! Это, естественно, не было переселением души (хотя Наполеон в это веровал); и это не было его *осознанным* выбором. Происходило отождествление *невольно*, подсознательно, невротически, что следует из того, что изведен Наполеон был в точности тем же самым способом, что и Ганнибал, **чего не произошло бы, обладай Наполеон свободой воли.**

Прийти к выводу о том, что Наполеон воспроизводил своей жизнью характерные детали жизни именно Ганнибала, и притом *невольно*, можно как минимум тремя различными путями.

Во-первых, можно систематизировать соответствующие высказывания Наполеона о самом Ганнибале. Путь для исследования трудный, потому что из речей патологического лгуна надо тщательно отбирать те немногие слова, что обращены были к следующим собеседникам:

- в мнении которых он не был заинтересован;
- кому в порыве самоуничтожения он мог соврать меньше прочих;
- от кого он в мазохистской фазе, как маменькин сынок, был зависим.

Таких людей немного. На острове Святой Елены таким человеком была, прежде всего, Альбина де Монтолон (о, о ней мы чуть позже еще расскажем!) — то, что сейчас называют *строгая*. И действительно, мы узнаем, что перед ней, демонстрирующей полное отсутствие интереса к войне вообще, а к стратегии и тактике военных действий в частности, перечисляя лучших полководцев всех времен и народов, Наполеон *первым* назвал именно Ганнибала. Сам себя он тоже считал первым, следовательно...

Другой метод — психологический. Он намного более надежен.

Все люди грешат тем, что примеряют к себе того ли иного персонажа всемирной истории. (Для отождествления — «*могу ли и я быть столь же велик?*» — достаточно немногого — совпадения имени, даты рождения, национальности или физиологической аномальности. Такой, скажем, как рост.) Примеряют многие, но не у всех подобная примерка приводит к полному разрушению личности.

С кем мог отождествить себя Наполеон, которого с восьми лет отдали в военную школу? И которому еще ребенком удавалось побеждать в противостояниях — подобно великим военачальникам? (Наполеон в драках использовал *любой* подвернувшийся под руку предмет — поэтому незнакомые с закономерностями психоэнерге-

тического воздействия одного человека на другого ошибочно полагают, что именно этот беспредел и заставлял его соучеников сдаваться.)

Очевидно, что готовившийся по воле родителей к военной карьере мальчик не мог отождествлять себя ни с ученым, ни с поэтом, а только — совершенно верно! — с великим военачальником!

Только с которым?

Список величайших полководцев мировой истории, среди которых ярчайшие — (1) Александр Македонский, (2) Пирр, (3) Ганнибал, — составлен давным-давно, заостенел даже порядок расположения имен. Поскольку критическим мышлением Наполеон не обладал (даже ко времени написания им истории Корсики, над чем вдоволь поиздевались прочитавшие рукопись историки), то пересмотреть этот список Наполеону было попросту не по уму (скажем, добавить в этот список Фабия, победителя Ганнибала); отсюда очевидно: максимум на что Наполеон был способен, — это *расставить завоевателей в нетрадиционном порядке*, тем проявив свое эмоциональное отношение — следовательно, и скрываемое отождествление.

Итак, кто? Александр Македонский? Пирр? Ганнибал?

Из признания Альбине де Монтолон мы знаем, что Наполеон выбрал Ганнибала — и к этому можно прийти еще и логическим путем!

Александр Македонский был, конечно, великий полководец, но он был, во-первых, «всего лишь» македонянин, почти что грек и вовсе не корсиканец, а во-вторых, *набирал свое войско среди соплеменников* — примеру его уроженец малолюдного острова, населения которого недоставало для мировых завоеваний, последовать не мог. И третье: хотя гомосексуальность Александра Македонского известна, но в этих парах он, в отличие от «девочки»-Наполеона, играл роль «мальчика».

Пирр — само собой, тоже традиционный «нетрадиционный» — опять-таки был грек, войско тоже набирал среди соплеменников.

А вот Ганнибал от Александра и Пирра отличался: был «девочкой» и воевал силами исключительно чужих народов, *войско набирал преимущественно из населения континента, который хотел завоевать.*

Итак, что должен был чувствовать Наполеон, который восьмилетним ребенком оказался среди ненавистного ему народа, ребенком, родиной которого была Корсика — остров, хотя и известный своими бандитами, но при арифметическом подходе к жизни для завоевания мира ничтожный?

Ни Пирром, ни Александром Наполеон быть *не мог*. Кроме того, склонным к бандитизму примитивным корсиканцам слава греков как образованнейшего в человеческой истории народа должна была претить и вызывать отторжение, хотя к тому времени от былой образованности у греков ничего уже не сохранилось. Даже цвет лица потемнел.

Таким образом, уже по одним только приведенным соображениям отпадали и Александр, и Пирр, а оставался один — Ганнибал.

Но и это еще не все!

Корсика в древности входила в состав Карфагенского государства, соответственно, если все население и не было карфагенянами (карфагеняне в Африке люди пришлые, сюда они бежали из знаменитого островного Тира, финикийского города, которому библейские пророки посылали обильные проклятия за царящие в нем алчность и непотребство — см. Ис. 23, Иез. 26:2–15, Ам. 1:9–10; карфагеняне, собственно, — *тиряне*), то во всяком случае потомки карфагенян составляли на острове расу господ. Чиновников продажного типа в том числе. Сын наследует отцу, в том числе наследует и род занятий, поэтому поскольку сам Наполеон был из семьи чиновника, то он невольно должен был заподозрить в

себе карфагенскую кровь. Да, принадлежность к чиновничьему классу — это очень серьезный аргумент, но можно обойтись и без него. В конце концов, ведь причисляют же себя знакомые с историей русские поэты к иноязычным скифам, даже не славянам, в стародавние времена населявшим всего только южные окраины той территории, что потом стала Российской империей? Скифы — древнейший из известных на территории Российской империи народов; точно так же древнейший известный на Корсике народ — видимо, карфагеняне.

Таким образом, одного только места рождения и социального положения номинального отца Наполеона также достаточно, чтобы догадаться, что Наполеон отождествлял себя именно с Ганнибалом. Сознательно, правда, считая себя его реинкарнацией — потому что, хотя Наполеон и получал благодарности от римских пап за поддержку католицизма, хотя в период завоевания Египта и принял ислам (чего он там себе обрезал?), тем не менее был адептом восточных верований, которые основываются на вере в переселение душ (тиряне, Восток — все сходится). Гитлер, как вы помните, считал себя реинкарнацией императора-гомосексуалиста Тиберия, а чем Наполеон — такой же, как и Гитлер, вождь — хуже?

Карфагенянин, сын чиновника — но и это еще не все!

Ганнибал покинул родину девятилетним ребенком и приступил к военной службе на враждебной территории, на родину же вернулся нескоро — лишь спустя 36 лет. Но и Наполеон **тоже** покинул родину ребенком и примерно в том же возрасте и **тоже** оказался на территории врагов — на том же континенте. Совпадения обстоятельств начала пути еще ничто по сравнению с теми потрясающими совпадениями, которые выявляются при ближайшем рассмотрении (начал военную карьеру, как и Ганнибал, в Испании, пересек Альпы по тому же ущелью, что и Ганнибал, идентичная динамика войн

в Италии, и т. д., и т. п.). Для наших целей достаточно показать, что Наполеон, в обязательное образование которого входили труды Тита Ливия (а, возможно, и Корнелия Непота, Аппиана, Полибия — все они с упоением писали о Ганнибаловых войнах), просто не мог не удивиться столь многим совпадениям (Ганнибал тоже был маленького роста) обстоятельств начала собственной жизни с обстоятельствами жизни Ганнибала.

И наконец, третий путь, наиболее верный — «эротический». Наполеон из-за своего сантиметрового «достоинства» и отсутствия мужских гормонов, при неестественном для нормального человека стремлении к власти (со всеми следствиями — вплоть до интимных подробностей, — что это стремление сопровождают), отождествлять себя *не мог* ни с Пирром, ни с Александром, а только с Ганнибалом. Родственная душа узнается интуитивно, поэтому даже пропустив упоминание о возрасте, в котором Ганнибал оставил родину, или росте, и ничего не зная об истории своей Корсики, Наполеон должен был проникнуться к Ганнибалу симпатией, как к родственной душе.

Подобно тому, как все дороги ведут в Рим, так и всякое рассмотрение жизни Наполеона ведет к Ганнибалу. Остается только удивляться тому, что тысячи писавших о Наполеоне авторов этой его идентичности с Ганнибалом не заметили¹.

¹ К слову сказать, автор об этой идентичности догадался *все-го лишь по одной, первой попавшейся ему детали: Наполеон, как и Ганнибал, набирал свою армию исключительно из инородцев, а отнюдь не из своих соплеменников*. Кроме того, трудно было не споткнуться о некоторые поразительнейшие странности в войне Наполеона против России в 1812 году. Деяния этой войны своей красотой потрясают и сами по себе, но когда осознаешь, что они есть улучшенное воспроизведение происшедшего в древности, и это улучшение есть свидетельство о приближении события, подготавливаемого тысячелетиями, о котором речь еще впереди, то душа попросту начинает петь.

* * *

...Я приступаю к описанию самой замечательной из войн всех времен — войны карфагенян под начальством Ганнибала с римским народом.

Тит Ливий, I в. н. э., спустя почти три века после завершения войны

Для более полного постижения Наполеона расскажем биографию Ганнибала — предельно коротко, совмещая ее со *странностями* течения войны — впрочем, с точки зрения *теории стаи*, вполне закономерных...

Евангелие от Матфея начинается, как написано, с «родословия Иисуса Христа... Сына Авраамова» (Мф. 1:1): «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его» (Мф. 1:2).

Родословие Ганнибала у Тита Ливия почти такое же — только наоборот! — и подчеркивает иного рода исключительность величайшего военачальника древности. Суть этого родословия такова: Гамилькар (отец Ганнибала) *имел* Газдрубала (зять Гамилькара и, соответственно, шурин Ганнибала); а Газдрубал *имел* Ганнибала. Так и хочется довести фразу до совершенства: Гамилькар *имел* Газдрубала, Газдрубал *имел* Ганнибала и братьев его.

Насчет младшего брата Ганнибала Газдрубала Барки есть некоторая неясность. В доступных источниках нет указаний на то, что Газдрубал-зять *имел* Газдрубала-брата, однако событие это достаточно вероятное; во-первых, потому, что Газдрубала-брата точно так же посвящали в таинства подчинения и унижения одного человека другим и показывали, как конкретно *исполнители* получают от подчинения удовольствие («*Что может быть счастливей национал-социалистического собрания?!*» — А. Гитлер), а во-вторых, просто потому, что Газдрубал-брат к этой занятой семейке профессиональных властителей принадлежал по крови.

Ганнибал, античный символ раскованности (Наполеон — аналогичный символ, только нового времени), человек, которого не мог остановить ни карфагенский, ни римский сенат, человек, которого долгое время не могла победить ни одна армия, — как выясняется при внимательном чтении античных текстов, **в своих вкусах был не самостоятелен**. Один из слоев родовых эстетических предпочтений ему инициировали в раннем детстве при запоминающихся обстоятельствах: отец Ганнибала с него, еще девятилетнего, рядом с жертвенником во время госрелигиозного обряда взял клятву, что он, сын, никогда с римлянами не замирится и будет их ненавидеть (этому внушению Ганнибал остался предан до смерти, до идиотизма). Еще один слой — от юношества: было замечено, что *Ганнибал до мелочей подражал Газдрубалу-зятю*, как это и бывает обыкновенно среди страстно «влюбленных». Когда же Газдрубала, некогда любимца солдат, наконец, зарезали на глазах у войска за нечестие, то тут же единодушно вожаком был избран «почему-то» тоже полюбившийся солдатам Ганнибал.

Итак, жизненный путь Ганнибала: в девять лет он оставляет Карфаген и переправляется в Испанию, где после обучения таинствам власти из первых, если можно так выразиться, рук, после смерти любовника получает над войском власть и в кратчайшие сроки завершает завоевание Испании. Далее — поход к Италии, знаменитый переход через Альпы, когда половина доверившихся ему солдат погибла; затем четырнадцатилетнее безнаказанное хозяйничанье в Италии. Рима он, к удивлению потомков, не взял, вернее, — не стал брать. Выгнать Ганнибала из Италии не получалось, поэтому через четырнадцать лет его из Италии выманили. Римляне переправились через Средиземное море, осадили Карфаген, справедливо рассудив, что Ганнибал ринется на защиту имущества своих родственников. Парадоксально, но на родине Ганнибал побеждать так же, как это ему удавалось на чужбине, не мог, и «великий

полководец», впервые растеряв войско, бежал на Восток. Там он еще долго интриговал с врагами Рима, но одним из союзников был принужден под угрозой выдачи Риму принять яд.

Перечислять успешные битвы Ганнибала в Испании сейчас необходимости нет — об этом лучше почитать у античных историков (Тита Ливия, Полибия), — достаточно сказать, что побед было множество. Несколько хуже дела обстояли с осадами городов: если город не удавалось захватить и разграбить с налета, то через какое-то время защищающиеся жители освобождались от неясного дурмана и вполне сносно могли защищаться даже при рухнувших городских стенах (как это происходило, скажем, в Сагунде и Заканфе — своеобразных аналогах Бородина и Брестской крепости; кстати, аналогичная закономерность обнаруживается и в противостоянии гитлеровцев русским: немцы или побеждали с налета, или вообще не побеждали). При упорстве обороняющихся Ганнибал их просто давил массой тел аборигенов из близлежащих областей, в большом числе добровольно присоединившихся к его войскам.

Этот необъяснимый с точки зрения дарвинщины энтузиазм (аборигены гибли, равным счетом ничего не приобретая ни для себя, ни для своего народа) античные и современные историки объясняют глупейшим образом — к Ганнибалу присоединялись якобы по причине *великодушия* Ганнибала (описан, например, случай, когда он отпустил очень красивых пленников-молодожен, дав им приданое: миллионную часть от награбленного в захваченном городе). Это «великодушие» — на удивление античным историкам, но естественно для психоаналитиков — совмещалось с болезненной жестокостью. (Нашему веку Сталин всей своей жизнью показал, что для того, чтобы покоренные народы обожали и боготворили своего палача, вовсе не обязательна милость, достаточно по отношению к ним одной жестокости. «Великодушием» Сталин, как и всякий садо-мазо-

хист, тоже страдал, только «оттягивался» он в «великодушии» не на советских народах, а на зарубежных, щедрой рукой раздавая вождям коммунистических партий грандиозные суммы денег, вырученные от продаж произведений искусства.) Так что не в «великодушии» дело — достаточно того, что Ганнибал был жесток и хотел (*галлюцинировал*), чтобы к нему шли добровольцы. Акты «великодушия» — лишь материал для деструктурирования сознания будущих жертв заснеженных ущелий Альп.

Испания через какое-то время стала для Ганнибала слишком тесна, и он, совершив за пятнадцать дней хрестоматийный переход через Альпы, спустился на равнины Италии.

Последовал ряд ураганных разгромов римских легионов, которые, казалось бы, должны были быть воодушевлены, защищая родные очаги. Все эти разгромы производились по одной и той же схеме (как и все последующие в течение всех 14 лет пребывания на территории древней Италии). Ганнибал с точностью заведенного раз и навсегда механизма действовал так:

— сначала имитировал отступление, провоцируя преследование; и римские войска — иной раз наперекор воле своего военачальника, но чаще с его одобрения — кидались в погоню;

— *вдруг* из кустов, оврагов или из-за единственного в данной местности холма показывался небольшой (!) засадный отряд;

— римлян охватывал ужас, они переставали соображать окончательно, и — все разом обнаружив в себе голос, подсказывающий, что надо, бросив оружие, бежать! бежать! бежать! — велению «сердца» противиться не могли, ряды расстраивались — и начиналась страшная резня.

После очередного разгрома римляне набирали новое войско, им Ганнибал подставлял отряд мародеров как солдат никчемных, легко заменяемых и потому не имеющих ценности, римляне, без труда его разогнав, на-

чинали чувствовать в себе желание преследовать уже все войско Ганнибала, этому чувству не противились, но вдруг появлялся *небольшой* засадный отряд, все отдавались другому чувству — панике, — и опять под мечами ганнибаловцев оказывались незащищаемые спины и головы бегущих.

Такое истребление мужского населения Рима продолжалось до тех пор, пока не был назначен диктатором (понятие военное: так назывался единоличный правитель-консул вместо обычных *двух*, обязанных власть между собой делить) сроком на год непопулярный в толпе (публике) Квинт Фабий Максим или попросту Фабий.

И вот этот самый Фабий повел себя на поле боя *странно*.

Результатом этой странности было то, что Ганнибал — непобедимый Ганнибал! — Фабия зауважал и, пожалуй, испугался. А вот недорезанные жители Рима (отважные, как они о себе думали, что, по их понятиям, доказывалось тем, что они всегда были готовы броситься за отступающим врагом), Фабия запрезирали еще больше.

Что же сделал Фабий *эдакого*?

Он со своими легионами подходил вплотную к лагерю Ганнибала, но не нападал, а разбивал лагерь, возводил насыпь, устраивал ворота — и так далее по уставу. В провоцируемые генеральные сражения не вступал — разве что давал своим легионерам размяться в ловле мародеров и, преодолев туман в голове, ощутить кровь врагов на своих мечах. Словом, *выжидал*, но не в удобном, казалось бы, положении, то есть вдалеке от Ганнибала, а ***расположившись как можно ближе к лагерю оккупантов***. Просто ждал, — а победоносное войско Ганнибала почему-то хирело.

Только по выбору места для лагеря минимально мыслящий человек мог догадаться, что Фабий был отнюдь не трус, а его победа — результат если не логи-

ческого знания *теории стаи*, то хотя бы *ощущения* истинных закономерностей жизни невозрожденных людей.

Но римский народ Фабия, естественно, не понял. На Фабия, не устраивавшего истерических передвижений войск, даже когда Ганнибал на его глазах демонстративно разорял поля союзников Рима, разозлились не только солдаты, которые рвались преследовать врага, но и сенат, и народ Рима, обзывая по сути победителя Ганнибала в худшем случае трусом, а в лучшем, презрительно, — *Кунктатором* (Медлителем). Собиравшаяся в толпы публика требовала от Фабия того же, чего от него хотел и Ганнибал — генерального сражения.

Главным противником Фабия стал его начальник конницы, любимец толпы Марк Муниций. Тит Ливий пишет о нем так: «Был он [начальник конницы] человеком неистовым, скорым на решения, необузданным на язык; сначала в небольшом кругу, а потом открыто в толпе стал бранить Фабия, который будто бы не медлителен, а ленив, не осторожен, а трус; истолковывая доблести диктатора как пороки, он унижал высшего и превозносил себя — гнусное искусство, доставившее многим блестящий успех и потому процветающее» (*Тит Ливий*, XXII, 12:12). Впавшие в восторг воины, приближая свою бессмысленную гибель, помогли Марку Муницию добиться уравнивания власти с Фабием. Далее Муниций потребовал, чтобы командование было *посменным*, то есть в определенные дни власть над всеми легионами принадлежала только ему, Марку Муницию, и он был бы вправе начать генеральное сражение. Однако на это Фабий не согласился. В конце концов войска были разделены таким образом, что первый и четвертый легионы отошли под командование Муниция, а второй и третий — Фабия.

Стоит ли говорить, что Ганнибал, выведывавший обо всем, что происходило в римском лагере через лазутчиков и перебежчиков, радовался происходящему как ребенок!

И любимец толпы Муниций не обманул его ожиданий. Он, забрав подчиненную ему половину войска, оставил общий, защищенный рвом и валом лагерь, отвел подчиненные ему легионы на несколько стадий, организовал собственный лагерь (однако, в пределах видимости Фабия) и построил легионеров в боевой порядок. Иными словами, не прошло и суток, как Муниций подставил свои легионы под небывалое избиение.

Резня и преследование двух подчиненных Муницию легионов продолжалась до тех пор, пока из своего лагеря в полном порядке не выступил Фабий. И тут Ганнибал, у которого с арифметической точки зрения сил было более чем достаточно, чтобы добить и Фабиевы легионы, испугался и отступил.

То ли искренне, то ли заботясь о своем «лице», спасенный Фабием Муниций в содеянном каялся рьяно, на коленях перед всеми превознося Фабия — и даже называл его отцом.

Исчерпан был инцидент, но не искоренен принцип.

В Риме (почему-то не в войске) было множество муниципиев, и один из них — Варрон, сын мясника. Видимо на основании того, что он досконально разбирался в расчленении туш домашних животных, Варрон легко убедил римскую толпу, что может разгромить Ганнибала в один миг. Чернь его, как и Муниция, боготворила, и во время перевыборов (Фабий в тот год, по истечении срока консульства, переизбран не был и, соответственно, лишился полномочий командующего) Варрон, несмотря на свое низкое происхождение, не позволявшее получить высокую должность консула (во время войны оба консула были военачальниками — над своим, в разных концах Римской республики, войском), должность эту все-таки получил. Добровольцы, настроенные, как они о себе думали, патриотически, бросились записываться в войско Варрона.

Вскоре Варрон вместе со вторым консулом Луцием Павлом в сопровождении вновь набранных легионов ри-

нулся навстречу Ганнибалу. Варрон требовал сражения — и немедленного; Павел же, во всем стараясь подражать Фабию — жаль, что лишь только подражать, — противился. Однако Павел был недостаточно последователен, теорию *стаи* не понимал, и разделил не *легионы* (как Фабий), а *дни управления* всем войском.

Стоит ли говорить, что в первый же день, когда командование принял на себя Варрон, не прошло и шести часов, как римляне были перерезаны — и в невиданно большом числе?!

Ганнибал победил все тем же стандартно-штампованным приемом: подставил, отступил, фланговый удар, резня разбегающихся.

(Кстати сказать, хотя Варрон с поля боя бежал, но народом был награжден, а вот второй консул Павел стоял насмерть, был несколько раз ранен, но одобрения толпы не заслужил.)

Эта была та самая знаменитейшая битва (резня) при Каннах, которая в веках стала именем нарицательным, — когда говорят не просто о поражении, а о *разгроме*, то вспоминают Канны. Во время этой резни римляне потеряли такое количество убитыми и пленными, что не только оставшимся в живых легионерам, но и населению Рима показалось, что государство погибло, город на пороге разрушения, настал конец всему.

Битва при Каннах — величайшее из бедствий за всю многовековую историю римского государства. Фабия-Кунктатора вновь призвали к власти, а затем и тех, кто худо-бедно следовал его линии. Линии Фабия придерживались более десяти лет, во время которых стареющий Ганнибал с переменным успехом властвовал на юге Италии, пока не вышел из юношеского возраста известный своей жестокостью Сципион Старший (который, напав на Карфаген, тем выманил Ганнибала из Италии в Африку, где его и разгромил)...

Таким образом, у нас уже вполне достаточно данных, чтобы осознать, что в стратегии (долговременном

масштабном планировании), по большому счету, возможны только две линии поведения противников:

- линия Ганнибала,
- линия Фабия.

Понятия стратегии и тактики нередко путают, поэтому значение этих терминов уточним.

Тактика — это когда война или сражение уже *начались*, когда решают, который из участков обороны противника надо прорывать, который из легионов или танковых батальонов должен это делать, сколько манипул или минометных батарей оставляют в резерве; когда решают, на котором из флангов — правом или левом — нужно устроить отвлекающую и дезориентирующую противника демонстрацию военной активности.

Стратегия же есть решение гораздо более масштабных вопросов — это когда решают *стоит ли вообще* давать решительные сражения, не лучше ли отступить и измотать наступающих партизанской войной или вообще заключить в случае нападения какое-нибудь, пусть даже «похабное», мирное соглашение.

Итак, мы утверждаем, что **линий стратегического поведения всего лишь две — наступательная или оборонительная**. Как будет показано позднее, предельный случай ганнибаловской линии — это действия Наполеона в России, а фабиевской (кунктаторской) — ... Нет, о *такой красоте* так сразу говорить было бы опрометчиво.

Осваивать скрытые (и скрываемые) закономерности взаимоотношений людей выгодно в обстоятельствах, когда срываются многие маски, то есть через рассмотрение «странностей» великих — и именно великих! — войн. Начинать приходится со сражений древности — древние предпочтительнее современных, потому что только некоторым войнам повезло и они нашли своего Гомера, Полибия или Толстого — и *ожили*. Современные (XX века) войны хотя и происходили в действительности, в чем можно убедиться, обзревая обшир-

нейшие пространства кладбищ, но как бы не существуют — для нас; в войне самое ценное — возможность ее осмысления, а тем самым и **самопознания**. Без этого снижается способность к высвобождению из-под управляющих нами галлюцинаций вожаков. Люди гуманитарно хорошо образованные вполне отчетливо высказываются, что, несмотря на книжное изобилие прошедших десятилетий (о Второй мировой войне написаны тысячи, если не десятки тысяч книг, отягощенных многими подробностями), настоящей *Книги* о Второй мировой войне еще не написано. Бытующие концепции не объясняют многих странностей и явно скудоумны. И это чувствуется.

При размышлении над картинами сражений, написанных пером великих писателей, обогащаешься самым главным — обобщением. Скажем, читая о ганнибаловских сражениях (Тит Ливий, Полибий), невозможно не заметить, что они всегда протекают по простейшим схемам, настолько простым, что для их *тактической* организации достаточно интеллектуальных способностей *любого* центуриона (майора). Такие центурионы есть в любом войске, следовательно, победа одного войска над другим определяется отнюдь не способностью к логическому мышлению. Действительно, **одно и то же войско (численно, по составу, по вооружению) под предводительством одного военачальника побеждает (Фабий, молодой Ганнибал), а под командованием другого — проигрывает (Муниций, Варрон, состарившийся Ганнибал).**

Иными словами, **успех в генеральном (!) сражении великих (!) войн определяется личностью военачальника.**

Что в великих военачальниках самое главное? Умение рубить мечом? Или навскидку стрелять из автоматической винтовки? Нет. Сила аналитического мышления? Нисколько. Более того, замечено, что нередко победоносные военачальники во время начавшегося сра-

жения никаких *тактических* распоряжений и не отдают (Кутузов при Бородине молчал; вербальные распоряжения Наполеона безнадежно запаздывали). **Великие сражения управляются не словом.**

Когда встречаются *две равных* по силе некрополя стаи, — то здесь, действительно, значение имеет и опыт, и вооружение, и сумма выплачиваемого солдатам жалования, и их численность, и *тактические* расчеты военачальников — в такого типа войнах свои закономерности.

Но раз в столетие или даже реже приходит *великий военачальник* — **сверхвождь.**

И тогда вступают в силу закономерности *великих войн*. Любящие похвастаться вожди (типа Варрона, сына мясника) побеждают умы своего народа, и легко — некоторых противников, но стоит им оказаться перед сверхвождем... И вот они уже бегут, спотыкаясь о брошенное оружие, — лучшее, заметьте, оружие, чем у победителей. Бегут от численно меньшего противника — и как бегут!

Так было с врагами Александра Македонского и с врагами Пирра; так же было с врагами Ганнибала, Наполеона и Гитлера. Все *великие* военачальники побеждали отнюдь не числом, да и не умением тоже. Ганнибал побеждал численно превосходящего противника, Наполеон — тоже. Но стоило великому военачальнику оставить свое войско, как оно позорно проигрывало даже численно меньшему противнику. (Скажем, можно вспомнить ту же Итальянскую армию, оборванную и дезорганизованную до появления в ней Наполеона, при нем — абсолютно победоносную, а после отъезда Наполеона шутя разогнанную отрядом Суворова, ничтожным по сравнению с Итальянской армией.)

Итак, мы приходим к тому единственному внутренне непротиворечивому объяснению всех наблюдаемых во всех великих сражениях *странностей*. **Важнейший фактор великих войн — сила (и направленность) некрополя сверхвождя.**

Сверхвождь *хочет* — и вооруженная толпа бросается вперед; у противника же опускаются держащие оружие руки.

Сверхвождь *представляет* — и противоборствующему военачальнику как будто отшибает память вместе с военным опытом и всякое соображение, и он в третий раз подряд оказывается послушно пойман в однотипную ловушку.

Сверхвождь *галлюцинирует* — и противник толпами сдается в плен.

Хочет — и на, пожалуйста.

В стае все определяется не оружием и не типом замка ящика, в котором заперт банан, но тем, *чего* хочет вождь.

Но — великий парадокс существования великого некрофила (великого военачальника, сверхвождя): стоит ему только представить, что бежит **его** войско — и оно побежит!

Стоит ему только дрогнуть, испугаться, представить что-нибудь в кустах страшное, *эдакое*, и вот его собственное войско панически бежит, увлекая за собой плоть своего мечтателя.

Это тем более возможно, что **все сверхвожди одержимы** приступами паранойи — безосновательной манией преследования, им временами мерещится черт знает что за каждой шторой.

Иными словами, непобедимого сверхвождя победить можно — надо только знать как. Надо быть противоположного ему психического склада, нестойкого, *неудовольственного*, быть независимым от некрополя.

Паранойя — самое слабое место сверхвождя.

Есть, разумеется, и физически уязвимые места (Пирру заехали черепицей по шее). Замечено, что если определяющий (и именно определяющий!) ход сражения военачальник *случайно* поражен (камнем, стрелой, пулей, черепицей) и теряет сознание, то картина сражения может резко измениться. Его побеждавшие было по

всем пунктам войска обращаются в бегство (см. всемирную историю, примеров множество). Казалось бы, все на месте — клинков меньше не стало, расположение войск осталось выигрышным, вербального управления как не было, так и нет, и в этом отношении с гибелью сверхвождя мало что меняется — но всё бежит.

И наконец, еще один ослабляющий вождя фактор — биологическая старость. Начитанный в античных авторах Наполеон говорил, что «для побед есть свой возраст»; это было известно и в прежние века. С возрастом не все становятся глупее, а вот опыт увеличивается — способствующий, казалось бы, победам фактор. Но только в рамках стихийной дарвинщины. В рамках же *теории стаи* совершенно закономерно, что способность сверхвождя побеждать силой одного только воображения с возрастом сначала возрастает, проходит через максимум и затем падает, нередко обвалью. Это можно было наблюдать в жизни всех сверхвождей, во всяком случае тех, кто не погибал насильственной смертью: Ганнибала, Наполеона, Гитлера. А вот Александру Македонскому горечь поражений испытать не пришлось — он умер с перепою в 32 года. Есть основания полагать (уж больно сведущим был у него учитель — сам Аристотель!), что Александр свою смерть спровоцировал. Что, в самом деле, его как некрофила ожидало в будущем? Максимум вождизма пройден, впереди только унижительные и «необъяснимые» поражения...

Возвращаемся к двум типам стратегии и случаям их применения. Итак, народился очередной великий полководец, толпа в восторге, несопротивляющиеся легионы противника разбегаются, лишь только заметив собирающие в кустах хворост вспомогательные отряды завоевателя, и какая бы ни была концентрация войск, как бы обильны ни были жертвоприношения идолам — все одно: *вдруг* все охвачено паникой и желанием бежать — и все бежит, начинается страшная резня бегущих, пленные исчисляются десятками тысяч.

Стратегия побеждающего сверхвождя (труполоуба) может быть только одна — наступательное движение, *навязывание генерального сражения* (это важно: чем больше скопление людей, тем полнее отключается критическое мышление **у всех**, тем послушнее и свои, и чужие тем образам, которые в данный момент мерещатся сверхвождю).

Побеждающий некрофил не в силах стремиться ни к чему иному, как только к блицкригу («молниеносная война». — Нем.). Он торопится, — что понятно. Время приближает максимум военачальнической славы, и промедление чревато закатом карьеры. Время после прохождения максимума у нападающего работает на обороняющихся, поэтому чем дольше им удастся его протянуть, уклоняясь от многолюдного сражения, тем полнее подчинение собственному вождю (если он не *неугодник*, то есть вообще не вождь).

Тянуть время было в особенности важно в случае с Ганнибалом, который убыли войскам не знал (в отличие от Александра, Пирра, Наполеона и Гитлера) — к нему стекались гипнабельные добровольцы из покоренных народов. Победить такого, как Ганнибал, можно было только терпением, одним только терпением. Для достижения победы достаточно всего-навсего сохранять свое войско, тренировать его на психическую устойчивость, двигаться с противником параллельным курсом. Что и делал не понятый толпой и легионерами Фабий (а спустя две тысячи лет — Кутузов). А Ганнибал понял (скорее, почувствовал) — и испугался.

Что примечательно в *теории стаи* — **одно только это параллельное движение непременно должно привести к рассеиванию войска сверхвождя!** Во все времена (в особенности *до* русско-японской войны 1904 года) потери от болезней во время военных кампаний превышали потери от ран. А близость к сверхвождю, некрофилу, умножает болезни и отягощает их течение (см. в кн.: «КАТАРСИС»). На о. Св. Елены вокруг

даже полуживого от ядов Наполеона люди болели не в пример больше, чем солдаты удаленной, не приближавшейся к бывшему императору английской охраны. Но если в столицах мира придворные имеют возможность уехать в загородный дом и там прийти в себя, то в военном лагере (и без того скопление дышащих убийством людей — место нездоровое) деться от сверхнекрофила некуда, отсюда и болезни, от которых войско истаявает.

Одной близости сверхвождя достаточно, чтобы со временем истаяло его собственное войско (в чужой стране, в виду лагеря противника, вождь из военного лагеря не отлучается). Но мало того! Мудрый Фабий задействовал и еще один фактор!

Он расположил свой лагерь как можно ближе к лагерю Ганнибала! Подробно парадоксальный механизм того, почему в результате такого маневра ускоряется уничтожение стаи завоевателей, будет рассмотрен в главе о крысах «Грызня элементов стаи крыс: единственная причина — присутствие чужого». А если коротко и упрощенно, то: *сила некрополя у его носителей возрастает при виде чужих, и это некрополе убивает прежде всего тех, кто ближе находится к его источнику.*

Таким образом, для обороняющихся от сверхвождя, для победы над ним, выгодно не только тянуть время, не только, не вступая в сражения, двигаться параллельным курсом, но и организовывать свой лагерь как можно ближе к захватчику. Что Фабий-Кунктатор и делал.

Итак, Ганнибалу противостояли два типа полководцев: одни подобные Варрону и начальнику конницы Марку Мунцию, другие подобные Фабию и отчасти Луцию Павлу. От первых народ Рима тащился — а толпа никогда не ошибается где и с кем кайф больше! — спасителей же родины уничижали и давали презрительные клички типа «Кунктатор». Ганнибал тоже не ошибался, только наоборот: он всякий раз радовался, когда узнавал, что во вражеское войско прибыл очередной любимец толпы. Последующее

было делом техники: оставалось каким-либо простеньким приемом вовлечь любимца в восторг — и далее по расписанию...

О, Ганнибал был великим знатоком гипноза и понимал, что одурь восторга одурью и остается, как бы ее ни называли: восторгом победы, религиозным восторгом или как-нибудь еще. В частности, древние историки — а о Ганнибале писали, наверное, все — отмечают *странный случай*, который произошел немедленно после того, как Ганнибал перешел Альпы. Он собрал войско, приказал вывести плененных альпийских горцев, кинул им под ноги оружие и предложил между собой сразиться. Тому, кто зарубит своего единоплеменника, он обещал в подарок коня и, видимо, свободу. Горцы дружно, как один, ринулись к оружию, и началась взаимная резня. Естественно, во время такого рода состязаний зрители, даже если им неизвестны обе команды, все равно эмоционально оказываются вовлечены, — чаще всего на стороне побеждающего. Побеждающая сторона победила и в тот раз, перепачкавшись в крови своих братьев, — чем вызвала *восторг победы* у ганнибалова войска *исполнителей*. Ганнибал приказал прекратить резню и *немедленно* сделал своему войску очередное внушение об их непобедимости, и напротив, ничтожности и трусости римлян. После чего послал получивших внушение в бой. Победа ганнибаловцев была полной: лучше вооруженные и хорошо отдохнувшие римляне позорно бежали, что неудивительно, поскольку о том, что римляне вот-вот побегут, галлюцинировал не только сам Ганнибал, но и каждый из его воинов.

Ту же операцию по гипнотическому введению в «восторг победы» Ганнибал проделывал не только со своими воинами, но и, в сущности, с «любимцами Рима», Варроном и Муницием, подставляя им для затравки мелкие отряды вспомогательных войск, которые римляне к своему полному восторгу и изрубали в лапшу. Чтобы потом изумиться тому, что они, столь победоносные, ни с того ни с сего тут же обратились в позорнейшее бегство.

В великой войне побеждает психолог масс. В тактическом смысле — *сверхвождь*, а в стратегическом, напротив, — *кунктатор*.

* * *

Приведенный случай с взаимной резней горцев интересен не только изощренностью психотехники самого Ганнибала, но и невежеством даже наиобразованнейшей части римской интеллигенции. В частности, многие историки не могли взять в толк, зачем это Ганнибал проносил речь, разве что не взобравшись на кучу трупов убивших друг друга альпийских горцев. Более того, многие античные историки считали, что эта театрализованная резня все равно что спектакль; актерство же (низкая профессия) полководца унижает, делает ничтожным. А поскольку столь великий народ как римляне, рассуждали римские историки, ничтожеством побежден быть не мог, то и самой резни — не было. *Не могло быть, потому что не могло быть никогда.*

Но она была. Поэтому многие и многие историки (в частности, Тит Ливий к возмущению его комментаторов) ее подредактировали в соответствии с постулатами стихийной дарвинщины (исходящей из того, что раз *вождь действует на благо*, то он — *хороший*) следующим образом: дескать, была резня, Ганнибал ее остановил, а уж только потом, *повременив*, собрал сходку.

К счастью, нашлись исследователи, которые обратили внимание на подлог, описали его, описали сеанс подготовки к гипнотическому внушению ганнибаловцев. И этим дали возможность нам, потомкам, нащупать пути к объяснению сегодняшних наших неурядиц...

Да, конечно, особенности начала поразительных завоеваний Ганнибала мы рассматривали не ради него самого, но в связи со сверхвождем Наполеоном и его разгромом в России (далее можно понять суть и современных нам событий).

Ведь, в сущности, в России в 1812 году все повторилось почти в точности: был свой начальник конницы Муниций, был свой Варрон, обожаемый народом и истеричными женщинами, был свой Фабий и свой Луций Павел, которых высмеивали в войске, в народе и при дворе, а самое главное, была все та же толпа и искажающие действительность недоумки-историки.

Именно то, что **Наполеон невротически воспроизводил Ганнибала**, в самый ответственный момент поступая неадекватно, во многом и определило ход кампании 1812 года.

Обычный некрофил пожирает в первую очередь сам себя и свою семью, а яркий некрофил — ещё и всё своё окружение. Это — ахиллесова пята сверхвождей, отправляющихся в захватнический поход.

Ладно бы они давили только на себе подобных прихвостней, но, бывает, они пытаются подмять или уничтожить *неугодников*. Здесь и вырастает перед глазами третья ступень *теории стаи*, которую из вождей XX века было по силам увидеть, похоже, одному только Сталину.

Неугодник, которого вынудили взять в руки оружие, не столько уничтожает низовых подхалимов, сколько «всего лишь» провоцирует переворот в психике сверхвождя.

Осознанно ли, или интуитивно, но они тщательно вытравливают из информационного оборота сведения об определяющей роли *неугодников* в Великих войнах и, конечно, других сферах тоже.

Есть у меня один знакомый — доктор исторических наук Владимир Невежин. После того как вышел второй том «Катарсиса» он по-новому стал смотреть на Войну. Нет, он не понял смысла *теории стаи* — всё-таки совместим с иерархией историков! — но то, что

начало Войны протекало далеко не так, как её описывают суверенитисты, он понял. И стал в архивах делать одно открытие за другим.

К примеру, он мне пересказал, как наши сдавали город Гродно. Это почти на границе. Там в 1941-м стояли три наши дивизии. И вот в самом начале войны, когда никто ещё не знал про всеобщий драп, в город вкатился немецкий солдат на велосипеде. Он был пьян — потому и заблудился. Пьян-то пьян, но сообразить, что форма у мелькавших вокруг военных отнюдь не принятая в вермахте, смог — развернулся и сделал ноги.

Что тут стало с нашими военными! Часть складов взорвали, остальное бросили — и разбежались. Все пятьдесят тысяч.

Первыми бежали комиссары, за ними энкавэдэшники, потом командиры и последней бежала красноармейская масса.

Немцы вошли в оставленный город только через трое суток...

Но в России есть и *неугодники*.

**Глава тридцать пятая из второго тома
«Катарсиса» — «Теория стаи»
(в первом издании
«Россия: подноготная любви»)**

**ЧТО ПОД УГРОЗОЙ РАССТРЕЛА
ЗАСТАВЛЯЛИ СКРЫВАТЬ
О 28 ГЕРОЯХ-ПАНФИЛОВЦАХ?**

Выдуманная сталинцами и держащаяся около полусотни лет легенда по поводу совершенного в районе разъезда Дубосеково подвига следующая.

16 ноября 1941 года один из взводов 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И. В. Панфилова герои-

чески сражался на подступах к Москве. Это был обыкновенный стрелковый взвод, у них был даже политрук В. Г. Клочков, который якобы сказал:

«Велика Россия, а отступать некуда: позади — Москва!»

Эти семь слов оказались столь зажигательны, что атаковавшие взвод немецкие танки запылали. Взвод даже без авиационной и артиллерийской поддержки, имея на вооружении всего два противотанковых ружья, гранаты и бутылки с горючей смесью, подбил и поджег — невероятно! — 18 танков противника. На поле боя, усеянном трупами немцев, было кровавое месиво.

Все 28 — герои, и все погибли, выполняя приказ Жукова и Сталина — и вообще всех начальников. Ура!

Мораль: вот на что способен обыкновенный советский человек, если послушно выполняет приказы начальства (Сталина, Панфилова, политрука и т. п.). Все могут и все должны поступать так же.

Все обстоятельства подвига, разумеется, перевернаны до неузнаваемости. Причем, вранье затронуло не только безобидные уровни, но и уровни, серьезно деструктурирующие сознание. Главное, были преступно затемнены величие и смысл событий 1941 года.

Относительно безобидные уровни вранья отразились в спорах нынешних историков о числе героев: по одним данным, на стыке дивизии Панфилова и группы Доватора оборонялось больше сотни бойцов, а по другим — 29.

Двадцать девятого старательно замалчивали: он при приближении немцев поднял руки и бросился сдаваться. Не добежал. Кто-то из *наших* не промахнулся.

Фамилия этого 29-го неизвестна, так что почти наверняка, что она на памятнике в списке Героев — Золотыми Звездами были награждены 28 человек.

Отчасти безобидно вранье и о поголовной гибели взвода (как же, в таком случае, до нас дошли легендар-

ные слова политрука?). На самом деле, как минимум четверо ранеными или контужеными попали в плен, а один из этих четверых даже служил немцам помощником старосты в поселке Перекоп родной Харьковской области на Украине. Кстати, этот угодник не кто-нибудь, а командовавший героическим взводом сержант Добробабин.

Еще как минимум двое попали в окружение. Кстати, первым из окружения вышел Даниил Алексеевич Кожубергенов, и произошло это лишь в мае 42-го. Хочется верить, что эти полгода на оккупированной территории он не сидел сложа руки. Естественно, под угрозой расстрела его заставили отказаться от своего участия в том бою, в котором «все герои, и все погибли, выполняющая приказ командования». «Естественно» — потому как получалось, что Даниил сражался без участия «командования» не только в тылу у немцев, но и у разъезда Дубосеково.

Остался ли еще кто кроме упомянутых двоих в тылу немцев воевать с захватчиками «без дураков», то есть партизанить, — официальные историки в доступной литературе не сообщают.

Вообще всем уцелевшим Героям до самой их смерти органы затыкали рты, требуя, чтобы они отказались от воспоминаний об участии в этом бою. Иерархосталинцам *нравилось*, чтобы трупами оказались все, кто способен оборонять Родину. Кроме того, не вымарывать же предателей из списков Героев Советского Союза? Не разоблачать же во вранье политуправленцев? Не снижать же авторитет покойного генерала Панфилова, которому *нравилось* любоваться в зеркале своей физиономией с усиками «под Гитлера»? Не признавать же, что победа на самом деле принадлежит только части взвода — остальные лишь балласт?

Да, наиболее зловредна именно эта ложь — что столь результативно дрался якобы *обыкновенный среднестатистический, случайно набранный взвод*.

Очевидность этой лжи бросается в глаза хотя бы потому, что у этого взвода не было даже номера. А его не было по той простой причине, что сколочен он был наспех из остатков нескольких даже не взводов, даже не рот и даже не батальонов, — а полков! Даже офицера не успели прислать, потому и командовал старший по званию — сержант. Но хотя эти 29 — и «сборная солянка», однако среди них было резко повышено содержание тех немногих, которые остались в строю после боев на сталинско-гитлеровский манер. С одной стороны, во взводе собрались вместе те, кто в бою не сдавался, но с другой — те, кто не остался партизанить. Иными словами — преимущественно не яркие. Ни в каком смысле. Но и не средний уровень.

«28 панфиловцев» даже не были панфиловцами — дивизия Панфилова в боях до сих пор не участвовала, задача перед ней была поставлена атаковать во фланг наступающих немцев; другое дело, что немцы упредили и начали наступление первыми. Взвод из чужаков был придан сформированной в Казахстане¹ 316-й дивизии всего лишь накануне боя — отсюда и сержант-предатель из Харьковской области, и отсутствие у взвода номера. Поскольку взвод был «чужой», то естественно и расположение его на самом опасном месте — на стыке крупных частей, вне дивизии Панфилова. «Панфиловцы» не были панфиловцами. Зато нас полстолетия с многомиллионными затратами на идеологов учили, что вот, сформированная в Казахстане (Киргизии) дивизия Панфилова сплошь состоит из героев. Какой героический народ в составе семьи советских народов!..

Сколько среди 29 было «комсомольцев»-«внешников», «внутренников» и *неугодников*?

Достаточно ярких «внешников» было как минимум двое — тот, который бросился сдаваться, и сержант, командир взвода, будущий помощник старосты.

¹ По некоторым источникам — в Киргизии.

А сколько было *неугодников*? Неизвестно. Но ясно одно: несмотря на то, что *неугодники* предпочитали побеждать в тылу у немцев, их концентрация среди 29 была резко повышена по сравнению со средней по Красной Армии — ведь в 41-м не драпали в тыл и не бежали сдаваться в плен прежде всего именно они. (И, с другой стороны, резкое отличие поведения «28 панфиловцев» лишний раз подтверждает, что выживали в боях люди именно нестадного поведения.)

Возможно, *неугодников* во взводе было аж трое. Или даже четверо. Может, больше.

Что значит хотя бы один нестадный боец во взводе? Вспоминается эпизод, случившийся при обороне Одессы. Один то ли краснофлотец, то ли красноармеец *по собственному почину* с ручным пулеметом прополз по кукурузному полю в расположение румынской части. Дело даже не в том, что он из своего ручного пулемета положил много оккупантов, а в том, что среди румын началась паника. Взвод смельчака успел на панику среагировать и окопы, освободившиеся от разбежавшихся румын, занял. В донесении же все это выглядело как удачная атака *всего взвода*, грамотно руководимого командиром и политруком. Командира и политрука — к наградам. Их начальство — тоже. Наградили ли защитника Родины?

Но сколько бы *неугодников* ни было среди 28 «панфиловцев», ясно одно, что победили они именно благодаря самим себе. А не благодаря, как внушалось десятилетиями, чуткому руководству героического Панфилова с усиками под фюрера.

И дело не в политруке (скорее всего, довоенного образца), который, кстати сказать, прибыл во взвод, когда из подбитых в тот день 18 танков горели уже 14. То есть после появления политрука средняя эффективность боя каждого из оставшихся к тому времени 15 бойцов резко упала, и фронт в этом месте был прорван.

И не в командире-предателе с Украины.

Судьба этого помощника старосты — с точки зрения *теории стаи* тоже строго закономерна. Он нравился всем «внешникам». Сначала предвоенному красноармейскому комсоставу — ими предатель был выделен, и ему было присвоено звание сержанта. Он понравился и гитлеровцам, которые не отправили его в подземные заводы, но назначили на хлебную должность помощника старосты. Когда **на втором этапе войны** в 44-м предатель вновь оказался в Красной Армии, то он, естественно, показался своим и новому начальству и был этим начальством за умение нравиться многократно награжден орденами и медалями.

После войны, когда он начал требовать Звезду Героя за бой под Дубосеково, то уже через 4 дня был арестован. Выяснилось его прошлое, и он получил срок за пособничество врагу — 15 лет.

До конца существования Советского Союза реабилитирован, несмотря на его требования, не был. В суверенной России — тоже. Зато в самостийной Украине признан *хорошим человеком, своим* — официально. Тем самым русофобское украинское чиновничество себя разоблачило: что они такие же, как и Добробабин, — предатели.

Итак, дело не в генерале, не в политруке, не в командире. Но в тех нескольких из числа *неугодников*, которые в 41-м, собственно, и победили всепланетную «внешническую» стаю Гитлера. И которые совершенно закономерно официозом всех мастей не замечены и оболганы.

Вот еще какую мудрость видел я под солнцем, и она показалась мне важною: город небольшой, и людей в нем немного; к нему поступил великий царь и обложил его и произвел против него большие осадные работы; но в нем нашелся мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке.

Екклесиаст (9:13–15)

В последнее время стала особенно модна такая концепция Войны: Гитлер и Сталин были евреями (наполовину или на четверть) и потому, будучи дегенератами, создавали концлагеря для других дегенератов — евреев не замаскировавшихся.

Таким образом, Война была внутриеврейской разборкой — потому и лилась кровь других народов и они (те же 28 «панфиловцев») дрались друг с другом с невиданным ожесточением.

Сторонники концепции «внутриеврейской разборки» опираются, разумеется, на достоверные факты общественной жизни — ну, и на концепцию суверенизма, конечно.

Сталин, по их понятиям, тоже еврей. Он еврей потому, что номинальный его отец Виссарион был горским евреем, то ли полностью, то ли частично. А Гитлер еврей потому, что мама Гитлера работала уборщицей в разных домах и в одном из них хозяином был еврей.

Безусловно, всё это надёжные факты.

Но можно присовокупить к ним некоторое расширение. Например, сохранились более чем достоверные сведения, что мать Сталина относилась к тому далеко не редкому типу женщин, которые трахаются со всеми подряд (без всякого генитального удовольствия, анальный тип по верной классификации Фрейда) и в биологическом отцовстве любого её ребёнка можно подозревать по меньшей мере пару десятков мужчин. (Это не считая того, что старый Виссарион вообще женщинами не интересовался.) Вообще сексуальная гиперне разборчивость — общий случай в родословной всех великих властителей. Таковы были матери и Александра Македонского, и Ленина, и Гитлера — последняя рьяная католичка.

В определении крови рассматриваемых персонажей есть ещё и та трудность, что дочь почти всегда похожа на мать, то есть бабушки Гитлера, Ленина и Сталина были такие же как и их мамы, так же и прабабушки —

тут в хаосе «перекрёстного опыления» и вовсе теряются всякие национальные следы отцовства.

Понятно, что пользуясь приёмом расширения пространства факта можно затянуть споры о еврействе Гитлера и всех прочих властителей до пределов Альфа Центавры — но предоставим это занятие суверенитистам, если они уж так упираются в желании сохранить своё положение интеллектуальных дегенератов и психоэнергетических рабов.

С помощью же *теории стаи* вопрос о национальности решается просто.

Для облегчения восприятия обратимся к аналогии. Представители любой секты, Ордена, братства или преступной группировки друг друга распознают легко — по характерным особенностям речи и интонации, произвольным ужимкам и движениям. Эти знаки пытаться усвоить намеренно бесполезно — повторить до тонкости не получится. А по механизмам формирования стаи люди со сходным бессознательным перенимают их влёт. **Свой сам себе удостоверение.**

Народов это касается в той же степени. Еврея не спутать — принадлежность к этому замкнутому «ордену» для имеющего глаза прописана на каждом из них аршинными буквами.

По поведению Сталина видно, что номинальный его отец Виссарион, действительно, как о том свидетельствуют доступные источники, женщинами не интересовался, в том числе и женой. Что же касается Гитлера, то женская ветвь его рода хотя, осенив себя крестным знаменем, и трахалась со всеми подряд, всё-таки партнёров различала. С особенным чувством, обеспечивающим беременность, мама Гитлера трахалась отнюдь не с евреями. Мать Гитлера была патриоткой — как и её сын.

Всё это очевидно даже с уровня **«психологической достоверности»**.

А в *теории стаи* есть и другие способы познания — но это для читателей «Катарсиса».

Так что и Сталин, и Гитлер евреями не были, а были «внешниками», евреи же, которых Гитлер со Сталиным, защищаясь, уничтожили — привычными нам «иудо-внутренниками».

Ну-ка, о чём проговорился на балконе отпрыск главраввината?

Добавлю: если *ощущение* не освоено, то знание о *простых соображениях* малополезно...

**Глава двадцать шестая из второго тома
«Катарсиса» — «Теория стаи»
(в первом издании
«Россия: подноготная любви»)**

**НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Книга о Великой Отечественной войне — так, чтобы это была бы по-настоящему *Книга* — еще не написана.

Так полагают многие даже из тех русскоязычных писателей, которые во времена империи, рядящейся в коммунистические одежды, получали содержание за попытку такую книгу написать. Да, в библиотеках единиц хранения в отделе «Великая Отечественная» много, но *Книги* среди них нет — и это чувствуется.

О нашествии на Россию предыдущего сверхвождя и Отечественной против него войне книга есть — это «Война и мир» *неугодника* Толстого. Той Отечественной повезло — она не только осталась в подсознании прадедов-рекрутов, и опыт ее наследуется их благодарными потомками, но и предстает перед нами книгой,

помогающей нам возрастать и на понятийно-логическом уровне. (Кстати, в наитруднейший период Великой Отечественной, как вспоминают многие и многие, именно «Война и мир» была самой читаемой книгой и в тылу, и на фронте, и в госпиталях, то есть **именно эта из тысяч и тысяч книг была существенным фактором, способствовавшим победе над захватчиками**, — знай это Лев Николаевич, он бы, верно, прослезился от счастья.)

У Льва Николаевича материалов для работы было намного больше, чем у нас: *неугодники* в то время были явно видны, их выцедила в рекруты ненависть старост и помещиков, — именно они были очевидные победители, хотя во всей Европе, в особенности в Англии, «почему-то» прославляли казаков (казаки из отряда Неверовского с поля боя бежали, зато споро добивали и без того бегущего противника и добытых обирали — так что, действительно, главные душегубы 1812 года — казаки); а в 41-м *неугодники* были не просто растворены в массе войск, но, напротив, *из армии* выцежены. Кроме того, Лев Николаевич жил в сословном обществе; среди участников сопротивления Наполеону было достаточно много *неугодников*, материально от правящей немецкой иерархии независимых, — они могли говорить что думали (скажем, на охоте) и описывать то, что *видели*, пусть это и не совпадало с официозной «внешнической» точкой зрения; а со временем даже публиковать мемуары за собственный счет. Писать в том числе и о предателях-священниках, и о Чичагове с Ростопчиным, о партизанах и о предательском поведении купцов. Не сразу, но такие воспоминания были все-таки опубликованы даже в коммерческих изданиях.

В сталинскую и послесталинскую эпоху положение было иное. Наполеоновщины (демократии), правда, не было, но сословное общество уже было сильно размыто. Верхушку правящего класса в эпоху сословного об-

щества составляли наследственные аристократы — в числе которых могли оказаться такие люди, как князь Кутузов, граф Толстой, граф Игнатъев (об этом человеке — *ремесленнике*, выделявшемся умом даже среди офицеров генштаба, потерявшем во время революции все имевшееся в России имущество, — который в конце 20-х годов ценой всего своего зарубежного состояния вернулся в Россию, — в V части). Теперь же, в эпоху сталинщины, — «новые русские» 1930-х годов (в том смысле слова, который ему придавали еще в древнем Риме: это были *первые в своем роде*, те, которые зубами, когтями и предательствами, поднимаясь по ступеням иерархии, опередили других).

Толпа же *исполнителей* жила под новым внушением, что всякий человек есть сэволюционировавшая из хищной обезьяны *суверенная личность*, способная, следовательно, делать *самостоятельные* умозаключения. На самом же деле эта «способная делать самостоятельные умозаключения обезьяна» жила в фантастическом мире сообразно полученным внушениям — в якобы «единой семье **равных** советских народов», равномерно одухотворенных учением Маркса-Энгельса-Ленина. В этот мир влияли и выплывали небожители с партбилетами, которые знали правду и истину и которых надо было слушаться.

Слушались и в 41-м.

После войны уцелевшей части толпы *идеологи* внушали, что грандиозные потери убитыми и пленными 1941 года объяснялись вероломством врага, неожиданностью его нападения (час прошел — неожиданно, день прошел — все неожиданность, месяц прошел, потом второй — по-прежнему неожиданность; и это при том, что человеку, чтобы прийти в себя, достаточно нескольких минут, а то и секунд). Конечная же победа объяснялась тем, что «весь советский народ» «с комсомольским задором» поднялся на защиту социалистической Родины,

героически отстаивая каждую пядь земли «под руководством партии, правительства и лично...», — а потом перешел в наступление.

Все многочисленные факты о 41-м, которые в эту схему не укладывались, цензурой из мемуаров и рукописей вымарывались.

Несогласные с коммунистической концепцией Великой Отечественной могли рассчитывать на публикации только за рубежом — **да и то при выполнении следующего жесткого условия: чтобы сам автор веровал и из его текста следовало, что русские есть воплощение вселенского зла, всемирные агрессоры — да и полные кретины к тому же.**

Таким образом, биофильным текстам путь был заказан — повсюду. Только изустные рассказы — от отца к сыну (жены слишком уж часто предавали) могли пролить свет на происходившее в действительности.

После падения в «Империю зла» коммунистической идеологии профессиональные историки, которым перестали платить за рассказы прежнего толка, стали пытаться подвести итоги: а сохранились ли вообще какие-нибудь заслуживающие доверия источники, описывающие *действительные* события Великой Отечественной? И, как и следовало ожидать, выяснилось, что несмотря на то, что с момента завершения войны прошло пятьдесят лет, реалистичные описания событий были величайшей редкостью — содержание абсолютного большинства существующих документов и литературы сильно искажено отмершей идеологией.

В сущности, выяснилось, что вообще нет никакой истории и достоверного зафиксировано не так много: разве только день начала вторжения гитлеровцев, день подписания Договора о капитуляции Стаи, покинутой самоубийцей-фюрером, грубо-ориентировочная численность павших русских, да, благодаря педантичности немцев, динамика потерь гитлеровцев и расход ими боеприпасов.

Стало выясняться, что мемуары и «научные работы» всего лишь «подтверждали» предписанные официозные лозунги; после же эволюции «желтого» коммунизма в демократию эти мемуары и результаты «научных изысканий» стали своей несуразностью попросту смешны.

О каком повальном героическом отстаивании «до последней капли крови» «каждой пяди земли» могла идти речь, если только **освобожденных** в 45-м из фашистских концлагерей **военнопленных** насчитывался 1 миллион 850 тысяч человек? Откуда за годы войны без малого 6 миллионов пленных — и это только доведенных до концлагерей! — а ведь были массы замученных и расстрелянных непосредственно в прифронтовой полосе (действительно, что с ними чикаться, если немецкая воинская часть временно оказалась в отрыве от остальных сил и стремительно продвигается вперед)? Почему сдалось в плен такое количество здоровых и физически сильных, способных держать оружие верных сталинцев?!

Вопросов множество.

Трагедия ли для России то, что сдавшиеся зимой 1941–1942 годов комсомольцы погибли практически поголовно, — от сыпного тифа и голода в концлагерях под открытым небом?

О каком *всенародном* сопротивлении можно говорить, если более 800 тысяч жителей Советского Союза перешли служить в немецкую армию??!!

О какой защите земли до последней капли крови может идти речь, если немецкая армия вторжения состояла из 3,2 миллиона человек — и в 41-м не погибла? Иными словами, если бы **двое-трое** из числа пленных и погибших комсомольцев, что были воспитаны на преданности Сталину, сообща убили или ранили хотя бы **одного** немца, то война закончилась бы еще в 1941 году — так почему же они этого не сделали?!

Почему они все сдавались?

Какой психологический тип сдавался первым?

Кем был глава государства — сверхвождем или субвождем?

А кто не сдавался? Ведь немцы, в конце концов, в 41-м убитыми, ранеными и пропавшими без вести потеряли около миллиона человек — кем они были уничтожены?

Каков **смысл** Великой Отечественной?

Кто против кого сражался?

Почему в первый день войны, о времени начала которой было известно Сталину и армейскому руководству вплоть до командиров корпусов более чем за полгода, безоружные красноармейцы разбежались с криками: **«Измена»?**

Какой смысл вкладывали они в это слово?

Почему запрещалось выносить на публику истину о том, что сталинские политруки вели себя в точности так же, как и православные священники эпохи Наполеона — то есть сдавались первыми? И это **несмотря на то, что они знали, что их-то немцы уж точно расстреляют еще в полосе фронта!** Кстати, вопрос о том, кто должен расстреливать политруков, был предметом напряженного препирательства между вермахтом и малочисленным по сравнению с армией гестапо. И те и другие считали для себя это бремя непосильным. Сам факт напряженности этого препирательства косвенно указывает на обилие сдавшихся политруков-сталинцев — хотя в тылу перед рядовыми они выпендривались и насчет защиты до последней капли крови, и насчет последнего патрона, который надо оставлять себе. Прямые доказательства инициативности комиссаров при малейшей возможности сдать тоже сохранились — это и засекреченные сводки политуправлений фронтов, и следственные дела НКВД (см. главу «„Странное” поведение политруков — источники к истории Великой Отечественной»), это и послевоенные воспоминания участников, пусть и цензурированные (см., напр., в кн.: *Вершиго-*

ра П. Люди с чистой совестью. М.: Современник, 1985).
Надо, однако, учитывать, что память о самых сочных случаях предательской деятельности «совести эпохи» не сохранилась — в «котлах» 41-го исчезали почти без сопротивления дивизии и целые армии вместе с политотдельскими донесениями.

Итак, **что же было во Вторую мировую на самом деле?**

Как ни странно — а может, напротив, закономерно, — но **все три концепции Второй мировой:**

- гитлеровско-геббельсовская,
- англо-американская,
- советская —

в основе своей идентичны. Победил, якобы, сильнейший.

Сила же, согласно этим концепциям, есть объединение усилий суверенных личностей, все действия и поступки которых осознаны и есть плод напряженных мыслительных процессов и духовных исканий. В общем, носители одной философии сражаются с философами другой школы.

Стало быть, будь Гитлер поумнее — не следуй он дискриминационным расовым теориям, оттолкнувшим от него часть его потенциальных союзников, — и победа могла быть за ним.

* * *

Некоторые мыслители, хотя и ограничены прокрустовым ложем суверенитизма, относятся к тотальному извращению Великой Отечественной — и прокоммунистическому, и антирусскому — спокойно: дескать, слишком мало прошло времени, чтобы успели стихнуть эмоции, чтобы умерли те, кто **лично** несет ответственность за позорные поражения и реки напрасно пролитой крови и кто в оправдание себе, пользуясь доступом к власти, извращает и перевирает все — делая из себя

героев, а не мерзавцев. Дескать, в конце концов, когда Толстой в конце 1864 года сел писать «Войну и мир», прошло 52 года со времени окончания Отечественной войны 1812 года — нужно-де время, чтобы появилась возможность...

Если быть более точным, то *спустя 52 года (без месяца) после окончания той Отечественной.*

Для тех, кто не равнодушен к «случайным» совпадениям: *эта книга тоже была начата — ненамеренно! — спустя ровно 52 года (без месяца) после окончания Великой Отечественной!..*

* * *

Согласно теории стаи, русские Отечественные войны нового времени не могут друг от друга отличаться — по сути. Ведь участвующие стороны все те же самые:

— нападающий сверхвождь-невротик, рассуждающий о своей цивилизаторской миссии в мире вообще, но особенно — в России;

— исполнители сверхвождя — по составу все те же объединенные (за исключением сербов) народы Европы;

— все те же немцы, отличающиеся от своих союзников особой жестокостью и солдафонством (даже Геббельс отзывался о немцах с презрением как о холуйских душах);

— все те же маячащие за спинами сражающихся «демократы» — очень богатые и умеющие стравливать «внешников» между собой;

— **и все те же, почти не изменившиеся, русские...**

Кое-что, правда, изменилось.

Появились самодвижущиеся повозки. Те из них, которые были покрыты листами вязкой броневой стали от 15 до 300 миллиметров толщиной, стали называть танками. Орудия резко увеличили свою скорострельность,

потому что заряжали их не с дула, как в 1812 году, а, наоборот, с казенника. Появились снаряды, начиненные напалмом (нефтью, способной с помощью добавок самовозгораться); такие снаряды использовали для залпового огня — в местах их падения сгорало подчистую все. У немцев такие системы назывались шестиствольными минометами. Немцы очень радовались эффективности этого нового оружия. У русских, которым в отличие от немцев экономить нефть нужды не было, чуть позже тоже появилось нечто похожее, только одновременно выпускалось 32 таких снаряда — знаменитые «катюши». Первый залп «катюши» произвели в 41-м по железнодорожной станции, забитой гитлеровскими эшелонами с боеприпасами и техникой. Вот как это было: стояла станция — потом вдруг после странного надрывного стопа в воздухе разом загорелась — *вся!* — и разом взорвалась. И все видевшие и слышавшие побежали. Немцы со своей линии обороны — в свой тыл. А советские — в свой.

Были еще сконструированы самолеты, огнемёт и телефоны с рациями...

Гитлеровцев численно вторглось только в семь раз больше, чем наполеоновцев, но одних только орудийных систем (без минометов) было больше не в семь раз и не в пятьдесят, а в **тысячи!**

И все это разом 22 июня в 4 часа утра обрушилось на советских пограничников и на армейские казармы, в которых у самой границы почему-то оказались *безоружными* так называемые «неблагонадежные»...

Но потом все развивалось во многом идентично тому, что происходило в 1812 году: молниеносный захват больших пространств России; разъединение российских армий подвижными соединениями свержождя, ополчение в обороне, подобно дивизии Неверовского дравшееся эффективнее регулярных войск (примеры и обсуждение — ниже), цивилизаторская вакха-

налия грабежей и убийств, большие потери русских регулярных войск; партизаны и *странные* относительно них распоряжения (вплоть до приказов об уничтожении) правящей советской верхушки, заболевший на нервной почве спустя несколько месяцев после начала кампании фюрер-сверхвождь, схожие обстоятельства бегства из России очередной стаи цивилизаторов...

Задача этой части книги — вовсе не «событийная» история Великой Отечественной, но **историко-психологическая** — при этом подтверждается духовно-психологическая идентичность войн 1941 и 1812 годов.

Для выявления сокровенного смысла произошедшего в 41-м необходимо установить:

- истинного сверхвождя,
- его тип («внутренник» или «внешник»),
- его местонахождение.

Соответственно, также необходимо:

— доказать, что противостоящие сверхвождю начальники одного с ним психологического типа были не более чем субвождями, то есть каждый из них поступал определенным образом, поскольку у сверхвождя были какие-то на его счет желания;

— выявить аналогов Чичагова, Ростопчина, крестьян-общинников («простых» *исполнителей*). Поискать аналога кунктатора Кутузова и, если таковой в руководстве вооруженных сил не оказался, выявить закономерность, по причине которой он отсутствовал, и эту закономерность сформулировать;

— еще раз удивиться, что Сталин поступал в точности так же, как и немец Александр I, который вопреки интересам обороны России приказывал *убивать партизан первого этапа войны*.

Национальный характер не меняется столетиями и тысячелетиями — если не происходит генетической подмены или целенаправленного психологически се-

лективного уничтожения части стаи, — и население Европы, и собственно русские — как целое! — были во многом те же, что и в 1812 году.

Естественно, и концепция войны 1941 года та же, что и Отечественной войны 1812 года: **по воле сверхвождя происходит гораздо больше, чем идеологи позволяют массе осмысливать; именно самоуверенной или паранойяльной фазой его невротического подсознания и определяются события на фронтах; противостоят сверхвождю единственно те, кто может мыслить независимо от желаний вождя стаи, — неугодники**; сверхвождь боится только их, именно они и есть желанная жертва главного дегенерата планеты.

Иными словами, если освободиться от внушенного заблуждения, что трагические события 1941 года есть нагромождение ошибок (почему-то однонаправленных) множества людей, если признать, что истинным руководителем «внешнической» иерархии в СССР никак не мог быть **субвождь**, но только управляющий его волей **сверхвождь**, родным языком которого был немецкий, — то становится очевидной **новая концепция Второй мировой войны: все события в России в 1941 году вовсе не хаос случайностей и противоестественных ошибок, но строго детерминированное развитие событий противостояния стаи «внешнического» сверхвождя и неугодников.**

Итак, кто и против кого на самом деле воевал во время Великой Отечественной?

И почему победа в Великой Отечественной — **неугодников!** — намного более прекрасна, чем то позволялось считать доныне?!

Глава пятьдесят четвертая из второго тома
«Катарсиса» — «Теория стаи»
(в первом издании
«Россия: подноготная любви»)

ТЯНЕТ — НЕ ТЯНЕТ. СЕРБЫ И КАЗАКИ

Девушка: Пойдем сегодня вечером к Мише, а?

Прожженная: К Майклу? Нет, меня туда *не тянет*.
Пойдем к Бобу в компанию.

Девушка: К Боре? А что у него? Поговорить с ним
не о чем. Шутки плоские. Пьет. Скучно. Пойдем
лучше к Мише.

Прожженная: Неужели не понятно? Меня —
не тянет!

Подслушанный на улице разговор

Подобное — к подобному; поэтому на планете кроме разных стай, в которые их элементы «тянет», можно, должно и полезно искать и выявлять метанации, в которые собираются *неугодники* из различных народов.

Неугодники в некрофилогенной культуре незаметны, в ней ценятся образцы болезненной психики, на вершины субиерархий возносятся уроды. Но *неугодники* заметны по результатам производимых действий; особенно же ярко — во время отражения нападения сверхваждя на *Родину*, метанацию.

Во время Второй мировой выяснилось, что Гитлеру в самые трудные месяцы 41-го сопротивлялись только два этноса: этнические русские и этнические сербы.

«Этнические сербы» — понятие условное: «сербами» стали в XIX веке называть себя все христиане-некатолики (православные и представители малых церквей — *вне зависимости от национальности*) близлежащих к Сербии земель, после того, как в результате освободительного от турецкого ига восстания образовалось это государство. Но и в прежние времена сербами себя называли выходцы из разных народов. В частности, в XIV–XV веках в православной Сербии (а может, наобо-

рот — в *сербском* православии?) спасались от «внешнической» католической инквизиции еретики со всей Европы — разумеется, *неугодниками* были не все беглецы, бежали в Сербию также и «внутренники» самых разных национальностей.

Вообще, размышляя над историей Югославии и сербов в особенности, трудно не сообразить, что многие из обрушивавшихся на сербов несчастий — карательные крестовые походы, нашествие мусульман, нападение гитлеровцев — вели к очищению их от «внешников» в первую очередь. Протосербов пространственно пододвигали, не желавшие стайного «внешничества» компактно уходили в сторону, а «внешники» оставались и массово принимали ислам или католичество — в зависимости от внешней атрибутики волны насильников. Результаты этого расслоения классически проявлялись во все времена, даже во времена социалистического лагеря: югославский социализм был существенно более торговый и капиталистический, чем в остальных социалистических странах. Внутри же страны сербы отличались от, скажем хорватов, с готовностью работающих на конвейерах, своими крестьянскими пристрастиями и тем, что они им не изменяют, несмотря на более низкий, чем у хорватов, уровень жизни.

В результате и образовалась современная Югославия, в которой все говорят на сербскохорватском, но католики-хорваты и косовские мусульмане зверски ненавидят сербов якобы за православие. Стайное начало на планете с этой ненавистью солидаризируется — вплоть до угроз вторжения со стороны Америки и НАТО. Сербь были костью в горле не только у римских пап, но и у Гитлера, на которого, как известно, крестились набожные католички.

Ненависть — как «внешников», так и «внутренников» — подтверждает: в Сербии действительно веками собирались *неугодники*.

Все эти проявления и «притягиваемые» события небезынтересны, однако, такой способ постижения, скорее, академичен — взять хотя бы малоизвестное знание о средневековых еретиках.

Автором истина познавалась и помимо книг тоже.

Я, вообще говоря, привык и, может быть, даже уже избалован тем, что скандальные и особо ценные исторические и психологические факты мне подносятся, что называется, «на тарелочке с голубой каемочкой». (В частности, книгу воспоминаний об *идеологах* не замеченном партизанском отряде из научных работников-ремесленников я обнаружил у себя в подъезде, почти под дверью квартиры. История о том, *почему* это старое издание в благодарность везли с другого конца Москвы — не мне, разумеется, — и как оно у меня оказалось под дверью, как выяснилось, очень романтическая.) Но изящество способа, с помощью которого мне было сообщено об одной **важнейшей детали** из жизни *переселившихся в Россию* сербов — сообщено всего *через пару дней* после того, как «всплыла» роль Сербии во Второй мировой войне, и стало очевидным, что некая часть сербов не могла не оказаться в России и среди русских раствориться, — поразило даже меня.

За последние лет десять внутренне доброжелательным разговором с поездными попутчиками маршрута «Одесса-Москва» мне насладиться не удавалось ни разу, а тут с единственным в купе соседом разговор именно такого уровня и глубины завязался сразу.

И скоро выяснилось, что Алексей Андреевич Дюбаров — а он родом с брянщины, из-под Локтя, — **и есть потомок одного из тех самых сербов, которые в XIX веке переселились в Россию!** Мало того, Алексей Андреевич оказался не просто потомком, но и любителем истории, собирателем всех и всяческих деталей из жизни своих разнонациональных предков.

— Прадеда по материнской линии звали Лукьяном Стефановичем. Фамилия, как видите, сербская — *Стефа́-*

нович, — улыбаясь, рассказывал Алексей Андреевич. — Так вот, его дочь, а моя, соответственно, бабушка, рассказывала мне, что она прекрасно помнит, что когда ей было четыре-пять лет, ее привязывали к стулу, чтобы она не убежала на берег Дона купаться...

Вот так, ни много ни мало. Переселившиеся в Россию сербы, видно, поверив в официозные рассказы о донских казаках как носителях «свободного начала», ушли из Сербии жить в низовья Дона, **но с казаками не ужились — и ушли на север на более бедные земли, на брянщину, где и остались.**

Вот это и есть — **важнейшая деталь.**

Одно постигается через другое — по взаимному притяжению и отталкиванию. Перечисли всех своих недругов, и я скажу тебе, кто ты.

О донских казаках известно много:

— ревностно служили немецкой династии Романовых, завоевывая новые территории, — это называют «*русскими* завоевательными походами»;

— казаки, в 1812 году предавшие новобранцев дивизии Неверовского в бою под Красным, с поля боя бежали, зато весьма проявили себя на втором этапе войны: скажем, к отвращению присутствовавших русских, крюками вытаскивали из-под льда Березины трупы наполеоновцев, чтобы их обобрать;

— яростно сопротивлялись революции под водительством Ленина, первое правительство которого сплошь состояло из евреев;

— в 41-м **первая** воинская часть, которая организованно перешла на сторону Гитлера (22 августа 1941 года, 436-й пехотный полк под командованием И. Н. Кононова), состояла исключительно из казаков;

— казаки-власовцы специализировались на подавлении партизанского движения, отличились особенным зверством в Югославии в действиях против сербов;

— в 43-м при отступлении гитлеровцев после разгрома под Сталинградом немобилизованные казаки вме-

сте со своими «конкурентами» чеченцами дружно бросят Россию и массами уходят к Гитлеру;

— после поражения Гитлера многие казаки сдались англичанам образца 1945 года — и были выданы России (казаков тут же, в пункте передачи, расстреливали у ближайшей стенки); незначительная часть казаков лесами пробралась к американцам, которые, вопреки договоренности на Крымской конференции, **часть казаков отобрали** (всего-навсего, по принципу «нравится — не нравится») и **переправили в Соединенные Штаты, а не вызвавших симпатии выдали советским властям для расстрела**;

— Ростовская область, место компактного проживания казаков, отличается от остальной страны тем, что там многократно выше процент серийных маньяков-убийц.

Донские казаки во всех своих проявлениях были ярчайшими «внешниками» — отсюда их антисемитизм, преданность Романовым, Гитлеру, послевоенному Сталину.

Но кроме «внутренников» они должны были люто ненавидеть и *неугодников*. **И именно этой ненавистью к неугодничеству и объясняются многие их поступки.**

Современные донские казаки, объясняя переход предков на сторону Гитлера, говорят, что повальное пьянство казаков на территории Гитлера никакого значения не имеет, важно же то, что все они были сплошь философами, противостояние было идеологическим — и кому как не казакам было бороться с *коммунизмом*?

Если казаки действительно боролись с *коммунизмом*, то почему вели боевые действия против западных союзников, тоже борцов, как утверждается, с коммунизмом? Почему издевались над гражданским населением Италии? Почему эти «философы» зверствовали в капиталистической Сербии? Если бы эта пьянь действительно боролась с *коммунизмом*, всего этого не было бы!

Но даже не это главное. Почему еще в XIX веке, когда коммунизмом и не пахло, сербы не

смогли ужиться с донскими казаками? Почему русских рекрутов тошнило от казаков, обирающих выловленные в Березине трупы?

Казаки, перейдя на сторону Гитлера и сражаясь с русскими и сербскими партизанами, боролись не с коммунизмом. **Казаки — «внешники», и пуще «внутренников» ненавидели неугодников.** От того и зверства, потому и страстное, вплоть до самоубийств, нежелание вернуться в Россию, где не участвовавшие в казнях могли отделаться всего лишь сроками в сибирских лагерях — но зато остаться там, где другим «дышится особенно легко».

Но предателям хорошо там, где таким, как граф Игнатьев и сербы-неугодники, плохо.

Именно противоположностью психики казаков и сербов и определялись **симметричные** события разных столетий: сербам, которые в 41-м партизанили против Гитлера на брянщине, было в XIX веке душно жить на Дону, среди будущих предателей; а пьянствующие казаки были чудовищно жестоки в Сербии.

Югославия страна многонациональная и многоконфессиональная. Есть и немцы, и хорваты, и македонцы, и десятки других национальностей. Но казаки зверствовали именно над православными сербами-единоверцами, а не над, скажем, хорватами-католиками или боснийскими мусульманами.

Но хорваты — классические «внешники», психологические братья власовцев. Как пишет в своем дневнике Гальдер, главная трудность при завоевании немцами Югославии состояла в том, чтобы *пробиться сквозь толпы сдающихся хорватов и македонцев* (гитлеровцы разбросали с самолетов листовки, в которых сообщалось, солдатам какой части в какой город идти сдаваться, вот почему дороги и оказались запружены идущими сдаваться в плен). «Хорваты» — это самоназвание, в переводе — «бандиты». И опять возникает аллюзия с донскими казаками и чеченцами!

У всякой стаи непременно есть **три** врага-жертвы:
— более слабый конкурент (в случае хорватов — «внешники» типа цыган; хорваты перед более сильными немцами самозабвенно пресмыкались до 43-го, а с 44-го ослабевших немцев, естественно, стали бить);

— противостая (в случае хорватов — «внутренники»);
— *неугодники*.

Хорватам в 41-м были ненавистны три народа:

— цыгане;

— евреи;

— сербы.

Цыгане в Югославии отличились в день нападения Германии на Югославию. Рано утром на Белград налетела первая волна немецких бомбардировщиков — и в столице воцарился хаос пожаров, многие оказались под завалами. Когда через несколько часов налетела новая волна, то в Белград ворвалось множество повозок, управляемых хлещущими коней цыганами. Но не откапывать раненых они ворвались — а грабить магазины. Югославские цыгане — типичные «внешники», хорватам конкуренты.

А вот евреи — классические «внутренники». Об этом свидетельствует история Югославии, в основных чертах воспроизводящая историю Европы в целом. После изгнания турок из Сербии как-то очень быстро оказалось, что все землевладельцы говорили на немецком языке, — они, соответственно, владели и деньгами. Но уже в начале XX века, с развитием так называемого капитализма, оказалось, что все деньги оказались у евреев. Словом, евреи — закономерный враг хорватов номер два.

И, наконец, сербы. Сербы, разумеется, разные. В 41-м хорваты устраивали состязания, кто больше перережет сербов. Победил один студент-хорват, который специальным ножом зарезал 1360 сербов, за что и получил в награду памятные часы. Но, надо заметить, на территории Хорватии жили не **сербы**, а *сербы*,

которые уживались рядом с хорватами. В сущности, они скорее хорваты — потому и вели себя, как типичные «внешники»: при нападении сверхважда покорно подставляли горло. Но есть и другие сербы. *Неугодники*, но с «внутренническим» отливом, потому что «внешническая» составляющая протосербов периодически вымывалась то волнами ислама, то волнами католичества, а в 41-м ей резали горло специальными ножами. Именно то, что сербы, если можно так выразиться, *неугодники-«внутренники»*, и определило их способность столь эффективно сопротивляться гитлеровцам-«внешникам».

В сущности, по психотипу сербы близки российским «неблагонадежным», которых предусмотрительный Сталин безоружными подвез к границе под дула немецких орудий, и отчасти дивизиям из политзаключенных, которые, не в пример кадровым военным, дрались прекрасно.

Вот так. Мало общего между евреями, цыганами и сербами, но все они — враги хорватам, которых высоко ценил Гитлер.

Кстати, и Гитлер в *Европе* ненавидел те же национальности.

Если что было по-настоящему *странного* во Второй мировой войне, так это «бессмысленное» сопротивление сербских партизан — гражданских лиц, поднявших восстание после капитуляции регулярных войск Югославии — **в 41-м году!**

До 22 июня 1941 года!

Даже за те пять дней, пока гитлеровцы взяли в толпе сдающихся хорватов, сербы успели разрушить не только ключевые мосты и туннели, но и рудники по добыче стратегического сырья — результат существенно лучший, чем добились за такой же срок «комсомольцы»-сталинцы.

Действительно, с точки зрения суверенитизма — а именно, арифметически-технической (торгашеской) модели войн — малочисленные необученные партизаны не могли даже надеяться на победу над вооруженной многочисленной, победившей армии всех европейских стран, гитлеровской армией. Ждать помощи было попросту неоткуда: англичане после пережитого сокрушительного разгрома под Дюнкерком заняли глухую оборону на своем острове, отгородясь самым дорогостоящим в мире флотом, американцы, собираясь в толпы, скандировали: «Америка превыше всего», — и в войну, как им казалось, не вмешивались, а Сталин заключил с Гитлером пакт о ненападении и всячески экономически и политически ему помогал.

Но сербы восстали.

В литературе сообщается о **двух** антифашистских силах в Югославии, двух иерархиях: националистах (четниках) и коммунистах. Эта слепота разоблачительна: ведь в событиях 41-го отчетливо просматривалась и **третья сила!**

С установлением оккупации и началом обычных для цивилизаторов зверств четники были восстали, но под благовидным предлогом тут же из борьбы вышли. Коммунистам же их руководство отдало приказ в бой не вступать, а ограничиться разведкой.

Но восстание состоялось!

Были, соответственно, и конкретные люди, которые не подчинялись приказам вождей. Именно эта третья сила и определила во многом исход Второй мировой войны!

Восстание, разумеется, было утоплено в крови, уж слишком неравные были силы, но, несмотря на это, именно **сербские неугодники во многом победили Гитлера!**

О великой роли во Второй мировой войне «третьей сербской силы» на удивление, а вернее, совершенно закономерно, не пишут ни во «внешних» странах, ни

во «внутреннических». Умолчание удивительно потому, что роль восстания неиерархичной части сербов огромна. Одни только русские обязаны сербским *неугодникам* спасением сотен тысяч людей. Закономерно же это умолчание потому, что... потому что существуют вожди и подхалимы, бессознательно обслуживающие их интересы.

Однако Истина от этого не умалается.

Своим «бесперспективным» восстанием весной 1941 года «неуправляемой» части сербского народа удалось сковать ряд дивизий Гитлера и довести фюрера до белого каления. В результате вынужденных незапланированных Гитлером карательных операций:

— было пережжено горючее (***треть всего запаса, предназначенного для наступления на Россию!***);

— начало реализации плана «Барбаросса» пришлось отодвинуть ***на месяц***;

— в конце 41-го Гитлер был вынужден для подавления восстания перебросить в Югославию дополнительно три дивизии гитлеровцев.

Таким образом, получается, что сербские *неугодники*, несмотря на то, что не нанесли гитлеровцам значительных потерь в живой силе, сделали намного более важное: лишили гитлеровцев топлива и тем ограничили их в возможности в России наступать!

Дело в том, что с началом осенних дождей и, как следствие, наступления знаменитой российской распутицы, гитлеровская техника начала буксовать и застревать, что приводило к сверхнормативному расходу горючего — примерно на треть. Перенос начала операции «Барбаросса» по вине сербов на месяц ближе к распутице означал, что путь, который могли пройти гитлеровские танки, укорачивался еще и из-за этого!

Таким образом, если умевшие почти беспрепятственно наступать на территории Советского Союза — ***но только летом!*** — немцы не успели захватить Мос-

кву до наступления холодов 1941 года (а согласно планам Гитлера, напомним, население Москвы должно было быть уничтожено *полностью*), то спасенные сотни тысяч москвичей должны благодарить **во многом сербов**.

На самом же деле число спасенных русских и людей других национальностей существенно больше — в Москве располагались такие отрасли военной промышленности (например, изготовление прицелов для орудий и снайперских винтовок), которых больше нигде в Союзе не было. Ликвидация этих производств означала разоружение армии.

Итак, немцы не вошли в уже практически не защищаемую Москву во многом потому, что:

— запасы горючего перед началом войны оказались недостаточными;

— не хватило месяца хорошей погоды;

— не достало живой силы, чтобы войти в Москву пешком (три дивизии отправлены в Сербию!).

Спасенные москвичи и жители многих других областей должны быть благодарны *неугодникам* вообще, сербским — в особенности.

«В особенности» — потому, что сербским *неугодникам* было с каком-то смысле сложнее, чем русским. Русские *неугодники* хотя бы знали, что их много, что за спиной Волга, Урал и Сибирь, куда веками бежали от Романовых не умеющие быть подхалимами; они знали, что их сопротивление, помноженное на пугающие неизвестностью просторы России, не могло не заставить Гитлера поседеть и пробудить в нем самоубийственные паранойяльные галлюцинации.

Если многие русские *неугодники* выжить могли, то для сербских надежда была существенно более призрачной.

Но они собой пожертвовали.

Ради русских.

Ради **Родины**.

Да, стадной психологии индивиды представляют собой монолитную стаю, но и *неугодники* не есть нечто разобщенное. Это братство иного типа — по Духу.

И сербские *неугодники* пожертвовали собой ради **Родины**, которая постепенно перемещается в Россию...

И если где-нибудь на подступах к Москве еще не воздвигнут памятник *сербским неугодникам*, то только потому, что со времени окончания Второй мировой войны у власти в России еще не было ни одного достаточно *русского* правительства.

Вот почему эта книга, которая, казалось бы, должна быть посвящена моему непризнанному герою-отцу,

посвящается —

колелопреклоненно —

сербским неугодникам 41-го.

В типографию второй том «Катарсиса» с приведённой выше главой был отправлен как раз в те дни, когда мировое «иудо-внутренничество», номинальным главой которого поручено было выступать госструктурам Соединенных Штатов, стало бомбить Сербию (начало 1999 года), поэтому *странные* в связи с этой войной события в книге отражения найти не могли.

А *странного* было много.

К счастью, *теория стаи* позволяет не только легко проникнуть за периметры охраняемых правительственных резиденций, и тех мест откуда эти правительства утончённо и скрыто управляют, но и понять закономерную связь *странностей* вокруг Сербии.

Странность — вообще говоря, ключевое слово при взлёте с уровня суверенитизма на уровень *теории стаи*. Вот как этот термин расшифровывается в Словаре «Психоанализа не того убийства»:

СТРАННОСТЬ — ключевое слово в **практике** познания Истины. Для лишённого критического мышления толпаря всё происходящее

вокруг вполне объяснимо с позиций оболванивающего суверенитизма. *Неугодник* же силою критического ума замечает «нестыковки» подобных объяснений (вроде *странного* поведения комиссаров летом 1941-го, *странного* отношения толпы к Пилату, России и т. п.) и по выявленным *странностям*, как по ступеням, выбирается на уровень *ТЕОРИИ СТАИ*, а затем и *ТЕОРИИ ЖИЗНИ*.

Напомним вкратце тот объём информации, который населению России было позволено узнать через СМИ в связи с происходившем вокруг Сербии. С некоторыми предварительными комментариями.

Мировое журналистское племя (даже те из суверенитистов, кто хотел что-либо понять), опираясь на факты, смачно описывало ужасы, которые творили сербы с окружающими народами. Среди прочих фактов приводились и результаты космической разведки американцев — на фотографиях на громадных полях из-под наспех присыпанной почвы отчетливо просматривались горы трупов, само собой понятно, мирных жителей, которых расстреливали сербы.

Впоследствии, уже после войны, оказалось, правда, что это были обычные картофельные поля и никаких трупов, к тому же наспех присыпанных тонким слоем почвы, там не было никогда.

Уже после разрушения главных хозяйственных объектов Сербии и гибели при бомбардировках многих сербов, кто-то из высокопоставленных английских политиков признался, что приводимые в качестве оправдания агрессии данные о геноциде несербов преувеличены по меньшей мере раз в сотню.

Во сколько раз они приумножены в действительности, в сто, двести или в тысячу, впоследствии уточнено не было, да и вообще это признание английского политика, что даже повод для нападения на Сербию

был лжив, у «иудо-внутреннической» мировой прессы, включая российскую, интереса не вызвало.

Но, как бы то ни было, несмотря на наличие некоторого просербского фона во всех странах мира, за исключением разве что Израиля и США, мировое «иудо-внутренничество», в государственных документах объявив своим врагом президента Югославии Милошевича, и, зная наперед, что никакими бомбардировками Милошевича не достать (об этом однозначно свидетельствует история войн, включая и ультрасовременные), тем не менее, бомбардировки начало. С естественными последствиями в виде разрушений и жертв.

Странно, но Милошевич всё так подстроил (раз допустил, то, следовательно, на то дало «добро» его подсознание), что оказался в руках мирового «иудо-внутренничества», на скамье про«иудо-внутреннического» суда в Гааге. Поступок *странный* ведь не будь у Милошевича желания (или психоэнергетического повеления от вышестоящего в его мировой стае) быть арестованным, он, как, скажем, Бен Ладен, которого мировое «иудо-внутренничество» тоже объявило изгоем, остался бы недоступен врагам своего народа навсегда.

Итак, почему же в нашем достаточно большом мире объектом нападения выбрана была именно Сербия?

Дело, конечно, не в самом Милошевиче. Безусловно, любой руководитель любой страны преступен, причем преступен настолько, что их всех можно поставить к одной стенке и расстрелять из одного пулемёта, и в этом смысле и Милошевич тоже достоин суда и приговора. Но элементарное чувство справедливости восстает против того, что Милошевича объявили крайним. Даже если бы картофельные поля действительно были засеяны не картошкой, а трупами, то и тогда на планете бытовали и бытуют политические режимы, существенно более жёсткие и кровавые, чем в Югославии. Следовательно, цель агрессии (расист Милоше-

вич), объявленная «иудо-внутренниками», лжива, а изначально, сознательно или бессознательно, целью были те, кто под удар и попал — сербский народ. Принцип известен издревле: чего хотели (но не рисковали сказать), то и получилось.

Но из теории стаи явно следует, что целью бомбардировок было не просто частичное уничтожение части сербского народа — это ещё не беда — а то, что не жалели средств и жизней своих лётчиков и солдат эвакуационных отрядов подтолкнуть весь народ к совершению коллективной подлости в форме выдачи Милошевича агрессору. (Можно, конечно, порассуждать, насколько подло выдать своего в мирное время. Но в условиях агрессии всё однозначно — подло.)

Спихивание под уклон подлости, как истинная, хотя и не проговариваемая цель убийств, — это же сюжет «Понтия Пилата»! Другое дело, что сюжет этот жизненный, он не ублажает подхалимов (потомков зрителей древних театров), и наследственным суверенитистам попросту не по уму.

То, что заявленный «иудо-внутренниками» повод к агрессии против Югославии, мягко говоря, надуман, заметили многие — во всяком случае в России. Соответственно, были люди, которые попытались сформулировать более правдоподобные объяснения скрываемых причин агрессии.

Часто, к примеру, тупо заявляли, что на самом деле американцам просто необходимо было освободиться от запасов устаревших бомб и ракет, а сбросить их на людей для планетарных моралистов способ более дешёвый, чем переработать оружие на заводах.

Но ведь сбросить бомбы можно было на любую страну — есть страны и более беззащитные, есть и с заведомо более кровавыми режимами. Почему они выбрали именно Сербию?

Журналисты измышляли и другие причины, тоже суверенитетские, из которых самая умная, пожалуй, та, что американцы с помощью стран-вассалов прикрывали мировых торговцев наркотиками, которых сербы в Косово поприжали. В самом деле, даже из *простых соображений* следует, что такое многомиллиардное дело, как торговля наркотиками, не может не контролироваться из мирового финансового центра, из США, следовательно, наркобароны не могли не лоббировать нападение на Сербию и в правительстве США тоже.

Всё так, но по *ощущению* была причина и более значимая — ведь на Сербию столь же странным образом нападали и раньше, когда к наркотикам ещё не успели приучить столь многих и наркодельцы еще не могли влиять на правительства.

Помните, ведь и Первая мировая война началась с Сербии, на территории которой еврей убил австрийского эрцгерцога — а убивать «за это» стали почему-то сербов. Гитлер, нападая на Сербию, тоже был не более логичен...

Причина ненависти к сербам суверенитистами так и не выявлена — причем даже теми, кто на уровне чувства согласился с особой подлостью бомбёжек 1999 года, несправедливостями Первой и Второй мировых войн.

А между тем, с точки зрения *теории стаи* всё просто: на планете волна ненависти исходит от мировых стай в сторону метанации и метаобластей. На Россию не очень-то и нападёшь, обширные территории и не только, да и позиции «иудо-внутренничества» в Сербии, похоже, посильнее, чем в России. Словом, субметанации приходится первой ощутить на себе зверино-инквизиторскую ненависть нынешней кодлы планетарных моралистов.

Неугодничество веками накапливалось (об этом в «Катарсисе-2») в крови сербского народа (хотя далеко не во всех оно проявлено, присутствует в меньшей

степени и в каких-то пограничных с ними народах, возможно, в словенском), следовательно, сокровенный враг для планетарного сверхвождя и стаи — нравственность сербского народа как целого. Именно поэтому весь народ не уничтожили (да и не по зубам им пока такое), а удовлетворились тем, что **подтолкнули народ — как целое — к предательству чувства справедливости**, выражением чего и была выдача Милошевича мировой «иудо-внутреннической» стае.

Жалко не Милошевича, он сам всё устроил так, чтобы его выдали. **По ощущению — и это легко доказать — его сдача в плен была уже не первым этапом его пособничества в процессе сталкивания своего народа-субметанации в нравственную грязь.**

Между прочим, его, как правителя субметанации, первейшая обязанность была разобраться хотя бы в основах *теории стаи* и объяснить народу — какая **конечная** цель ставится мировой «иудо-внутреннической» стаей в войне с сербами. Но Милошевич этого не сделал. Так что за одно только небрежение своими служебными обязанностями пусть парится на скамье подсудимых. Желательно, однако, чтобы понимал за что.

Вообще говоря, Милошевич, пользуясь возможностью, что полностью его слова на суде замолчать не получится, мог бы объяснить всему миру, что если судящие его взялись подвзвизгивать о справедливости и гуманизме, то прежде него, Милошевича, должны были бы судить и других нравственных уродов, прежде всего тех, на чьей совести больше преступлений и жертв. Того же Ельцина, например.

Кто забыл, напомним, Ельцин — первый президент России, типичный «иудо-внутренник», при котором воровство в России достигло неслыханных масштабов, а скорость вымирания русских даже совсем тупых заставила задуматься.

Так же следует призвать к ответу и руководителей стран-участниц агрессии против Югославии. Так же и

правителей латиноамериканских кровавых режимов, а потом уж, даже по ущербной суверенитической справедливости, его, Милошевича. А в том виде, в каком творится сейчас суд в Гааге, это всего лишь очередная акция «иудо-внутреннической» стаи по одурачиванию (подчинению) населения планеты. Гаагский суд не более чем придаток «иудо-внутреннической» прессы.

Кстати, после прихода к власти на смену Милошевичу законченных «прогрессивных сербов», чьими руками, собственно, и был выдан Милошевич, нравственной грязи в стране должно резко поприбавиться. Ну, да это самим сербам (из числа счастливых обладателей критического мышления) виднее.

Но пусть русские не смотрят на проявивший слабость сербский народ свысока. Россиян и без бомбардировок подтолкнули под тот же уклон, когда откровенный нравственный дегенерат Ельцин сербскому народу не помог — а ведь передай он сербам пару современных зенитных комплексов С-300, «иудо-внутренники» в Сербию бы и не сунулись. Комплексы дорогие, но для России, пусть даже разграбленной под властью проамериканских демократов, не убыток. К тому к Семье Ельцина прилипли суммы несравнимо большие, чем стоимость этих С-300. А Ельцина за предательство субметанации не пристрелил ни один из его охранников, выходцев из русского народа, — это же позор не просто спецслужбистам вообще, но общенациональный! Никто даже в морду не дал этому нравственному уроду! Не харкнул ему в «иудо-внутренническую» харю!

Что-то всё это напоминает драп 1941-го... Первыми бежали комиссары, их «прикрывали» бегущие следом энкавэдэшники, а уж затем командирская пьянь и замыкала всё толпа красноармейцев-срочников.

Есть и ещё одна странность в событиях вокруг Югославии: время капитуляции Милошевича.

С абстрактно-военной точки зрения НАТОвские бомбардировки кроме как к убийствам мирных сербов ни к чему не привели, во всяком случае, система ПВО — система противовоздушной обороны — хотя и устарела на два десятка лет, разрушена практически не была (умно могут обороняться сербы!), да ещё и насшибала немало американских ракет и самолётов. К тому же американцы с вассалами истратили практически весь запас ракет и бомб, их оставалось буквально на пару дней — и тогда станет окончательно ясно, что очередной «блицкриг» не удался, а сербы одержали очередную нравственную победу.. Но тут Милошевич сдался (сделал своему народу ещё одну подножку).

Странный момент он для этого выбрал. Уж если сдаваться, то надо было это делать ещё до начала бомбардировок. Но странный он только с точки зрения суверенитизма.

С точки зрения теории стаи все странности поступков Милошевича укладываются в одну простую схему — если признать или хотя бы предположить, что Милошевич сам «иудо-внутренник».

В самом деле, а кто Милошевич психотипически? С точки зрения теории стаи?

Он явно не *неугодник* иначе бы он никогда не сдался, и, главное, не оказался бы президентом страны.

Из какой он, как человек власти, планетарной стаи?

Не обнаруживается из его жизни ни одной детали, указывающей, что он «внешник» или «сын». Остаётся «когорта» или «иудо-внутренничество».

Помочь может только его биография.

И вот из неё-то мы и узнаём характерную деталь — Милошевич до президентства был банкиром!

Вот оно что! «Иудо-внутренник»!

Тогда все «странные» поступки Милошевича легко объяснимы — и строго закономерны. Всякий «иудо-внутренник» — произвольная психоэнергетическая марионетка центра мировой «иудо-внутреннической» иерархии. Всякая же марионетка мировой иерархии, оказавшаяся во власти над метанацией, обязательно будет стремиться уничтожить подвластный народ (как и в России) или спровоцировать на него нападение — в том и другом случае стараясь подтолкнуть народ под уклон нравственной деградации, и, следовательно, ближе к состоянию «идеальный исполнитель», встраиваемый в мировую стаю.

В логике *теории стаи* поступки Милошевича строго закономерны и предельно соизмерены. Сначала он дал повод к нападению — пусть слабенький, слабенький настолько, что его пришлось преувеличить более чем в сорок раз, да и в таком виде он не для всех казался серьезным, но всё-таки дал. Затем, когда война сербами была, в сущности, выиграна, Милошевич унизил свой народ тем, что сдался. И сдачей своей подтолкнул свой народ к сползанию в нравственную грязь предательства.

Но Милошевич достиг и ещё одной цели: он дождался, когда ещё более откровенная проамериканская партия внутри страны разжиреет на питательном бульоне страха и ужаса — и отдал ей власть. Формально эта партия выдала Милошевича американцам на демонстративную расправу и с точки зрения суверенитизма это поражение Милошевича — **но с точки зрения теории стаи это его, как элемента стаи, победа.**

Отдача под суд вовсе не свидетельствует о духовно-нравственной противоположности Милошевича пилотам американских бомбардировщиков. Из жизни любой мафии мы знаем, что киллеров после выполнения ими важного «заказа» заказчики обычно ликвидируют. Но из факта ликвидации киллера подлецом-заказчиком (кажущегося противостояния) вовсе не следует, что киллер —

воплощение благородства и возвышенной духовности. Оба играют в одной команде. Так и в политике — только вместо тихого убийства часто разыгрывают шумный спектакль суда. Чтобы окончательно заморочить зрителям-суверенитистам голову.

Так что охранники Милошевича, зная они *теорию стац* могли бы, находясь рядом с патроном, чувствовать себя в безопасности большей, чем все прочие жители Сербии. Другое дело, что когда эти охранники отойдут на безопасное для Милошевича расстояние, они тут же становятся кандидатами в трупы номер один — чтобы было *похоже*. Не знаю, погиб ли кто их охранников Милошевича — и узнавать не буду, могу и так поспорить, что да.

Об одноразовости использования некоторых персонажей мафий среднего уровня населению планеты знать позволено. Но ведь несложно же догадаться, что и высшие политики подвластны тем же законам! Тайные намерения вождей выдаёт поведение среднего и низшего звеньев их иерархии.

Итак, назначение Милошевича понятно, он тот самый «одноразовый киллер» — но понять это можно только с позиций *теории стац*.

Ответ на вопрос о действительной причине нападения на Югославию в 1999 году (да и в Первую мировую тоже) обнаруживается только на третьей, доступной далеко не всем ступени *теории стац*.

Бомбёжками планетарные властители — и мне это как зятю главраввина особенно понятно — добивались того, чего и добились: состояния угнетённости у сербов, и их сползания на нижележащую ступень деградации.

Но, похоже, они нас слабо знают. Как было при Наполеоне и Гитлере: вроде вот она, их победа, хаос, пожары, бараны метанации разбегаются — ан откатились «победители». Здесь просматривается грандиозная фигура Учителя.

Когда-нибудь, когда к власти в России вновь придёт, наконец-то, прорусский правитель (за последнюю тысячу лет таких было лишь двое — прорусский или, что то же самое, прогилейский правитель в *теории стаи* назван «святославом»), к тому же вооруженный *теорией стаи*, то будет восстановлена справедливость — и будет воздвигнут памятник сербским *неугодникам* лета 1941-го.

По Москве торчит немало памятников разным скотам, к их прославлению власть имущие обнаружили в себе силы и энергию, а вот по отношению к сербским *неугодникам*, ценой своих жизней защитивших Россию, желания в себе не обнаружили. Как, впрочем, не обнаружили и по отношению к Святославу (освободившему Русь от Первого еврейского ига).

На памятник сербским *неугодникам* напрашивается барельеф, казалось бы, к загадкам Первой и Второй мировых войн не относящийся: в дни американских бомбардировок танцующие на мостах сербы!

Что может быть прекраснее презрения к власти мировой стаи?!

Как много людей не побоялись свою жизнь расценить ниже, чем высокие нравственные принципы Вечности!

Мосты в Белграде, если вы помните, были разве что не запружены. В то время как в многосоттысячной «иудо-внутреннической» армии карателей, по численности сравнимой с численностью населения всей Сербии, нашелся всего только один, у кого проснулась совесть и он бескорыстно помог *неугодникам*. Конечно, это был не американец (что можно ожидать от этой синтетической нации из нравственных уродов, притянувшихся друг ко другу со всех народов мира?), но и не немец, и не англичанин — а француз, офицер-штабист, бескорыстно передававший сербам сведения о плани-

ровавшихся военных операциях армии «иудо-внутреннической» стаи.

Словом, картина: мировой центр (полностью выхолощенный), вассалы (редко, но встречаются). Ну, а метанация — точка приложения звериной ненависти и клеветы мировой стаи.

Танцуя на приговорённых к уничтожению мостах, сербские *неугодники* защищали честь не просто Сербии, но дух метанации вообще, свет самой Вечности, **Родины** в наиболее возвышенном смысле этого слова.

А представьте такой проект памятника: на постаменте обломки фюзеляжей от двух сбитых над защищавшейся Сербией самолётов — от гитлеровского и от американского. Постамент о четырёх сторонах, на одной люди с охотничьими ружьями против людей в эсэсовской форме, на другой — танцующие на мосту люди... С остальными сторонами не знаю. Одну сторону можно отдать под сцены инквизиции (в средние века Америка и Израиль были ещё во чреве инквизиторской Европы), а четвертую оставить подчёркнуто свободной — тем символизируя, что *неугодникам* принадлежит Вечность.

К фюзеляжам сбитых самолётов, кстати, можно прибавить и связку инквизиторского хвороста.

Что до *теории стаи* (простых соображений здесь недостаточно), то когда мировая толпа сходила с ума по полям с чуть присыпанными землёй кучами трупов (факт!), и когда все говорили, что войну «иудо-внутренническая» иерархия начинает против Милошевича (исторические документы!), — я не поверил. Ни во второе, ни в первое. *Теория стаи* тому противоречила...

«Казалось бы, факты нам говорят... но по *простым соображениям* получается...»

Глава пятьдесят пятая из второго тома
«Катарсиса» — «Теория стаи»
(в первом издании
«Россия: подноготная любви»)

**«НЕПРАВИЛЬНЫЕ»
БОЛГАРЫ БОЛГРАДА**

Итак, на планете идут три процесса:

- психологическое расслаивание бытовое и внутригосударственное;
- пространственная поляризация некрофилов и биофилов;
- изменение соотношения «внешников» и «внутренников» на планете как целом.

«Внешники» постепенно истребляются, преимущественно своими же собственными руками, а «внутренники» и *неудодники* тяготеют к разным территориям (в 41-м были и такие сербы, которые смеялись в лицо тем, кто взял против захватчиков оружие, и уезжали к себе подобным в Америку — им, как и предателям из других народов, там хорошо); «болото» заполняет все.

О, видимо, «странном» итальянце, который вопреки выгоде предпочел остаться в разоренной послевоенной России, и о закономерно прекрасной судьбе его сына упомянуто в главе *«Тайна человека, внесшего крест на Голгофу»*.

Один из классических, но индивидуальных случаев.

А теперь другой, более массовый и не столь персонафицированный.

Место: самый юг Российской империи, угол, составляемый западным побережьем Черного моря и Дунаем, — юг Бессарабии, Буджакские степи (ныне — юго-запад Одесской области близ ее границы с Молдавией и Румынией).

Несмотря на теплый климат и великолепное по красоте, громадное по размерам, вытянутое на несколько десятков километров пресное озеро Ялпуг, Буджакские сте-

пи много веков были местом как бы проклятым. Ровная непересеченная местность от Черного моря вглубь материка, отсутствие географических препятствий на востоке и севере обращали эти плодородные места если не в перекресток Европы, то, во всяком случае, в одну из удобных для передвижения больших воинских соединений дорог. Естественно, многие завоеватели и следовавшие за ними толпы волнами перекатывались через Буджакские степи, разрушая и уничтожая все на своем пути. Оставшиеся в живых местные жители разбежались, — и богатейшие земли вокруг красивейшего озера пустовали. На протяжении всей истории человечества только вхождение подобных земель в крупные империи обеспечивало процветание для решившихся на них поселиться. Так и с Буджакскими степями: во второй половине XVIII века Екатерина Великая объявила, что эти земли, отошедшие к Российской империи, теперь уже навсегда переходят во владение династии Романовых и что все, кто желает переселиться в этот край, будут освобождены от налогов в течение 40 лет. Также гарантировалось, что и рекрутов в армию набирать из этого края не будут.

Слова Екатерины Великой возымели действие, и в Буджакские степи хлынули переселенцы из различных европейских стран. Каждый народ селился отдельно, поэтому и появились селения албанские, немецкие, молдавские, гагаузские и даже французские. Были и русские — из староверов, бежавших от безбожных издевательств «новых православных». Здесь старообрядцев называли «липованами» — происходит это странное название, как полагают, от названия лесов, в которых они селились подалеже от гонителей.

Процветание переселенцев началось незамедлительно: богаты были не только вскоре распаханые степные земли, но и воды озера; даже овраги вокруг озера в те времена были прекрасным местом для охоты.

Были волны переселения и болгар — *но происходили они не по коммерческим соображениям, как то де-*

лали остальные переселившиеся сюда народы, но по иным мотивам.

Последняя из «неугоднических» переселенческих волн пришла на начало XIX века, в эпоху царствования Александра I. Начавшуюся в 1806 году русско-турецкую войну, победоносную для русских, царь, подозревая приближение войны с Бонапартом, стремился поскорее завершить и заключить мир. И мир был заключен — за день до вторжения Наполеона в Россию. При такой поспешности в заключении мира и при том, что и турки не находились в неведении о происходящем в Европе и прекрасно понимали причину, по которой Александр I торопится высвободить 60-тысячную Молдавскую армию под командованием адмирала Чичагова, условия мира выгодными для России быть не могли. В частности, русские войска были обязаны оставить уже освобожденные от турок территории Болгарии¹.

Болгары за столетия турецкой оккупации хорошо прочувствовали на себе, что такое носители истинной веры испытывавшего трудности с женщинами Магомета: болгар безнаказанно резали, грабили, насиловали. Для турок одним из любимых развлечений было, например, запрячь несколько болгарских юношей в повозку и, хлеща их бичом, разгонять повозку так, чтобы ветер свистел в ушах. Словом, издевались в полное свое удовольствие.

Люди таковы, что одним такое с собой обращение нравится, хотя слова могут произносить самые жалостливые, а другим — нет.

Болгары, оставшиеся в Болгарии, не воспользовавшись предоставленной им возможностью перейти под

¹ В те времена Оттоманской империей были оккупированы не только Болгария, но и другие православные страны — Сербия, Греция, Валахия (юг нынешней Румынии), Молдавское княжество (включавшее в себя, кроме территории нынешней Молдавии, еще и северо-восток Румынии — Молдову и Буковину) и другие территории помельче.

защиту России, выбрали власть турок, разумеется, не из христианского смирения. Истинная причина та, что оставшимся быть объектами унижения подсознательно *нравилось* — обыкновенный садомазохизм, одно из проявлений стадного мышления.

Те, кому издевательства не нравились по-настоящему, получив возможность уйти, присоединялись к уходящим русским войскам — *неугодникам*.

Действительно, российская армия, освобождавшая оккупированную турками Болгарию, состояла, в сущности, из двух несмешивающихся категорий людей:

— немецкого генералитета, чуть разбавленного русскими типа предателя адмирала Чичагова, — некрофильское начало (включая пьянствующее «русское» офицерье);

— рекрутских солдат, в те времена набиравшихся преимущественно из этнических русских, не угодивших помещику или старосте, а также нескольких офицеров типа Кутузова или графа Толстого — пусть разбавленное, но биофильное начало.

Болгары-переселенцы к знати не принадлежали и, в силу уже одного только своего социального положения, общались, естественно, не с «внешническим» генералитетом, а с русскими рекрутскими солдатами. Таким образом, населению приходилось выбирать между турками-некрофилами и рекрутами-биофилами. Да, **выбор был именно такой**: уходить не в Россию, не к Романовым-немцам, не к русским вообще, но к *неугодникам*.

Жить, наслаждаясь *переживаниями* под хлыстами турок, или уйти с рекрутскими солдатами, уйти на **Родину?**

«Подобное — к подобному», — естественно, **вместе с российской армией ушли преимущественно те болгары, которые были склонны к независимости мышления**, чуждые немецкой неодушевленной регламентированности. Соответственно, те **болгары, которые остались в Болгарии, напротив, были преиму-**

щественно противоположной подсознательной ориентированности.

Картина исхода была впечатляющая: семьи болгар — тысячи и десятки тысяч людей — бросали свои хозяйства, и, если были лошади или волы и собственная повозка, то грузили, что можно было увезти, и повозки длинными вереницами присоединялись к обозам войска из русских рекрутов.

Те, кто обнаружил в себе желание уйти, перешли Дунай и в основном осели на берегах большого, в десятки километров длиной озера Ялпуг, а частью ушли дальше, к Азовскому морю, вглубь тогдашней Российской империи, подальше от турок.

На берегу озера Ялпуг был в 1821 году основан город Болград, который и стал своеобразной столицей всего болгарского народа — во всяком случае, центром интеллектуальной и культурной его жизни. И это понятно: ведь турки не успели понять, что оставшимся в Болгарии доверять самовыражение уже вполне можно — оно будет закономерно «внешним».

Период процветания для болгар Болграда закончился вместе с падением царизма — в 1917 году. В 18-м здесь уже были румыны, которые прославились в Европе тем, что сердце у них расположено не к работе, а к грабежу. Преданность румын Гитлеру не случайна, а столь же психологически закономерна, как и преданность фюреру хорватов.

После почти двадцатилетнего пребывания в Болграде румын территория в 1940 году оказалась под властью Сталина. Энкавэдэшники убивали активнее, чем румыны, и, может быть, отчасти и поэтому тоже, когда союзные с Гитлером румыны (вместе с немцами и хорватами) в 41-м пришли на берега Ялпуга вновь, никакого партизанского движения не было. (Правда, возможны и некоторые другие объяснения. Во-первых, современные бессарабские болгары психологически уже не те, что их переселившиеся предки: были достаточно мас-

совые переселения неугодных «внешническим» правителям России — в Сибирь; *шел этот процесс и добровольно*. Сибирь в восприятии современном, а уж тем более человека XIX века — это место хотя и сытое, но небогатое: богатство начинается там, где есть торговля [скажем, рядом с морем], грандиозность же сибирских пространств ассоциируется со свободой благодаря неограниченности, *независимости от начальства*. И тот, и другой механизм переселений в Сибирь выцеживал из бессарабских болгар сущность этого народа, определившую его в свое время исход из-под власти турок. Еще одно объяснение отсутствия партизанского движения то, что здесь проходил самый благополучный участок советско-германского фронта — очевидно, не случайно: была проведена мобилизация, а *неугодники* из немобилизованных, предвидя трудности с сопротивлением в степи, эвакуировались.)

Причина того, почему именно здесь, в Бессарабии, проходил самый благополучный участок границы (удерживали больше недели), да и фронта тоже, — разумеется, психологическая, точнее, психоэнергетическая. Вообще сопротивление в 41-м было тогда успешным, когда низовые военные «посылали» высших командиров. В Бессарабии в этом смысле многое было сделано еще до начала вторжения: в частности, как пишет маршал Крылов в своих, увы, вполне маршальских воспоминаниях, именно по **настоянию** нижестоящих были прерваны санкционированные верхушкой иерархии сборы, расчеты вернулись к орудиям, а авиация буквально за день была рассредоточена по полевым аэродромам — как следствие, в первые дни войны было потеряно от бомбежек всего 3 самолета (на остальных участках потери превышали 80% от числа самолетов). Способность войск к обороне усиливается от присутствия неугодников — в том числе среди местного населения. Когда анализируешь тип народов, располагавшихся вдоль гра-

ниц тогдашнего Союза, то натыкаешься то на «внутренних» поляков с их знаменитым некогда десятипроцентным присутствием евреев, то на малохольных белорусов, то на «внешников» Западной Украины и Прибалтики. *Неугодническое* же население можно предположить всего на двух участках государственной границы — на Крайнем Севере, где крепостное право не удалось навязать и куда из крепостнических зон бежали соответствующей психологии люди, и в Бессарабии за счет полумиллиона болгар — оба этих участка и были наиболее благополучными в июне 1941-го.

Так что болгары в войне участвовали — как минимум, одним своим существованием. Кроме того, с высокой степенью вероятности можно предположить, что отличились бессарабские болгары в Великой Отечественной и теми из них, кто ушел в Сибирь, и кому там *понравилось*...

В 44-м в Бессарабию вновь пришли сталинцы, и с тех пор болгары жили в этих местах не в пример спокойней и благополучней, чем в других уголках Союза — до времени его распада.

Город Болград неоднороден и состоит из двух частей: собственно Болграда, утопающего в зелени, и обширного военного городка, основанного Чапаевской дивизией. Позже военный городок разросся: здесь квартировались офицеры элитной десантной дивизии вместе со своими семьями. После развала Союза и перевода русской части десантников в Россию, городок населяют преимущественно украинцы. В гарнизонном Доме офицеров есть библиотека с роскошным — иначе не скажешь — книжным фондом. Библиотека некогда пользовалась популярностью, но с развалом Союза и уходом русских военных не посещается из нынешнего гарнизона почти никем.

Есть в городе знаменитый парк им. А. С. Пушкина, заложенный еще в XIX веке. В парке — дом с башней, по виду напоминающий старый замок, в котором при Со-

ветской власти располагалась библиотека им. А. С. Пушкина. С приходом к власти демократов «старый замок» переоборудовали в кабак «под Запад», который по причине обнищания населения был вскоре закрыт, загаженное здание по ночам разбирают на стройматериалы — эволюция предельно символическая.

Приезжим показывают самое стоящее и добротное, и оба этих учреждения построены при царизме — грандиозных размеров и удачных пропорций православный храм и гимназию с завидно высокими потолками — символы болгарского возрождения XIX века...

После развала Союза и прихода к власти демократов насильственная украинизация проводится всесторонне, и, естественно, среди прочего проявляется в изменении школьных программ. Однако на этот раз болгары достаточно активно этому сопротивлялись, отстаивая русский язык! Так же отстаивают и русскую классическую литературу, в которой предостаточно, разумеется, несутрастностей, но аналоги Мазепы-предателя из русофобского украинского пантеона хотя бы не выставляются как образец для подражания при формировании нравственной основы детских душ...

Эстетические предпочтения — путь к постижению направленности подсознания человека; состояние его подсознания — наиважнейшая характеристика. Казалось бы, этнос в Болгарии и Болграде один — болгары, но болгары в Болграде, несмотря на трудности, отстаивают право изучать русский язык и русскую литературу; а вот в Болгарии, после развала коммунистической системы, свирепствует русофобия, и любые прорусские высказывания попросту небезопасны.

Ничего случайного в этой противоположности эстетических предпочтений, разумеется, нет. Можно утверждать, что **эта противоположность есть продолжение процессов, приведших к расслоению и поляризации этнических болгар по психологическому признаку во времена переселений рубежа XVIII–XIX веков.**

Эта противоположность психологий и проявилась в последующих событиях истории Болгарии.

Оставшиеся в Болгарии болгары стали всеевропейским символом рабской психологии. Когда в самом начале Восточной войны 1853–1856 годов российские войска стали вытеснять турок из Дунайских княжеств и встал вопрос о поддержке антитурецких восстаний в остальных оккупированных мусульманами христианских странах, то возможными эти восстания казались где угодно: в Сербии, в Греции или еще где, **но только не в Болгарии**. Про тамошних болгар говорили, выражаясь языком генерал-фельдмаршала Паскевича, что они, «как негры, привыкли к рабству».

Болгария, как сообщается в учебниках, все-таки была освобождена от турок-«внешников», но повсюду стыдливо замалчивается, что силами не балканских болгар, а боевых дружин, которые добровольно формировались в Болграде из болгар *Бессарабии*.

Балканские болгары, конечно, воевали. Но с кем? С Сербией!..

И с Россией. И в Первую мировую, и во Вторую.

Это не решение одних только правительств, чем некоторые, стыдясь поведения болгар Болгарии, пытаются оправдаться. Правительство само собой, но и рядовые балканские болгары во Вторую мировую войну если и участвовали в антигитлеровском партизанском движении, то **не на первом этапе войны**. Но и даже на втором, как злорадствуют болгарские русофобы, видя в отсутствии заметного партизанского антигитлеровского движения основание гордиться своими предками, этих партизан можно насчитать лишь около семи с половиной сотен, да и то с натяжкой. Более того, русофобы находят возможность гордиться, что 56 политэмигрантов, бежавших от авторитарного режима Болгарии еще в двадцатых годах в Советский Союз, и которых в 41-м десантировали на парашютах в горы Болгарии для организации антигитлеровской борьбы, были выданы «своими», самим населе-

нием, и частью перебиты в бою, частью казнены гестаповцами после пыток...

Антирусизм конца XX века и торгово-накопительское прозападничество вплоть до вступления Болгарии в НАТО — поступки для потомков выбравших турецкие плети закономерные.

Несовпадение, если не сказать противоположность болгар Болгарии и болгар Бессарабии проявляется и в быту — в частности, в отношении к авторитарным сектам (любого толка).

Если рассматривать национальный состав такой откровенной секты, как известные своим комсомольским задором «Свидетели Иеговы», на «богослужениях» которых под видом духовной музыки играют бравурные марши и организация которых расцвела в Болграде махровым цветом вместе с демократией, то адептов «обращают» преимущественно из неболгарского военного городка (именно там расцветают и другие формы того же самого — скажем, та же наркомания), — то есть, в основном, из украинцев, а в самом Болграде — из гагаузов. («Гагауз» в переводе с турецкого означает «предатель»; существует несколько объяснений причины присвоения этого «титула» [об этом несколько подробнее в главе «А помнишь?»].) А вот болгар, которых в городе более 60%, среди «Свидетелей» практически нет. Но если *болградских болгар* в «Свидетелях» отнюдь не 60%, то в Болгарии все это ну просто «благоухает».

Аналогичная картина наблюдается и в несколько менее откровенной форме — в официальном адвентизме. Болгар в Болградской общине адвентистов седьмого дня тоже далеко не 60%, а многократно меньше. Если в самой Болгарии один правоверный адвентист приходится на полтысячи человек, то в Болграде и окрестностях — аж на **десять и более тысяч!**

Отношение бессарабских болгар к сектам напоминает отношение населения центральной и северной России, в которой адептами авторитарных сект стано-

вятся преимущественно приезжие украинцы. Русские же представлены лишь наиболее гипнабельными категориями населения — стариками, женщинами, молодежью из определенного рода семей. Наибольшая популярность, скажем, «Свидетелей Иеговы» наблюдается в таком от основания откровенно пронемецком городе, как Санкт-Петербург; на Украине же их центр, как легко догадаться, — Львов.

Итак, исходя из одного только отношения к авторитарным сообществам, можно говорить, что болгарские болгары — русские (в том смысле, в котором и русских можно назвать болгарскими болгарями), но не потому, что эти два народа долго жили рядом (кстати, они и не жили), а потому, что в Буджакские степи изначально переселялись люди с психологическими особенностями такими же, как у русских, — неугодники.

Итак, при любом подходе, историческом или психологическом, мы получаем один и тот же результат: при переселениях на рубеже XVIII–XIX веков произошло расслоение болгарского этноса по подсознательно-психологическому принципу — склонные к самостоятельному (истинно-божественному) мышлению ушли жить в страну русских рекрутов, а носители стадного мышления остались в Болгарии жить под турками.

Естественно, можно говорить только о переселении *преимущественном*, вернее о *повышенном* содержании того или другого психологического типа среди переселенцев и среди оставшихся — ведь переселялись и оставались целыми семьями, а они сплошь и рядом неоднородны. И среди болгар Болграда предостаточно тех, кого *тянет*. И вообще привычная картина следующая: он — пьет, она — болеет...

Таким образом, традиционное отнесение людей к этносу вовсе не фундаментальная характеристика человека. Каждый этнос (отличающийся от других народов общностью быта, обычаев и суеверий) представляет

собой на самом деле как бы взаимопроникновение **трех** — не сливающихся! — народов. **Народов, которые при определенных условиях могут расслоиться** — подобно евреям Иудеи I в. н. э., испанцам XIV–XV веков, немцам времен Второй мировой войны и т. п. И если у болгар это расслоение произошло на рубеже XVIII–XIX веков, то у других народов это случилось раньше, а у третьих происходит в настоящее время или еще только предстоит...

Следствие теории стаи:

от распространения *теории стаи* больше всего выиграют Россия и Сербия.

А судя по составу читателей «Катарсиса», Армения и Словения тоже.

Ну и отдельные люди почти по всему миру, конечно.

**Глава двадцать третья из третьего тома
«Катарсиса» — «Понтий Пилат:
психоанализ не того убийства»**

**ТАЙНА КОПЬЯ ИМПЕРАТОРА
ФРИДРИХА БАРБАРОССЫ**

Как выясняется, оккультно-трансовый стержень истории Европы в нашей эре — *копье!*

Конкретное.

Оно сейчас выставлено в Хофсбургском музее.

К этому копью, некогда одному из атрибутов инквизиторской госрелигии, притянуты красочные легенды. Что правда, что вымысел, приходится разбираться в каждом случае особо, но то, что многие высшие европейские вожди (императоры) средневековья за это копьё сражались, а величайшие из них выпускали его из рук только в момент смерти — это историей отмечено. Но в новое время (последние полтысячи лет), копьё «почему-то» оставалось невостребованным — за исключением двух случаев.

Загадочное копьё затребовали два императора, которых единственно и можно называть великими — Наполеон и Гитлер.

Наполеон сделал это после победного сражения под Аустерлицем — Вена, где хранилось копьё, теперь принадлежала ему. Но копьё это от сверхвождя кто-то из венцев спрятал: видимо, опасался, что с ним корсиканский коротышка захватит вообще весь мир.

А вот Гитлер за обладание копьём боролся много лет — и своего добился.

Сохранилось свидетельство некоего Штайна, что в бытность свою безвестным художником-копиистом Гитлер при виде этого копья немедленно впадал в транс. Штайн сообщает, что в этом состоянии Гитлер **начинал излучать невероятной силы вождистскую энергию.**

Кстати, Гитлер покончил с собой не когда-нибудь, а именно в тот день, — а может быть, и час? — когда копьё, обладателю которого тысячелетиями предсказывалась власть над миром, из-за роковой ошибки одного из эсэсовских офицеров попало в руки американских военных!

Могучий эффект созерцания этого копья Гитлер ощутил впервые в Зале Сокровищ Габсбургов Хофбургского музея. Было холодно, шёл дождь, и Гитлер, жалкий оборванец, несостоявшийся средней руки художник, зашёл в музей просто погреться — вход был бесплатный. Так получилось — случайно? — что он услышал следующие слова экскурсовода: «С этим копьём связана легенда, согласно которой тот, кто объявит его своим и откроет его тайну, возьмёт судьбу мира в свои руки для совершения Добра или Зла».

Гитлер подошёл к стенду и, не заинтересовавшись другими символами власти германских императоров — скипетром, короной, драгоценностями и тому подобным, — стал жадно рассматривать кусок простого металла, который покоился на красном бархате кожаного футляра. Там было даже не копьё, а лишь его почти метровый наконечник и гвоздь, которым он крепился к древку.

Гитлер в тот момент, видимо, остался в зале один, во всяком случае, свидетельств о том первом трансе не сохранилось. Но с того самого дня Гитлер стал другим.

Это мнение Августа Кубичека, с которым Гитлер напару снимал комнату, подтверждается и характерным поведением Гитлера: он немедленно принял все меры, чтобы со своим соседом по комнате разъехаться. Так резко обстоятельства жизни меняют только тогда, когда собираются жизнь изменить... С точки зрения психологии, всё достоверно: если в Гитлере могла проснуться бастардная императорская кровь одного из прежних обладателей копья, точнее, «ожить» психоэнергетическая травма «властитель», то для её «включения» достаточно любого предмета—«символа могущества», принадлежавшего предку.

Характерно, что Гитлер *сначала* впал в транс, а уж *потом* стал по книгам вникать в смысл расплывчатых слов экскурсовода. Впрочем, возможно, что в Гитлере проснулась не кровь (активизировался невроз) германских императоров, а невроз какого-нибудь очень далёкого предка-властителя, у которого психоэнергетическая травма «властитель», давностью в несколько тысяч лет, тоже каким-то образом связана с копьём: ведь роскошные корона и скипетр Габсбургов, которые были изготовлены ремесленником, а не «императором», на Гитлера ровным счётом никак не повлияли.

Итак, на следующий день после перенесённого при созерцании копья потрясения Гитлер отправился в библиотеку, чтобы побольше узнать о копье и его обладателях.

В те давние времена, когда германцы, тогда ещё преимущественно «внешники», ещё не были унижены нашествием устроителей известных «иудо-внутренних» порядков, называемых капитализмом, копье уже принадлежало многим императорам. Но появление копья поддерживаемая инквизиторской госрелигией легенда относит, естественно, ко временам существенно более

древним — им, якобы, обладали не только великие полководцы разных народов начала нашей эры и раннего средневековья, но и древние цари Израиля. Во времена Христа копьё каким-то образом оказалось у сотника из оцепления вокруг Голгофы. Называют даже имя того сотника — Гай Кассий; по легенде, именно этим копьём и был пронзён Распятый.

Разумеется, в приведённой легенде есть целый ряд деталей, психологически и духовно недостоверных. Например, считается, что «святой» Гай Кассий был не то начальником тайной полиции, не то начальником охраны дворца, скорее первое.

Итак пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним; Но, пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, Но один из воинов копьём пронзил ему рёбра, и тотчас истекла кровь и вода.

И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили.

Ибо сие произошло, да сбудется Писание: «кость Его да не сокрушится». Также и в другом месте Писание говорит: «воззрят на Того, Которого пронзили».

Иоан. 19:32–37

Сотник, больной катарактой обоих глаз, немедленно по пронзении был исцелён — судя по дальнейшей череде легендарных исцелений, не трупом, а копьём. Исцелился сразу, даже не «потратившись» на переосмысление жизненных ценностей. Занятно, что копьё, по этой католической легенде — а у *них* все легенды проиерархические, — стало не только исцелять, но ещё и возводить людей, *якобы* выбранных Провидением, на высшие ступени власти. В свою очередь, отпрыски правящей династии Габсбургов — не будем говорить: императоры христианские, но католические, — не останавливались ни

перед какой подлостью, чтобы «копьем Гая Кассия» завладеть.

Сражение за копьё продолжалось до конца средневековья. Уроды Габсбурги окончательно выродились и вымерли, претенденты же на высшую власть из субстаи другого психотипа верить в чудодейственность копья перестали (выражаясь корректней: никто, подобно Гитлеру, не впадал в транс и не начинал при нём источать повышенную вождистскую энергию), а общедоступный музей, где это копьё могли увидеть бастарды, ещё не был открыт.

Но вот пришёл «внутренник» Наполеон. Он, как человек начитанный, видимо, размышлял об этом копье и до Аустерлица, поскольку, одержав победу над австрийскими войсками и тем завоевав доступ к личным вещам Габсбургов, затребовал себе копьё немедленно.

Но, как уже было сказано, не получил. И, видимо, особенно его и не добивался. С точки зрения *теории стаи*, это и понятно: он был не «внешником», но «внутренником», и впасть в транс при виде копья ему бы не удалось.

Гитлер же был «внешником», и, обойди он стороной в своих военных кампаниях Сербию и Россию, он бы, весьма вероятно, подчинил себе весь остальной мир.

Ближайшие подручные Гитлера на копьё смотрели спокойно (тем разоблачая себя как потомственных холуёв средней руки), а один эсэсовский офицер даже перепутал копьё с «мечом святого Микаэля» — когда, согласно приказу, должен был перепрятать копьё в место, недоступное для наступавших американцев, весьма охочих до сокровищ (они вывезли, по некоторым подсчётам, 80 процентов произведений искусства, находившихся в Германии, в том числе и награбленных в России, и до сих пор ничего не вернули).

На американских офицеров захваченное копьё впечатления не произвело. «Взвёлся» лишь один. И какой!

Кто это был? Ну, естественно, **лучший из американских генералов завершающего этапа Второй мировой войны** — генерал Паттон. Он не обратил внимания на брошенные эсэсовцами сокровища, но долго не мог оторвать взгляда от неизвестной ему «простой железяки», а потом потребовал, чтобы ему рассказали об этом предмете хоть что-нибудь.

Копьё в Америку не уплыло. Высшие правители Америки — не стеснявшиеся грабить не то что немецкие трофеи, но и вообще весь мир, — к копьё не взревновали... Сейчас оно вновь выставлено в Хофсбургском музее...

Адепты бытового суверенитизма толкуют все эти факты истории таким образом: императоры *верили* — по вере и получали. А сейчас-де век просвещённый, не тёмное-де средневековье, железо никого не интересует уже не первое столетие. *Интересно* только золото. Гитлер взвёлся? Ну так Гитлер он и есть Гитлер — исключение из правил, случайность, антисемит, бессребреник, — урод, одним словом...

Стал ли Гитлер, впад рядом с копьём в транс, — Копьеносцем?

Или даже *Копьеносцем*?

Рассмотрим возможные уровни носителя копья: кавалерист-военачальник, гиперженолюб, священнослужитель, воплощение Истины — по порядку. В той же последовательности, что и в главе «*Первые четыре смысловых уровня имени „Пилат“...*».

Хотя Гитлер во время Первой мировой войны служил пехотинцем, в историю военного искусства он вошёл как новатор — именно за ведение технически оснащённых войн в кавалерийском духе. Вспомним, как он использовал танки — наподобие кавалерийских соединений: компактные группы совершали стремительные рейды по тылам противника. Идеи о подобном использовании танков возникали у разных людей из раз-

ных народов, в том числе и в нашей стране, но как-то ничего существенного из этого не выходило. Кстати, кто не знает: в предвоенной Германии в танкисты шли... кавалеристы! Итак, первый уровень Гитлер, оказавшись во власти «невроза копья», освоил.

Был ли Гитлер гиперженолюбом? К счастью, в литературе (в т. ч. и в «КАТАРСИСе-1») очень подробно описаны его привычки — столь ужасающие читателей, — которые почему-то принято называть сексуальными. Во всём этом есть некая не то чтобы странность, но нелогичность, что ли... Гитлер для достижения удовольствия мог вполне довольствоваться услугами любого из мужчин или просто канализационной трубы, но он предпочитал женщин. Их у него была уйма. Словом, далеко не самое типичное поведение для копрофила. Необъяснимое — если не извлечь на поверхность застрявшее в его душе копьё могущества.

Был ли Гитлер священнослужителем? Уж если кто из европейских правителей XX века и был — в явной форме — священнослужителем своего народа, так это Гитлер. В советское время это от нас скрывали, сейчас публикации есть, но толпарям повелено ничего, кроме «бульвара», не читать. Ритуалы, шествия, оккультные ордена... А вспомните «фашистское приветствие»! Оно бытовало ещё задолго до Гитлера. Это почти тот самый жест, который воспроизвёл Пилат в колоннаде Иродового дворца. Гитлер мог выбирать из множества иерархических религий. Гитлер даже говорил, что для немецкого народа наилучшей религией был бы ислам. Немцы бы с радостью обрезались, скажи Гитлер хоть слово, но... сердце фюрера выбрало солярный культ. Повторим: не разум, не холодный расчёт, не соображения целесообразности, а сердце.

И последний уровень: то, что «иудо-внутренники» внушают нам, что Гитлер—«исчадьё ада», для нас не аргумент; может, копрофил Гитлер был воплощением Истины?

Часто вспоминают слова Гитлера: на планете идёт борьба за власть между немцами и евреями — всё остальное обман зрения. Но мир не двухцентровый — сущность его *неугодники*, пусть они и не многочисленны. И Гитлер пытался их истребить.

Гитлер был магом-окультистом высших ступеней посвящения, он не мог если не осознавать, то чувствовать, что на планете есть ещё *Копьеносцы* — с его, некрофилической, точки зрения, освоившие ещё более высокую ступень посвящения, ему, Гитлеру, недоступную. А без достижения этой ступени или уничтожения *Копьеносцев* Гитлер обречён был чувствовать себя лишь самонадеянным ничтожеством, всего лишь фюрером толпы, любимцем стадных самок. Буддой, как его почитают в наше время довольно многие.

Уничтожить *Копьеносца*...

Здесь открывается объяснение ещё одной загадочной неадекватности Гитлера: а зачем он, спрашивается, хотел уничтожить русских разве что поголовно? Ведь комсомольцы сдавались миллионами и до изнеможения строили ему дороги; комиссары, невзирая на неминуемый расстрел, покидали окопы и уговаривали подчинённых сдаться фюреру (см. документы, приведённые в «КАТАРСИСе-2»); дивизии власовцев великолепно сражались за него даже в 1945-м... Зачем уничтожать такой народ? А затем, что *Копьеносец* как бы растворён в генах русского народа — отследить всех носителей невозможно. Невозможно потому, что исполнители отличить их в массе народа не в состоянии. Чтобы уничтожить *Копьеносца*, надо уничтожить весь народ поголовно.

Разгадка парадоксов 1941-го в том и состоит, что Недокопьеносец шёл против *Копьеносца*, не мог не идти. И эта скрываемая, возможно, неосознаваемая, причина не могла не отразиться в иррациональном — не только в приказах, но и в неких символах, скажем, в названии воен-

ной операции по уничтожению русских. Название, которое должно было показаться фюреру *красивым*.

Это название известно: план «Барбаросса».

Историки и публицисты пытались и пытаются объяснить, почему подсознание Гитлера выбрало именно это слово, имя именно этого человека. Но объясняют всегда в рамках бытового суверенитизма. И потому не умно.

Это произошло, когда я перечитывал книгу Николаса Гудрик-Кларка «Окультурные корни нацизма». Читаю и вдруг спотыкаюсь об упомянутую вскользь в тексте легенду о Фридрихе Барбароссе: он-де долго-долго спал в горе Kyfhauser, но, «однажды проснувшись, волной тевтонского гнева прокатился по всему миру, подчинив его немецкой гегемонии...» и т. п.

Позвольте-позвольте, но ведь и Илья Муромец тридцать лет и три года просидел на печи, а потом встал... и т. п. Но Илья Муромец не прокатывался волной общерусского гнева, он защитник-одиночка...

«Должно было быть копьё и у Барбароссы! — решил почему-то я. — Не может не быть!»

Почему-то на ум пришло название виденной мельком в книжном магазине книги «Копьё судьбы», впрочем, я никогда в руки её не брал. С трудом я дождался утра, на работу не пошёл, а отправился в магазин и «Копьё судьбы» Тревога Равенскофта приобрёл. И там, действительно, среди прочего сообщалось, что император Фридрих Барбаросса не выпускал из рук копьё Гая Кассия, с копьём этим в руках и утонул.

Всё верно.

Гитлер оказался Недокопьяносцем.

Это — последний недостающий штрих к военной части «КАТАРСИСа-2». Наполеон не был личностью, а лишь *Ганнибалом* из обуреваемого жадностью торгового Карфагена. Но в «КАТАРСИСе-2» не было ответа на вопрос: архетипическим повторением кого был бессребреник Гитлер?

И ещё небольшой штрих. Фридрих Барбаросса вступил на престол императора Священной Римской империи в то время, когда папе римскому дали пинка под зад. Он даже бежал во Францию. Добровольно. Дискомфортные условия создали ему те, которых впоследствии называли вальденсами. На самом деле движение существовало и прежде рождения Петра Вальдо. Во времена бегства папы интеллектуальным символом *неугодничества* был монах Арнольд.

Верхушка папской иерархии в то время была целиком «внутреннической». «Духовные отцы», утравившие в мерзостях разного рода, не только готовы были сжечь кого угодно за десятину, они не только додумались продавать Божью благодать порциями (знаменитые индульгенции), но ещё и пропагандировали антиевангельское учение о чистилище: в таком случае появлялось оправдание введения хорошо оплачиваемых молитв за мертвецов. Арнольдисты всю эту мерзость отрицали и призывали к евангельским принципам.

Итак, «внутренники» были слабы (вождь слабоват, были факторы, деструктурирующие их субстаю), заискивали перед независимым и сильным «внешником» («когортой»?) Фридрихом Барбароссой и изо всех сил науськивали его на Арнольда. И Барбаросса-фюрер внял, монаха сожгли, тем возвысив «иудо-внутренников».

Вскоре Барбаросса об этом горько пожалел, потому что через некоторое время оказалось, что уже он должен пресмыкаться перед католической верхушкой (*Генри Чарльз Ли. История инквизиции. Т. 1. Гл. II*).

Да это же психологическая схема Второй мировой войны! Гитлер должен был бы сдерживать свою ненависть к *неугодникам*, и тогда перед ним открылись бы великие просторы — в том числе, как это ни парадоксально, и во власти тоже.

Гитлер, испытав все прелести этого положения, предпочёл кончить жизнь самоубийством.

Но так ли уж случайно было утопление Барбароссы при переправе? А может, это тоже было самоубийством?

Так что Гитлер, великий маг, долженствующий уметь видеть элементы будущего, вдвойне не случайно выбрал название плана нападения на метанацию.

Инициации, даже успешной, с «оживлением» родовой памяти предка — сверхвластителя прошлого — для того, чтобы стать властелином мира, ещё не достаточно. Знание о существовании *неугодников* и умение учитывать их возможности деструктурировать стаю для достижения власти над миром необходимо — но тоже недостаточно. Чтобы стать властелином мира, необходимо пройти инициацию непременно в династию вождей над «сыновьями».

Гитлер *теорию стаи* знал в объёме не большем, чем главраввинат, поэтому удовлетворился инициацией во «внешника» — закономерным образом ограничив себя в грядущем господстве не более чем над половиной мира.

То, что властелином мира может стать только «сын» — знание со ступени выше третьей. Это уже ступень четвертая, лучше сказать, первая-А — ведь познание *теории стаи* идёт по спирали. Гитлер же, напомним, не владел даже третьей. Поэтому он и не смог совладать с желанием напасть на метанацию и тем обрек себя ощутить на губах привкус металла от ствола пистолета в своем последнем подземном бункере.

Все достойные внимания источники, а именно «цепочечные» пророчества о будущем, тысячелетиями указывают на «сыновство» грядущего властелина мира (правда, и года не протянет). К тому же выводу подводит и внутренняя логика *теории стаи* — в разделе о Сверхпреступлении, как источнике высшей власти.

«Цепочечное» пророчество представляет собой описание не хаоса событий будущего, но строгой из

них последовательности (цепи). (В пророческой «бригаде» «специалист» по предсказаниям на сотни и тысячи лет называется хресмологом.) Из того, что первые звенья пророческой «цепи» уже развернулись в реальные события, мы можем с высокой степенью предположить, что и последние так же исполнятся — ведь автор последних звеньев тот же, что и первых, если он умеет проникать взглядом тысячу лет, то почему бы ему не видеть и через три? Яркий пример «цепочечных» пророчеств — книга хресмолога Даниила (Ветхий завет).

Пророки являли людям «цепи» не для тупой в них веры (как к тому на практике скатываются представители всех деноминаций), а для того, чтобы помочь нам проверить, не попали ли мы в рабство в стаю суверенитистов, не уподобились ли мы ей, является ли наше мышление достаточно адекватным, чтобы «видеть» **закономерность** такого развития истории человечества.

Почему именно «сын» станет властелином мира, объяснять коротко — дело неблагодарное. А без объяснений никак невозможно — уж слишком для привыкших к суверенитизму людей всё это неожиданно. Даже те, кто был подготовлен двумя первыми томами «Катарсиса», после знакомства с содержанием «*Психоанализа не того убийства*» приходят в себя неделями. Помучаются, помучаются — и соглашаются. Ведь *теория стаи* не просто стройна и внутренне непротиворечива, но множество из неё следствий можно легко проверить на «подручном материале». Но прежде всё-таки мучаются.

«Записки зятя главраввина» отнюдь не пособие по *теории стаи* — сокровенное её познание ограждено от рабов по духу в том числе и объёмом «Катарсиса». «Записки...» хотя на *теорию стаи* и указывают, но учат *ощущению*, освоение которого — необходимый этап в постижении *теории стаи*.

Вы не забыли, о чем проговорился мой прижатый на балконе тесть?

Дорогой читатель! Не стесняйся особенности двух типов изучения какой-либо науки проговорить вслух. И не забывай, какой из них для дураков, обреченных быть марионетками, а какой для тех, кто достоин большего — как в мире вечного покоя, так и в мире света Истины.

XX век запомнится — но не войнами, которых много в любом веке, и даже не тотальным враньём так называемых средств массовой информации, а прежде всего тем, что жил в нём один вождь, который в *теории стаи* разобрался лучше всех остальных вождей, во всяком случае Нового времени.

Этот вождь, естественно, из России.

Сталин, может быть, и не хорош — если сравнивать его с Львом Толстым, Михаилом Булгаковым, Львом Гумилёвым, кем другим из чреды Преемников или вообще с кем-либо из сформировавшихся *неугодников*.

Но на фоне всех последующих правителей Советского Союза и России с Украиной Сталин просто Господь во плоти.

Мысль об исключительности Сталина среди вождей Нового времени подсознание подсказывает в России многим, но перевести это ощущение на уровень логических построений до сих пор не смог никто. Что не удивительно: подобные задачи разрешимы только с позиций *теории стаи*.

В рамках бытового суверенитизма особые различия между Сталиным, Гитлером и Наполеоном не просматриваются: все они равно захватили колоссальную власть — над многими народами и громадными территориями. Вокруг них равно лилась кровь, вокруг них равно увивались миллионы подхалимов, у этих подхалимов было потомство, которое впоследствии усерднее

остальных оплевывало Сталина (на уровне хрущёвских фантазмов о Берии как уличном маньяке).

Отталкиваясь от суверенитизма, можно прийти **вообще к любому выводу** — как закажут хозяева. *Неугоднику* интересен взгляд, конечно, только с позиций *теории стаи*.

По масштабу власти Сталин, Гитлер и Наполеон, действительно, близки, но вот по личностности Сталин обходит их всех.

Масштаб личности определяется не по словам, а, естественно, по делам — гений должен отличаться от прочих чем-то существенным. **Не может не быть какого-то поступка, на который способен только гений — в отличии от тьмы других вождей.**

Мне не посчастливилось жить ни при Святославе, ни при Сталине, я рос и жил в атмосфере внушений СМИ, что Сталин это исчадь ада, а имя Святослава не упоминалось вовсе.

Конечно, я давно перестал заблуждаться в порядочности тех, кого допускают до центральных информационных площадок, к тому же стойким диссонансом звучат слова тех, кто родился много раньше меня и кто при Сталине был достаточно зрел, чтобы сравнить жизнь при разных правителях. Невозможно не заметить, что бессеребренники и *неугодники* однозначно на стороне Сталина. Даже те, кто в ту эпоху попал в разного происхождения вихри и по торгашеской концепции жизни должен был бы Сталина ненавидеть, напротив, вспоминают свое современничество со Сталиным как величайший дар фортуны.

Казалось бы, всё понятно, но я как Фома неверующий всё искал какой-то детали, детальки, детальюшечки... Искал чего-то эдакого, после чего невозможно не отдать последние деньги на букет цветов, чтобы возложить если не к памятнику Сталину, то хотя бы на то место, где он стоял, но снесён

той стаей, которая на наших глазах Россию разграбила и погрузила в мрак нравственной грязи.

Искал детали, которую в истории во все времена насквозь цензурируемой, никакой волне суверенитистов исказить было не по уму.

И вот только работая над этой книгой, которая, в сущности, лишь введение в «Катарсис», я эту жемчужину наконец-то раскопал. Только ради одного этого можно было не пожалеть времени и сил и написать эту книгу — для себя, в единственном экземпляре.

Но всё по порядку.

В *теории стаи* и первую ступень, и вторую (без знания о *неугодниках* и о истоке и будущем «сынов») Гитлер, Наполеон и Сталин явно освоили — это очевидно хотя бы из того, что они стали столь заметными вождями.

И Гитлер, и Наполеон, и Сталин смогли понять, что население планеты, в частности, любой народ, отнюдь не совокупность психоэнергетически независимых личностей, а, напротив, психоэнергетическое целое — толпа. Естественно, силу она представляет только при наличии вождя — иначе разброд по разным субстанциям, центры которых чаще всего вне границ расселения любого рассматриваемого этноса.

И Гитлер, и Наполеон, и Сталин явно смогли понять, что толпа если что по-настоящему и любит, так только грех (все трое обладали библейскими познаниями существенно выше среднего — а протоавторы Библии *теорию стаи* знали), ствол которого, понятно, расходится на несколько ветвей страстей (более нейтральное слово — невроз, но оно слишком уж нейтральное и не передаёт пыла страсти).

Марионетки обоего пола попросту страждут вываливаться в нравственной грязи разного рода — нечистоте партнерских взаимоотношений, скудоумии, подхалимстве и т. п. Даже Лебон понимал, что толпа повинно-

ваться обожает (любит подхалимничать = любит холуйствовать = произвольно выстраивает психоэнергетические иерархии) и не может иначе. Добавим: повиноваться только некрофилам. (Иначе исполнители функционировать попросту не могут — в противном случае они были бы *неугодниками*, и их жизнь была бы посвящена чему-то возвышенному, одно из сторон чего — служение метанации.)

С холуями вождь-объединитель может делать всё, что вздумается — но только в русле какой-нибудь мерзости.

То, что на нашей планете нет народов-демосов (слово, традиционно сопровождаемое возвышенными эмоциями), а есть только субтолпы-охлосы, как на кол насаженные на какой-то порок, — объём знаний вполне достаточный, чтобы из ефрейтора превратиться в свержовдзя, то есть хозяина существенной части планеты.

Представление о населении как о потенциальном психоэнергетическом целом — первая ступень, отделяющая вождя от рядового исполнителя-суверенитиста.

Первая ступень *теории стаи* самая простая. И то, что на неё не могут взобраться большинство исполнителей, говорит о ничтожности исполнителей не столько интеллектуальной, сколько нравственной. Рожденный пресмыкаться летать не может.

Подобно тому, как одолеть первую ступень может лишь часть суверенитистов, так и вторую могут одолеть лишь немногие из одолевших первую, пропорционально. Соответственно, и третью. Эдакая пирамида.

Третья ступень теории стаи — знание о существовании *неугодников* — может считаться освоенной только тогда, когда приходит понимание, что мировосприятие *неугод-*

ника много объёмней, соответственно есть целые области, которые доступны взору только неугодников. Следствие здесь то, что тот из вождей, кто сможет преодолеть вскипающую в себе бессознательную ненависть к неугодникам, получит грандиозное преимущество во всех смыслах.

Из вождей XX века только Сталин смог одолеть третью — потому он и гений. То есть лучший из лучших.

Раз неугодники существуют, то согласно принципу «подобное к подобному» на планете есть места, где неугодников много. Во всяком случае, в одних местах их концентрация среди населения существенно выше, чем в других.

Свободных от кретинов пространств на планете давным-давно не осталось, повсюду они составляют большинство, поэтому даже то место, где концентрация неугодников на планете наивысшая, тоже заселено преимущественно крети... каким-то народом. Будем называть этот оплодотворённый неугодниками народ (матричный этнос) метанацией.

Очень важно, метанация — не просто механическая смесь неугодников и стадных исполнителей, череда предков которых не первое тысячелетие беспрекословно повинуются внушению на веру в суверенитизм, метанация — это качественно иное образование.

Вследствие многовековой жизни на общей территории, а именно в результате глупых браков — а редчайший брак не глуп! — происходит смешение нравственных линий неугодников и матричного этноса, если угодно, смешение генофондов, крови. Понятно, что уже через пару десятков поколений даже беспробудный «баран» матричного этноса становится неугоднику братом, троюродным или десятиюродным. По-

просту говоря, и кретин-соотечественник с определённой точки зрения — потенциальный *неугодник*, прежде всего в том смысле, что это качество может расцвести в каком-то из его потомков. С годами, возможно, и в нем самом — при достаточно сильных потрясениях. Отсюда у *неугодника* есть чувство родства даже с «бараном», чувство вполне обоснованное — хотя содержательное с ним общение и невозможно. И это чувство родства для *неугодника* весьма значимо.

И это не считая того ещё более значимого принципа, известного, естественно, ещё до Иисуса из Назарета, что человеку, состоявшемуся как личность, близкие суть не столько его родня, сколько созвучные по высокому духу.

Один из вернейших признаков *неугодника* — его чувство родства с метанацией.

Вернейший, но не единственный. А то так любого записного патриота, которому случилось родиться в метанации, можно причислить к *неугодникам*.

Времена меняются, если повезёт, случается чехарда психотипов сверхвождей, бывает, целые народы перемещаются по поверхности планеты...

По двум вышеназванным причинам местопребывание *неугодников* в *теорши стаи* обозначается не *метатерриторией*, а *метанацией*.

Вождь-некрофил, жаждущий власти если не над всем миром, то хотя бы над большей его частью, не сможет реализовать свое желание, если не освоит третьей ступени *теорши стаи* — если не всей целиком, то хотя бы двух основных истин этой ступени.

Первая та, что любой сверхвождь, который нападёт на *метанацию* с целью её уничтожения, непременно психически надорвется от сопротивления *неугодников* (даже если зрелых *неугодников* не тронет, а будет выбивать только распоследних «баранов») — как это произошло с Наполеоном и Гитлером после их нападения на Россию. Эйфория

у кажущегося победителя сменится паранойей — коей и заразится вся подвластная ему иерархия подхалимов-исполнителей. Ещё недавно бодро двигавшиеся вперед, они развернутся и панически ринутся восвояси. (Подробнее об этом в «Катарсисе-2. Теория стаи», в первых изданиях — «Россия: подноготная любви»).

Вторая та, что есть тонкое знание, без которого вождю власти над миром не добиться, знание, которое он может только украсть (позаимствовать) — у *неугодника*, вернее, *Преемника* (*неугодника*, призванного к писательству в пространстве теории стаи).

Раз Наполеон и Гитлер (всякую разную японскую, румынскую, болгарскую и прочую вассальную им мелочь той эпохи не будем даже упоминать) **на метанацию посмели напасть, то, следовательно, что такое неугодник, они не знали.** Это что касается первой истины.

А что касается второй, то **всякий вождь ненавидит неугодников, остановиться же в реализации этой ненависти он может только силой разума, логического мышления — а логические построения им могут быть только позаимствованы — причём только от Преемника.**

Объяснений может быть много, приведём особенно близкое литературным переводчикам. Язык меняется очень быстро, именно поэтому новые редакции словарей выпускают каждые примерно пятнадцать лет. По той же причине быстрого изменения языка при наличии средств делают новые переводы и значительных текстов. Той же Библии, например.

Вообще, если позволить себе быть по-гилейски интеллектуально раскованным, то можно утверждать, что ни один не то что старинный, но и просто старый текст прочитан

быть не может — прошло сколько-то раз по пятнадцать лет и, казалось бы, знакомые и однозначные **слова** становятся не постигаемы — в прошлом они несли значение если не принципиально иное, то по меньшей мере были иначе эмоционально нагружены. **Древние документы для нас непознаваемы — принципиально.** За исключением, разумеется, редчайших случаев «чтения» их по механизмам родовой памяти. (Этот феномен отчасти рассматривается в индуистской концепции *дхвани*.)

Эта принципиальная непознаваемость ведёт к ложным прочтениям текстов — пусть даже культовым и наизусть воспроизводимым. Отсюда обилие суверенитических сект и тот известный и даже описанный в Евангелии феномен, что рьяные почитатели древних пророков, которых убили прапрадеды этих почитателей, сами нового пророка не принимают (всего лишь повторяющего уже сказанное прежде) и даже убивают — как было с Иисусом и многими его предшественниками.

Мысль о принципиальной закрытости не то что древних, но и старых текстов для восприятия многим из читателей трудна — системы убеждений адептов так наз. мировых религий и сект тому яркое подтверждение. А вот для литературного переводчика, во всяком случае для умного, — общее место.

Товарищ же Сталин — к счастью, *они* ещё не догадались это от нас скрыть — не только об этом мог догадаться ещё во времена учёбы в духовной семинарии (потому оттуда и ушёл), но и сам переводил, писал (до Революции и некоторое время после был редактором газеты «Правда»), а в зрелом возрасте расслаблялся, **работая над научными трудами по проблемам языкознания.**

Таким образом, вождь, рвущийся к власти над миром (или хотя бы благожелательно управляющий мета-нацией), поняв феномен *неугодничества*, осознает и то, что книгами какого-нибудь древнего *Преемника* не обойтись — ему для успеха необходим *Преемник* современный, говорящий на одном с ним языке и одинаково с ним эмоционально нагружающий каждое слово.

После такого пояснения не грех и повториться: **всякий вождь ненавидит неугодников, остановиться же в реализации этой ненависти он может только силой разума, логического мышления — а логические построения для разума могут быть только позаимствованы — причём только от Преемника.** Потому гениальный вождь и будет *Преемника* не просто ценить, но холить и лелеять.

Запомните это положение — оно серьёзный задел к постижению личности Сталина.

Знание (глубокое) о неугодничестве может быть основано только на собственном — неугодническом! — опыте.

Наполеону и Гитлеру *теория стаи* была известна только в объеме первой и второй ступеней. **Следовательно, всю свою жизнь оба они были только угодниками.**

А вот Сталин что такое *неугодник* знал.

Подхалимы воспевали Иосифа Виссарионовича по-разному. Пока он был жив, подвзлизывали и так, и эдак, и по-всякому, но главного, что определяет масштаб личности, — его взаимоотношений с *неугодниками*, прежде всего с *Преемником* — не заметили. Это естественно: что такое *неугодник*, подхалимам почувствовать и, как следствие, твердо знать и с успехом использовать при построении модели мира не дано.

Лучшие среди авторов-суверенитистов замечают, что Сталин от Гитлера отличался тем, что если Гитлер

вокруг себя терпел только подхалимов, то Сталин, наоборот, выделял тех, кто ему возражал и ради интересов дела был готов отстаивать высказываемое мнение даже под страхом принудительного аскетизма сибирских лесоповалов. Примерам несть числа. Хотя в литературу попадают рассказы отнюдь не о *неугодниках*, а о военачальниках, самостоятельность которых невротического происхождения.

Гитлер, выбирая для опоры подхалимов, был, безусловно, прав — с точки зрения завоевателя. Только пирамида из абсолютных подхалимов и может обеспечить сверхвождю молниеносные победы. Так и было — столь стремительно, как Гитлер, никто Европу не завоевывал. После Наполеона, конечно. Умеренно вооруженным войскам Гитлера сдавались гигантские снабжённые горами оружия армии. Лучшие в мире танки и их численное превосходство не спасли также и советских «защитников Родины» — летом 1941-го года комсомольцы разбегались дивизиями.

Но удивлявший адептов суверенитизма блицкриг только до тех пор может быть успешен, пока психика сверхвождя не надломлена надлогичным (для ума суверенитиста) сопротивлением единичных *неугодников*. А вот когда психика сверхвождя надломлена, когда блицкриг провалился, пирамида из подхалимов из наиболее эффективнейшего инструмента победы становится наиболее эффективным инструментом собственного поражения. (Третий Рейх не развалился немедленно только благодаря умению Гитлера убеждать себя вопреки действительности (!), что победа близка. Почитайте воспоминания его окружения, скажем, за два последних месяца Войны — диву даёшься.)

Противостоять феномену взаимоотношений сверхвождей и *неугодников*, при невозможности сдерживать потребность некрофилов в войнах, вождь может только двумя способами:

— первое, на метанацию не нападать,

— второе, в момент наступления в великой войне перелома заменить окружение сверхвождя из подхалимов если уж не на *неугодников*, то хотя бы на сочных невротиков.

Но Гитлер, будучи неспособен понять феномен *неугодника*, не понимал и особенностей этапов любой великой войны — осенью 1941-го он высшего командного состава войск не сменил, а если кого и снял, то заменил их на ещё больших подхалимов. Скажем, он отстранил от дел последних аналитиков вроде начальника штаба сухопутных сил Третьего Рейха Гальдера, который *теорией стаи* хотя бы в объеме Лебона владел. То есть Гитлер сделал прямо противоположное тому, что сделал бы человек, освоивший вторую ступень *теории стаи* в полном объеме.

Засилие подхалимов продолжалось в Третьем Рейхе и все последующие годы: кто подхалимничал перед Гитлером в начале Мировой войны, те и сопровождали фюрера до последнего в его жизни бункера. Уже есть исследования, собирающие вместе идиотизмы немецкого руководства на завершающем этапе войны — к примеру, «Самоубийство» больного породистым суверенитизмом Резуна-«Суворова» («когорта» или «иудовнутренник»).

А вот Сталин, у которого ныне модно открывать какие-то уж совсем особенные сверхзавоевательные намерения (все вожди втайне мечтают о ещё более высоком положении — это не особенность), в начале Войны и до нее действовал иначе. В руководство из моря подхалимов он настойчиво пытался привлечь тех немногих, кто хоть как-то мог сохранять верность своему если не логическому мышлению, то индивидуальному неврозу. Другое дело, что русскому человеку лезть во власть за падло.

Конечно, выдвиженцы Сталина, маршалы и генералы, не были *неугодниками* — ибо они должны были

психоэнергетически подчинить полки, дивизии, заводские коллективы и армии. А такого уровня власть без некрофилической «харизмы» невозможна.

Что и говорить, в деле подбора кадров Сталин от Наполеона и Гитлера отличался, **но не в этом** ярче всего проявляется величие Сталина. Полнота освоения третьей степени проявляется не столько по отношению к *неугодникам* вообще, сколько по **умению выявить современного ему Преемника**.

Преемник и обстоятельства вокруг него интересны любому *неугоднику* как таковые — просто потому, что *интересны*, как интересно всё своё, родное и в данный момент значимое. Но размышление над этими обстоятельствами ценны и для вождей, желающих власти над миром или самопожертвенно решивших пожертвовать своей жизнью, в вечности ради мирского благополучия метанации.

Преемник в каждом поколении на планете один. Почему это так, разговор долгий. Долгий хотя бы потому, что начинать его надо, как это ни удивительно, с человека неожиданного — Понтия Пилата. И с феномена призвания. Здесь и начинается четвертая (третья—А) ступень *теорши стаи* — всеобщего принципа родовой памяти, который в отличии от первой ступени (передача отрицательного массива «неадекватностей») открывает путь к положительному знанию. Но это уже высший пилотаж.

Неугодник, уже позволивший себе научиться пользоваться интуицией, может обратиться к книге «Понтий Пилат: психоанализ не того убийства».

В зловонной массе писателей-суверенитистов различить того единственного автора, общение с которым можно считать за великую жизненную удачу, Сталин смог — тогда, когда его не различал никто.

Всё, что вещают прихвостни ныне утвердившейся в Кремле «иудо-внутреннической» стаи о взаимоотношениях Сталина и Михаила Булгакова, полное враньё.

Все 90-е годы XX века охлос повторял следующее преподанное СМИ внушение: дескать, Сталин преследовал всё сколь-нибудь самостоятельно мыслящее, прежде всего кацманов, фридманов и залкиндов и даже Михаила Булгакова. Дескать, «критик коммунистических порядков» Михаил Булгаков бедствовал, и поэтому якобы (!) мечтал присоединиться к эмигрировавшим во Францию двум братьям. Остановила его только, дескать, ностальгия (по берёзкам и другим специфическим растениям России?), ну и, конечно, запрет гонителя всего мыслящего Сталина. Словом, если б-де не Сталин, то Булгакову ой как бы хорошо жилось. Был бы ещё более знаменит, например.

Всё враньё, от начала до конца! Всё наоборот: если б не Сталин, Булгакову жилось бы несравнимо хуже — во всех смыслах. И в высоком, и в бытовом.

Начнем распускать нить «иудо-внутреннической» нахлобучки постепенно.

Начать проще всего с материального уровня. Булгаков, начиная с середины 20-х годов, далеко не бедствовал. Если верить «иудо-внутреннической» пропаганде, то это два эмигрировавших в благополучную Францию брата должны были помогать одному бедолаге, застрявшему в треклятой России. Даже простая арифметика и та на стороне этой концепции предположения: двум одного содержать легче, чем одному — двух.

Однако вовсе не братья помогали Михаилу, а он систематически высылал им деньги. Вот так материально бедствовал «гонимый» критик коммунистических порядков (на тот момент «иудо-внутреннических»)...

У такого материального благополучия должны быть социальные причины — крупные гонорары **все**гда зависят от благосклонности какой-либо иерархии (или её вождя). Только несведущие полагают, что писатель становится известным только за солнечность своего таланта. Так если и случается, то раз в несколько столетий. Или реже.

На самом деле известным становится тот, кому сделана реклама. Другое дело, что очень часто рекламирующий старается остаться в тени.

Тут возникает ряд вопросов.

Реклама — это что, только прямой призыв покупать книги и посещать постановки? Или есть иные приёмы?

Кто именно сделал Булгакову рекламу? И как?

И вот тут-то мы и выясняем: **рекламу Михаилу Булгакову сделал товарищ Иосиф Виссарионович Сталин. Лично.**

Михаила Булгакова действительно травили и подставляли ему ножки — со всех сторон. И действительно запрещали. Но только инициатива эта исходила отнюдь не от Сталина, как то учат идеологи разграбившей Россию «иудо-внутреннической» субстаи. Как легко будет догадаться из нижеследующего, **Булгакова гнали противостоявшие Сталину** Да, Булгакова преследовали троцкисты — более корректно, «иудо-внутренники». Например, директора театров.

Спектакли по произведениям Булгакова постоянно пытались снять с репертуара — и только личное распоряжение Сталина их возвращало.

Поразительная цифра — вдумайтесь в неё — Сталин шестнадцать раз (!!!) побывал на «Днях Турбиных»! Шестнадцать раз! Число невозможное.

Шестнадцать раз!

Эта громадная цифра говорит о многом.

Очень о многом.

Надо только её уметь истолковать. Хотя бы психологически достоверно.

Возможно только три варианта объяснения такого количества посещений.

Первое. Сталин от этой вещи отчаянно торчал, подобно истеричной старшекласснице, влюблённой, как это обычно бывает, в какого-нибудь актёра-педераста.

Второе. Сталин чувствовал, что в «Дни...» вплетено некое тайное знание об устройстве жизни — и хотел его познать.

Первое объяснение даже обсуждать не буду. А вот на втором остановиться можно. После смерти Сталина в госхранилища были переданы из его личной библиотеки только те книги, на которых были его пометки. И таковых набралось **пять с половиной тысяч!** И каких книг! Что, такой человек не мог что-то понять в «Днях...»? *Не верю!*

Я читал «Дни...» раз восемь, и не вижу в них ровным счётом ничего, кроме бытового суверенитизма. Как и в «Собачем сердце» или «Роковых яйцах». «Мастер и Маргарита» — другое дело. А в этих утехах современных «иудо-внутренников» — не вижу!

Поэтому и напрашивается третье объяснение: Сталин каким-то способом понял, что Михаил Булгаков *Преемник*, преемник высшего жречества Гилеи-Московии-России — и своим личным посещением постановок поддержал его **прежде**, чем *преемничество* проявилось со всей мощью в «Мастере и Маргарите».

Отсюда и это невероятное число «шестнадцать».

Но мы отвлеклись от того простого, но интересного вопроса, каким образом Сталин лично сделал рекламу *Преемнику*?

Итак, Булгакова в очередной раз запрещают. Но тут директора театра подзывают к телефону и он слышит голос со всем знакомым кавказским акцентом, голос, от которого у директора подгибаются колени, трясутся поджилки... Этот голос вежливо так, но очень весомо, сообщает, что он узнал, что на следующей неделе

будут идти «Дни Турбиных» и он, несмотря на занятость, решил на спектакле присутствовать. Директор, пришепётывая от волнения, вытирая пот и сдерживая нервный тик, выражает свой полный восторг.. Он кланяется. Роняет трубку. Опять кланяется... И тут же идет всем рассказывать, как сильно он любит Михаила Булгакова и его творчество и что вчера он ругал Булгакова в состоянии затмения. Да и вообще его неправильно поняли... Дескать, он и вчера хотел сказать, что Булгакова возвращает в репертуар.

Михаил Булгаков умел быть весёлым человеком, был, что там говорить, сатириком, и любую ситуацию, даже нравственно возвышенную, не мог не пересмеять.

Сохранились на сей счёт и мемуары....

СТАЛИН. Теперь скажи мне, что с тобой такое? Почему ты мне такое письмо написал?

БУЛГАКОВ. Да что уж!.. Пишу, пишу пьесы, а толку никакого!.. Вот теперь, например, лежит в МХАТе пьеса, а они не ставят, денег не платят...

СТАЛИН. Вот как! Ну, подожди, сейчас! Подожди минутку.

Звонит по телефону.

Художественный театр, да? Сталин говорит. Позовите мне Константина Сергеевича. (Пауза). Что? Умер? Когда? Сейчас? (Мише). Понимаешь, умер, когда сказали ему.

Миша тяжело вздыхает.

Ну подожди, подожди, не вздыхай.

Звонит опять.

Художественный театр, да? Сталин говорит. Позовите мне Немировича-Данченко. (Пауза).

Что? Умер? Тоже умер? Когда?.. Понимаешь, тоже сейчас умер...

(Е. Булгакова. Воспоминания)

Есть еще и воспоминания Константина Паустовского, похожие. Видимо, есть и ещё — но свидетельства

не важны, одной цифры «шестнадцать» вполне достаточно, чтобы на основе *простых соображений* восстановить всю картину.

Ясно, что вся театральная Москва была в курсе этих удивительных колебаний маятника. И за происходящим следила, затаив дыхание. Со всё возраставшим интересом. Со всё возрастающей истерией. И на постановки по Булгакову валила валом. И не потому, что была достаточно умна, чтобы понять исключительность Булгакова (для этого тогда надо было уметь видеть будущее — об этом ниже).

Сборы публика делала. Обеспечивая Булгакову гонорар. Но на самом деле Булгакову гонорары обеспечивал Сталин. Вместе с известностью и признанием (хотя бы видимостью) — что так важно для работоспособности всякого автора.

Лучшей рекламы, чем этот маятник с участием высшего лица государства, придумать трудно*.

* Когда я уже закончил «Записки...», один замечательный читатель со станции Львовская среди прочих архивных документов привёз мне и этот.

НАЧАЛЬНИКУ СООГПУ т. ДЕРИБАСУ
Агентурно-осведомительная сводка
по 5-му Отд. СООГПУ
за 18 октября 1926 г.

...Достать билет в МХАТ на «Дни Турбиных» стало очень трудно. Говорят, что более сильно пошли рабочие...

Человек, видимо, близко стоящий к театру, высказал след, соображения:

«Пьеса сама по себе ничем не выделялась из ряда современных пьес и при нормальном к ней отношении прошла бы как обычная премьера. Но кому-то понадобилось, чтобы о ней заговорили на заводах, по окраинам, в самой гуще — и вот результат: билета на эту пьесу не достать. Неспроста молчали несколько дней после премьеры, а потом сразу начали такую бомбардировку, что заинтересовали всю Москву. Мало того, начали дискуссию в Доме печати, а отчёт напечатали по всем газетам. Одним словом, всё проведено так организованно, что не подточишь и булавки, а всё это вода на мельницу автора...»

...Эта же шумиха, поднятая в моск. печати, привела к тому, что «Зойкина квартира» и в Киеве идёт ежедневно при переполненных сборах...

Сталин «интересовался» не только «Днями Турбиных (Белой гвардией)». В доме Булгакова постоянно находились глаза и уши Сталина. Делалось это настолько тонко и ненавязчиво, что кто из знакомых докладывал — а это были по меньшей мере несколько человек, — сам Булгаков определить не мог. (Вполне совпадали с Михаилом Афанасьевичем по духу и информировали «святослава» из высоких побуждений?)

А ещё Сталин читал всё, что писал Булгаков, ещё в рукописи. «Мастера и Маргариту», понятно, тоже —

...теперь стоит целая стена барышников, предлагающих билеты на «Дни Турбиных» по тройной цене...

...Многие гадают, что с ним теперь сделают: посадят ли в Бутырки, вышлют ли в Нарым или за границу.

Нач. 5 Отд. СООГПУ (РУТКОВСКИЙ) (Цит. по журналу «Служба безопасности» № 3-4 1994 г.)

Очень интересный документик.

Образец того, как ещё вчера известный писатель, с точки зрения театральных и литературных деятелей на тот момент ничего собой не представлявший (я с ними полностью согласен. — А. М.), вдруг становится всем. Причём, заметьте, акцент «рекламы» сделан на более биофильную часть общества (!), не комиссары и прочие «иудо-внутренники», а рабочие. На белогвардейскую-то пьесу!

«Но кому-то понадобилось...»

Кому бы это?

Булгаков человек в Москве приезжий, да и вообще в творческой среде чужой... А тут обвал, вовлечены десятки газет и организаций. ОГПУ не при чём, они (в тот момент «иудо-внутреннические») честно периодически вызывали Булгакова — и запугивали. Кто сделал этот рекламный обвал — не в курсе даже Рутковский, начальник 5-го Секретного отдела ОГПУ. То есть реклама Булгакову была отнюдь не «линией партии», а «партизанской вылазкой» какой-то очень мощной «руки». Коих в Союзе на тот момент было только две — Троцкий и Сталин. Но Троцкий Булгакова не привечал... Его люди Булгакова травили — ведь «Собачье сердце» вовсе не о сталинцах («внешниках»), как то нам теперь внушают, а об «иудо-внутренниках», и они на сей счёт тогда нисколько не заблуждались...

Можно, конечно, предположить, что это было действием какой-то неугодиической организации. Именно организации, ведь в действиях журналистов отчётливо просматривалась слаженность: молчали, молчали, а потом в один день, — обвал! Но, во-первых, я никогда ещё не встречал организаций из неугодников, и что-то сомневаюсь, что встречу — вылазки их одиночные; а во-вторых, откуда бы у них такая власть, ведь деньги тогда мало что решали?..

Это был сам Сталин!

ведь история написания романа занимает более одиннадцати лет. Пилат, опять Пилат!.. Имеющий уши (хотя бы знакомый с концепцией *дхвани*), да слышит!

Можете вы представить череду сменивших Сталина в Кремле ничтожеств за подобными занятиями? Чтение рукописей, личная помощь в виде шестнадцати посещений на постановку, которая с высоты его развития явно была пустой, звонки директору «иудо-внутреннику»: слушай, да?.. Именно поэтому сменившие Сталина в Кремле деятели ничтожества, и всегда ими были, а Сталин, бывший *неугодник*, — гений.

Так каким же образом из тысяч и тысяч писателей-лизоблюдов (суверенитистов) можно **практически выделить ещё только будущего** высшего жреца? Ясно, сделать это можно только силой грандиозных возможностей бессознательного.

А набор его разделов у разных людей разный.

Чтобы на научной конференции обсуждать — на равных — брачное поведение бабочек, надо пробежать с сачком не одну сотню километров.

Чтобы обсуждать красоту неба, надо по меньшей мере обладать зрением.

Чтобы уметь понимать, чем *неугодник* принципиально отличается от бескрайнего моря подхалимов (исполнителей-суверенитистов), надо хотя бы на мгновение шагнуть за пределы стаи. Побывать в шкуре *неугодника*.

Из того, что Гитлер не представлял себе, что такое *неугодник* следует, что он ни на секунду не переставал быть подхалимом. Ни в школе, ни в окопах Первой Мировой, ни на равных общаясь с художниками, ни, тем более, когда стал большим папой Европы.

Наполеон тоже не просто, как выразился Лев Толстой, «самонадеянное ничтожество» в период раз-

грабления Европы, но, что очень важно, таковым ничтожеством был всегда. С самого детства его душонка была ничтожной, стадной, подхалимской, вождистской. Потому Наполеон и не умел любить Россию ни в какой период своей жизни.

Весь поначалу окружавший Сталина в Кремле кагал тоже состоял из ничтожеств (ни один не помог Булгакову).

Все они знали жизнь только плоской, в объёме она им не давалась — самонадеянные ничтожества.

А вот Сталин видел в объёме. Хотя ни один биограф Сталина не выявил, когда именно Сталин из дерьма стал перебираться на уровень *теории стаи*. Не выявил не потому, что это трудно, просто у Сталина еще не было достойного его биографа — тоже умеющего видеть жизнь в объёме.

Писать о Сталине имеет право только *неугодник*. Или тот, кто таковым был, но стал «святославом» — прусским правителем Пилеи-Московии-России.

До Толстого более полувека не могли написать историю войны 1812 года, хотя попыток было неисчислимо много. Смысл войны 1812 года в противостоянии *неугодников* великой орде Наполеона, «иудо-внутренническому» прообразу антихриста-«сына». Но вот пришёл Толстой — и у войны 1812 года появился объём.

Певец сибирских просторов Виктор Астафьев, которого нынешние патриоты, до тошноты насмотревшиеся на правоборцев-демократов, представляют как совесть русской нации, перед смертью в 2001 году сказал, что книга о Великой Отечественной ещё не написана (моя «Россия: подноготная любви» с этой мыслью, судя по письмам читателей, каким-то образом до этого захолустья дошла ещё в 1999-м!). Опубликованы библиотеки книг, розданы Ленинские, Государственные и Нобелевские премии — а *книги* нет. Только умный человек мог сказать такое.

Точно так не написана ещё и биография Сталина.

Чтобы написать биографию Сталина, надо, чтобы её автор хотя бы попытался ответить на некоторые естественные для *неугодника* вопросы:

Откуда товарищ Сталин узнал *теорию стаи*?

Были ли у Сталина при освоении *теории стаи* учителя-люди? Или всё осваивалось только по механизмам родовой памяти?

Если Сталину помогла некая организация, то куда она исчезла? Или как себя проявляет в наше время?

И, если никаких консультантов не было, главное:

Каким образом Сталину удалось «вычислить» Булгакова? Ведь в 1926 году Булгаков как мыслитель ещё ничего собой не представлял? Сталин что, умел заглядывать в будущее? Если это ему удавалось, то умея оценить значение «темы Понтия Пилата», кем с точки зрения родовой памяти был Сталин?

Куда ни кинь, удивительные взаимоотношения Сталина и Булгакова — ключ не только к постижению личности Сталина, но и к проблеме государственного благополучия России.

Сталин к тому моменту, когда он перехватил у «иудо-внутренников» власть над Россией, *неугодником*, понятно, уже не был. Если бы он им был, троцкисты выставили бы его из Кремля в первый же день, а охрана и пальцем бы не пошевелила.

И заботился Сталин о Булгакове, увы, не из *неугоднических* чувств.

У вождя интерес всегда один — вождистский.

В *теории стаи* есть раздел, который до сих пор нигде мной не рассмотрен: властелином мира может стать только тот из сверхвождей, кто в своем развитии побывал в шкуре *неугодника* хотя бы

по механизмам родовой памяти. Или достиг уровня *неугодника* — правда, затем низринулся.

Знакомому с Библией хотя бы в русле церковно-иерархических толкований, воспринять эту идею легче: сатана, древний змий, дракон — высшее проявление принципа власти — некогда был Люцифером, то есть «сыном зари», сыном Божьим, ангелом света, архангелом, ведавшим полноту истины (насколько это возможно для творения). Потом от Бога он отвернулся, но память о знании, некогда ему как *неугоднику* открытому сохранил.

Тема эта обширна. В этом удалённом от посторонних глаз чудесном замке есть поразительные по красоте уголки... Дворик у вросшего в землю дома... Полуподвальное окно... Печка в глубине комнаты... И книги... Много книг.

Вождь Сталин так ценил *неугодника-Преемника* потому, что только *неугодник* может извлечь из «кладовых» родовой памяти неожиданные нигде не циркулирующие приложения *теории стаи*. Подхалимы здесь бесполезны: «кладовые» (ступень три-А) родовой памяти для них закрыты. Им доступны одни «помойки» (ступень первая).

В силу того, что *Преемник* на поколение один, заменить его другим *неугодником* невозможно. Не успел он что-то сформулировать, так скажем, про полуподвальное окно в одном из московских двориков (каждое слово этой тайной фразы понятно только прочитавшему «Мастера и Маргариту» и «Психоанализ не того убийства») — и всё, для вождя исчезли все надежды на мировое господство. Для него лично. Навсегда.

Достойный стать властелином мира (или низринувшийся из *неугодничества*, чтобы оберегать метанацию) *неугодников* до времени притеснять не будет, по-

тому что они та незаменимая почва, на которой может произрасти следующий *Преемник* — для потомка этого обладающего объёмом видения вождя. Или десяти-юродного брата.

Вспоминается запись разговора двух писателей, один из которых был, кажется, Чехов. Один другому говорит:

— Вот умрёт Толстой и всё рухнет.

— Что — всё?

— Да вообще — всё...

Преемник Толстой умер в 1910-м — и началась Первая Мировая война. А Булгаков умер в 1940-м, а в 41-м началась Великая Отечественная...

Сталинцами сейчас называют себя странные люди.

По моему разумению, настоящему сталинцу должно нравиться то, что нравилось Сталину, и не нравиться то, что Сталину не нравилось.

Сталин из всех умевших связно писать выделял только Булгакова — а ныне называющие себя сталинцами от упоминания имени Михаила Афанасьевича злобно трясутся.

Сталин — «внешник», и «верных ленинцев», любителей кутежей, чужих особняков и опусов Маркса, внука двух раввинов, перестрелял — как бешеных собак! — не случайно. Они — «иудо-внутренники». А «сталинцы» на Маркса молятся.

Был бы я главраввином и хотел бы убить дело Сталина, именно таких бы и нанял в «сталинцы». Но по счастью для главраввината, они сами пристраиваются в хвост.

Настоящий сталинец — или *неугодник* или «внешник», но некогда *неугодник* Судя по весьма ограниченному сведению, именно таким был и Святослав.

Сталина постоянно винят, что он не подготовил себе смену — дескать, виноват не кто-нибудь, а он, Сталин, что весь последующий XX век в Кремле одно ничтожество сменяло другое.

Но инструкциями и внушениями можно подготовить только подхалимов, если правителей, то только вассалов, лакеев какой-либо мировой стаи, центр которых вне России, что-нибудь вроде Ельцина. **Но «святослава», прорусского вождя-«внешника» с неугодным прошлым можно подготовить, только соединив его с Преемником — то есть с теорией стаи.**

Забываясь о Булгакове, Сталин, всё-таки, заботился не только о себе — и это можно доказать.

Если бы Сталин хотел попользоваться высшими достижениями в *теории стаи* самолично (то есть если бы он был всего лишь кандидатом во властелины мира, но не «святославом»), он бы мог засадить Булгакова в лагерь (с самым красивым ландшафтом в Союзе), перевезти в него хоть все книжные фонды Государственной библиотеки, а для поднятия настроения обитателей этого «рая» выкладывать узоры на клумбах из черной и красной икры — и читать всё написанное Преемником самому и только самому (или вместе с родственниками).

Но мудрый Сталин поступил иначе. Он сделал Булгакову рекламу — причём так, что Булгаков догадался, кто его благодетельствовал, только лет через десять, когда и написал «Пастыря». В этом величие тоже Сталина: хотя до-мастер-и-маргаритное творчество Булгакова и могло вспалить «профессиональных оппозиционеров», однако Сталин решил придать Булгакову сил для исполнения служения высшего гилейского жреца (написания «Мастера...»).

Не стоит полагать, что раз после убийства Сталина до сего дня новый «святослав» не объявился, то усилия Сталина пошли прахом. Благодаря Сталину удалось «зацепить» Льва Николаевича Гумилёва. Того са-

мого Льва Николаевича Гумилёва, который после допросов «иудо-внутренников», лёжа на асфальтовом полу под лубянскими нарамами, писал стихи про Россию как самое лучшее место на земле, и на Сталина нисколько не обижался. А «святослав» придёт. Только придёт он особенным образом. Это наши демократы сами лезут во власть, а русскому человеку лезть самому за падла. Он будет приглашён. Видимо, кем-то из высшего гилейского жречества.

Врут они, что Сталин о высших кадрах не заботился. Заботился. Только вот те, кого ныне допускают до информационных площадок, и чьи оценивающие Сталина голоса только и слышны, настолько ничтожны, что не в состоянии подняться до уровня, на котором становится понятно, каким образом Сталин расчищал дорогу следующему «святославу».

Ей-Богу, чем больше узнаю о Сталине, тем больше начинаю его уважать. Различить *Преемника* ещё прежде, чем он завершил «Мастера и Маргариту»!

Я не отказываюсь от всего того, что написал в «Катарсисе» о темных сторонах личности Сталина, включая и те, которые до «Катарсиса» нигде не были раскрыты, но цветы к его бюсту вместе с экземпляром этой книги непременно отнесу. Скажем, у Кремлёвской стены. Но, может быть, и в другом месте.

С таким местом, действительно, есть проблема. Подобно тому как о Сталине ещё не написана достойная его книга, так до сих пор не создан и достойный ему памятник.

Дело не в грандиозности проекта. А в том, что до сих пор подчёркивалась вождистская сторона этого человека, а велик он стороной противоположной. Постигается Сталин через его помощь высшему гилейскому жрецу. И что

меня особенно поражает, помог тайно для всех — и всю жизнь по этому поводу молчал!

Последнее для меня высший пилотаж — меня хотя в связи с «Катарсисом» и хвалят, причём люди явно выдающиеся, но мне всё мало и начинаю хвалить себя сам. Почти на манер Александра Сергеевича: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» А Сталин смолчал — и молчал всю жизнь.

Я, конечно, не скульптор, но и не настолько лишён вкуса, чтобы предложить памятник в виде фигур Сталина и Булгакова, рука об руку идущих в сторону Солнца.

Величие Сталина в его первой точке пересечения с Булгаковым. А в то время Булгаков ещё ходил в продранных ботинках и каждый день пил разливное пиво (более дешёвое, чем бутылочное) в одной из самых дешёвых забегаловок Москвы.

Как это ни пошло на первый взгляд, но именно таким и видится мне будущий высший гилейский жрец, автор «Мастера и Маргариты». Он Сталина не видит, а ведь Сталин со своей вечной трубочкой наверняка выходил «на плэ-нер», чтобы увидеть равного себе. (В то время Сталин ходил по улицам Москвы один, без охраны — отважный был человек, ведь Гражданская война закончилась лишь формально, «иудо-внутренники» не стеснялись устраивать террористические акции.) Сталин умел конспирироваться, так что не удивлюсь, если в вечности узнаю, что в той пивной, в которую обычно заходил Булгаков, однажды вдруг появился сухорукий человек кавказской внешности с наглухо надвинутой на глаза кепкой, заказал пива (для конспирации?!) и в ожидании вытащил из кармана трубку и, набив её «Герцоговиной Флор», не торопясь, закурил...

Я не знаю, как в этой на первый взгляд отнюдь не величественной сцене передать, что встретились два величайших человека XX века, и как при этом передать идею родовой памяти и метанагии, но, видимо, можно. Да и Понтий Пилат там отнюдь не лишний...

«Странное напряжение пульсирует вокруг имени «Понтий Пилат» — и счастлив тот, кто в это напряжение вовлечён.

Ничто не случайно: последнюю восьмую редакцию «Мастера...» всего лишь сорокадевятилетний Михаил Булгаков завершал ценой невыносимых болей. Одними из последних его слов были: «Чтоб знали... Чтоб знали...» Так беллетристику про любовь и ведьм не пишут...

Трудно поверить, что до сих пор никто зашифрованного в романе Тайного Знания понять не смог, потому напрашивается предположение, что у посвящённых есть основание молчать. Так ли один страх?

Грандиозные орды обычных булгаковедов по всему миру шуршат шелухой, не в состоянии подтянуться даже к ключевому вопросу: с чего это *Маргарита так ценила роман мастера?* В чём причина столь мощной зависимости от романа красивейшей женщины, сверхженщины, сверхтипичной женщины и потому — королевы Великого Бала?

Познание глубинной психологии, понятно, лишь первая ступень к Тайному Знанию...

Читать «КАТАРСИС» можно начинать с любого тома, более того, это ещё вопрос, с какого лучше. Напоминаем: *катарсис* — слово, как полагают, греческого про-

исхождения, означающее глубинное очищение, сопровождаемое наивысшим наслаждением.

Странный интерес пульсирует вокруг имени «Понтий Пилат» — и воистину счастлив тот, кто в эту странность вовлечён...»

Аннотация к «Психоанализу
не того убийства»

Счастье — это когда тебя понимают. Это другая формулировка принципа «подобное к подобному». Михаил Булгаков знал, что за границей его понимать некому. А здесь, в Гилее, его понял сам Сталин, первый за последнюю тысячу лет «святослав». Так что Булгакова, *неугодника* и *Преемника*, вымести из России и поганой метлой было бы невозможно. Как и вообще всякого *неугодника*.

Помните про две системы познания — для дураков и умных?

Нижеприведённый текст комментариев Евангелия о самом Понтии Пилате ровным счётом ничего не говорит. Так, упражнение для тех, кто, оказавшись на балконе рядом с представителем главраввината, о роли которого в мировой системе власти догадывается не так уж и мало людей, сумел бы воспользоваться редкой возможностью и овладеть мёртвой водой. Упражнение упражнением, но ведь очевидно, что перед владеющим *теорией стаи* со страниц Евангелия открывается совсем другая картина, чем перед суверенитистами.

Иная.

Психологически достоверная.

Что бы ни говорил суверенитист, как бы профессионально он себя не расхваливал, но для него Евангелие не более чем дурилка.

А ведь Евангелие в свете *теории стаи* открывает грандиозные возможности.

**Глава двенадцатая из третьего тома
«Катарсиса» — «Понтий Пилат:
психоанализ не того убийства»**

ЖЕНЩИНА И КРЕСТИТЕЛЬ

— Понимаю... Я должна ему отдаться, — сказала Маргарита задумчиво.

...рожу Азазелло перекосило смешком, — но я разочарую вас, этого не будет.

*М.Булгаков. Мастер и Маргарита.
Глава 19 («Маргарита»)*

...Королева Марго Валуа, с подачи которой отсекают голову её любовнику...

...Маргарита, пьющая кровь барона Майгеля из черепа Берлиоза (Берлиоз — упрощённый вариант мастера: Христа пытается уничтожить не тонким, а потому притягательным искажением Его образа, а путём грубым и потому менее эффективным — Его отрицанием)...

...Интерес толпы в Варьете, когда кот Бегемот отрывает голову конферансье (в демонологии Бегемот — высший бес среди бесов, принимающих облик животных; Маргарита — повелительница бесов, соответственно, Бегемот — самый скорый исполнитель именно её воли, своеобразный начальник охраны)...

...Уна, вокруг которой отрезанные головы разве что не громоздятся. Даже уходящий в Галилею Киник, человек, защищённый здоровым мировоззрением, чувствует, что ему по воле наместницы хотят отрезать голову...

Естественно, немедленно вспоминается известный евангельский эпизод с усекновением головы Иоанна Крестителя.

Эпизод этот тоже, если вчитаться, оказывается наполнен тайным знанием — толпарями упорно не замечаемым.

Ибо сей Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что женился на ней.

Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего.

Иродиада же, злобясь на него, желала убить его; но не могла.

Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берёт его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его.

Настал удобный день, когда Ирод, по случаю дня рождения своего делал пир вельможам своим, тысяченачальникам и старейшинам Галилейским. —

Дочь Иродиады вошла, плясала и угодила Ироду и возлежавшим с ним. Царь сказал девице: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе.

И клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства.

Она вышла и спросила у матери своей: чего просить? Та отвечала: головы Иоанна Крестителя.

И она тотчас пошла с поспешностью к царю и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя.

Царь опечалился; но, ради клятвы и возлежавших с ним, не захотел отказать ей.

И тотчас послав оруженосца, царь повелел принести голову его.

Он пошёл, отсёк ему голову в темнице, и принёс голову его на блюде и отдал её девице, а девица отдала её матери своей.

Ученики его, услышавши, пришли и взяли тело его и положили его во гробе.

Марк 6:17–29

Взглянем на происходящее глазами Иродиады, но не глазами царицы, украшенной дорогостоящими атрибутами власти и вызывавшей безотчётный пиетет у тол-

пы, а глазами её — как невротического элемента стаи. Функциональное назначение этого элемента принято обозначать словом «женщина».

Вернее, не столько взглянем, сколько постараемся вжиться.

Женщина Иродиада живёт с мужем — Иродом Антипой. У неё прежде уже был муж — Ирод Филипп. Ирод Антипа и Ирод Филипп сводные братья (отец — Ирод Великий, матери — разные). Ирод Филипп был лишён отцом, Иродом Великим, права на царствование в пользу Ирода Антипы. Видимо, Филипп был слабоват как вождь — так, обыкновенный карьерист, не лидер и, уж конечно, не мыслитель; отнюдь не *неугодник* — уехал жить в Рим. Таким образом, отпуская Филиппа и прибирая к рукам Антипу, Иродиада приобретала царство.

Из всех остальных деталей жизни Иродиады также видно, что любила она не мужей, а власть. Невзирая на то, что последствия её поступков бедственны для её соплеменников. Так, Ирода Антипу она принудила выгнать предыдущую жену, дочь одного из арабских царей, из-за чего возникла война с арабами, война, которую евреи проиграли.

Сама Иродиада — потомственная правительница, внучка Ирода Великого ещё от одной его жены, то есть оба мужа были ей сводными дядьями.

Когда выходишь замуж за брата мужа, то для преодоления препятствия совести требуется некоторое усилие. Обычно в таких случаях *они* производят, выражаясь психоаналитическим языком, *вытеснение*. В результате чего в её выдуманной психологической «реальности» предыдущего мужа (Филиппа) нет — ну не было его никогда и всё! — а есть только муж Ирод. Словом, она впервые замужем. И возмущения народа поведением своей обмаранной царицы она просто *не понимает*. Распространённый вариант подкрепления: отказ от религии, которая прелюбодеяние осуждает.

Если угодно, это можно назвать религиозной реформацией.

Но все приведённые выше детали, которые сохранены светской историей и которые несложно найти в справочниках, для постижения основ жизни не важны: главные попали в Евангелие — помыкавшая своим мужем Иродиада преуспела в преодолении нравственных препятствий и была властолюбива со всеми сопутствующими чертами: некрофиличностью, гипнабельностью, стадностью, неадекватностью, невротичностью, истеричностью, завистливостью и т. п.

Итак, живёт женщина с мужем, живёт, но вот на границе супружеского дома начинает маячить мужчина — поджарый (подолгу постился в жаркой пустыне; да и вообще толпа ценила Крестителя не за мысли, которые он высказывал и которые она не понимала, а за внешний антураж, который полностью соответствовал представлениям толпы о пророке, усиленный пост — часть этого антуража; Христос постом не злоупотреблял, чем вызывал у толпы нарекания), и этот мужчина, обращаясь к её мужу, начинает требовать: «...не должно тебе иметь жену брата твоего» (Марк 6:18).

Кто для Иродиады Иоанн Креститель? С точки зрения реалий женской психологии?

...Вспоминается рассказ одного человека времён «внутреннического» периода якобы социализма, когда Библия была ещё запрещена — и, в силу одного только этого, воспринималась как ценность, а порой и как великая сила. Обратился ли упомянутый человек истинно или «как все», не суть важно: нам сейчас достаточно, что он стал читать Библию как слово Божье. Состояние известное: новые мысли просто переполняют душу! И кажется, что стоит только другим о некоторых евангельских идеях рассказать, как они тоже с упоением начнут вчитываться в отточенные слова Писания, изменятся, начнут мыслить, постигать, станут чище, порядочней, луч-

ше... Этот новообращённый тоже пытался своё потрясение передать окружающим — всем подряд. В том числе и одной девице — с которой только что познакомился.

Рассказывает он ей взахлёб, листая, зачитывает особо содержательные, интересные, с точки зрения его уровня развития, места. Она кивает, восторгается, повторяет многие фразы: «Нагорная проповедь»; «все — братья-сёстры», «нравственная, чистая жизнь, главное — честная»... Человек этот на вершине блаженства, чувствует себя миссионером, учеником Христа, «ловцом человеков»...

А тут эта девица ему и говорит:

— Ну хорошо, а когда, наконец, мы в постель-то ляжем?..

— ...

Как говорится, немая сцена.

Эта девица его слова, конечно, *понимала* — так, как *они* вообще обычно всё *понимают*.

Усилие мысли, возможно, и было, но оно, как оказалось, отступило перед закреплённой тысячелетиями психологической схемой: если женщина видит мужчину, который согласился с ней разговаривать, к ней обращается, её выделил из ряда прочих, то, следовательно, что бы он ни говорил — это всего лишь прелюдия. Известно к чему.

Эта девица не исключение. Во всех сектах и посвящённые всех церквей знают: мужчине проповедовать женщине бесполезно. Она всё равно будет представлять то, что, даже всего лишь разговаривая с мужчиной, обычно представляет. Она может кивать. Может читать указанное в Писании место. Рассуждать о преобразующей силе Святого Духа. Но известная психологическая схема всё равно пересилит.

Причём неважно, фригидная она явно или скрывает это за кривляньями.

С детьми или без оных.
Замужем или «свободна».
И так далее.

Ведь проповедующий в силу того уже, что к ней обратился и, следовательно, её выделил, — в её чувствах на неё уже покусился, то есть он — её потенциальный любовник. Ничего не происходит? Медлит? Пустяки! Неважно. Прелюдия увлекательней собственно процесса. Так что потенциальный — всё равно что состоявшийся. Главное — **любовник**.

Тем более, если он, как в случае с Иродиадой, недоволен наличием у неё взаимоотношений с другим мужчиной.

Такова жизнь.

Практика.

Такова психология реальной женщины.

Иродиада не исключение.

Вспомните: в Евангелиях везде отмечается, что со словами обличения Иоанн обращался *только* к Ироду. Потому что и в те времена тоже обращаться к женщине было бесполезно — тем более что, как и в случае всякой «королевы красоты», надеяться на обнаружение у неё критического мышления, основывающегося единственно на нравственности, не приходилось.

Итак, для Иродиады возмущающийся «поджарый» — **любовник**. Объект страстной любви. Но не только потому, что он «обратил на неё внимание» и запрещал ей, выражаясь психоаналитически, канализировать часть сексуальной энергии с Иродом Антипой.

Необычная худоба! Она свойственна не только постникам. Ещё она отождествляется с людьми больными. А болезни просто так не появляются — нередко это признак яркой некрофилии. Иными словами, худоба — это своеобразный оккультный «знак могущества», запускающий невроз страстной любви.

В сущности, худоба — это всё, что визуально воспринимала женщина Иродиада от Иоанна Крестителя — напрямую он с ней не общался, если она его видела, то только издали. Или его, поджарого, представляла — по рассказам подруг, ей подобных. Или верной прислуги.

Итак, Иродиада чувствовала себя в классическом любовном треугольнике:

- скучный муж;
- она, любимая и умная;
- пылкий, ничего не боящийся, даже смерти, возлюбленный.

Но почему Ирод — скучный? Ведь его, насколько мне известно, во всех религиозных деноминациях представляют эдаким сексуально одержимым маньяком? И даже весельчаком — пиры-де любил и вообще.

Вывод о сексуальной одержимости Ирода делается якобы на основании того, что он готов был отдать полцарства за то, что посмотрел на юную подтянутую плоть танцующей дочери Иродиады, своей племянницы. Похотливый, дескать, царь, для него центр всего — половые органы.

Не знаю, кто сформулировал этот утвердившийся в иерархобогословии вывод: женщина ли, которая не представляет, как устроен мужчина, богословские ли авторитеты-врали (те самые нравственные уроды, которые поддержали иерусалимских коллег в той вере, что женщина, взятая якобы в прелюбодеянии, — первая в Иерусалиме шлюха).

На самом деле жизнь устроена так, какова она в действительности, а не так, как хочется её видеть толпе и авторитетам.

Сколько лет было Ироду?

Судя по тому, что у Иродиады была великовозрастная дочь, ей было как минимум лет под сорок, соответственно, Ироду было больше.

Сексуальность — если под сексуальностью понимать весь спектр взаимоотношений с противоположным полом — после сорока иная, чем в первой молодости. Да и в двадцать лет не всякий мужчина бросается на всё, что шевелится, пусть даже после длительного воздержания. А Ирод не был обречён на воздержание даже, что называется, с молодых ногтей. Обилие денег, бессознательная активность всех служанок в присутствии наследственного вождя, подкреплённая предугадыванием материального благополучия вне зависимости от продолжительности взаимоотношений... Попойки в компании других подобных иродов, непременной составляющей которых были «доброжелательные» гетеры или кинеды... Словом, никакие просто женские формы не могут заинтересовать пресыщенного и перешагнувшего сорокалетний рубеж наследственного правителя — во-первых, потому что сорокалетнего, во-вторых, потому что пресыщенного, в-третьих, потому что правителя.

Вот если бы впасть в транс...

Тогда — другое дело.

Ирод в транс и впал — разгорячённый алкоголем и от танца племянницы, наследственной королевы красоты, властительницы, обладательницы родовой памяти о разнообразных «знаках могущества», в том числе посвящённой в технологию подачи «знаков могущества» телодвижениями якобы эротического танца. Ирод и в этом отношении — обыкновенный элемент иерархии-стаи.

Итак, скучен царь Ирод хотя бы потому, что быстро становится скучен вообще всякий уже поработанный торчок. Кстати, весьма вероятно, что Ирод был импотентом — пьянство, личная безнравственность (Христос перед Распятием, кстати, не сказал ему, в отличие от Пилата, ни слова — всё равно не поймёт, умер ещё задолго до Великой Пасхи). Тип «сексуальности» его жены,

выражаясь языком Фрейда, явно анально-накопительский: преступление против брата, преступление против предыдущей жены, преступление против своего народа. И это только то, что сохранилось в письменных источниках...

Вот и получается треугольник:

- скучный торчок;
- королева красоты;
- поджарый...

Всё тот же любовный треугольник, что и у королевы Марго, Маргариты, Уны! Иродиада — та же королева Великого шабаша: ведь подавляющие мать и дочь — одно. В своё время и Иродиада могла ввести в такой транс, что любой торчок был готов отдать даже полцарства. А Ирод-раб и вовсе отдал ей всё.

Да, всё тот же любовный треугольник, и то же внутри него нестандартное поведение: обезглавливание «возлюбленного»!

Отсечённая голова — характерная деталь.

Кстати, ещё одна немаловажная деталь: голову Крестителя Иродиада не выбросила. Это следует из того, что ученики похоронили, как написано, лишь туловище (Матф. 14:12; Марк 6:29). Надругательство? Да, бывает, люди устраивают глумление над телом врага. Но подавляющее, если не абсолютное большинство людей, к усопшим испытывают пиетет — в том смысле, что похороны даже врагов должны быть достойными и вообще состояться. И если бы голова Крестителя Иродиаде не была нужна для дальнейших манипуляций, то что стоило, скажем, начальнику дворцовой охраны приказать уборщице отнести голову к телу. Или хотя бы на помойку — там бы её ученики Иоанна подобрали. Однако ученики смогли похоронить лишь туловище. Следовательно, Иродиада голову сохранила.

Головы она желала. Именно головы, а не прекращения проповеди, как пытаются нам внушить иерархобогословы. Во-первых, Креститель уже давно всё сказал, а во-вторых, его можно было просто задушить или заколоть. Или отсечь голову, но на блюде во дворец не приносить.

Что Иродиада сделала с отрезанной головой?

В Евангелии не написано.

Зачем писать — мыслящий и так легко догадается.

Очевидно, что наследственная царица сохранила голову с целью время от времени её созерцать (в оккультном смысле слова). Так поступали не только женщины Средневековья, подобные королеве Марго. И неважно, как это любование сами созерцающие рационализировали. Верить самообъяснениям некрофилов-невротиков бессмысленно.

Итак, Иродиада удивительным образом напоминает Уну: жена властителя некой территории (пусть лишь Галилеи, незначительной части провинции Сирия), она в состоянии ввести в транс торчка одним лишь танцем (в «Понтии Пилате» — стражников из засады), а в любовном треугольнике обезглавливает возлюбленного — чужими руками — **руками мужа!** (Пилат это чуть не выполнил буквально, а потом — *как компромисс!* — голову лишь размозжил.)

Такое совпадение не случайно.

И вообще, **поведение двух особо гипнабельных «патрицианок»-современниц не может быть психоэнергетически не связанным.**

Кстати, это подразумевает общность предка — пусть далёкого. Ведь общая травма, застревающая в родовой памяти, собственно и обеспечивает основу для психоэнергетического объединения в единую стаю.

Очевидно, кто-то кого-то «вёл».

Уна — Иродиаду?

Или Иродиада — Уну?

Кто кого?

Действительно, Уна и Иродиада, находясь в одной провинции одновременно, будучи в административной иерархии почти на одном уровне, не могли существовать друг от друга психоэнергетически независимо.

Они присутствовали друг в друге даже в логических построениях.

Видеть в Клавдии Прокуле и Иродиаде лишь соперниц — упрощение.

Соперничество, безусловно, важный фактор их жизни, определявший ряд чувств и мыслей. Скажем, можно не сомневаться, что обе перед мужьями обличали «эту дрянь». У каждой были причины друг друга ненавидеть. Одна видела величие царей, и дед её строил великие дворцы, а другая видела ничтожество потомков этих царей — и жила в одном из дворцов, построенном Иродом Великим, а теперь принадлежащем Риму.

Но они всё равно систематически встречались на «дружеских посиделках».

Как это обычно бывает — чтобы похвастаться.

Несмотря на то, что их несхожие мужья не общались. (С одним Иисус беседовал, а с другим — нет. Как мы узнаём из Евангелия, «подружились» Пилат с Иродом лишь после Распятия; тут одно из двух: или их объединила общность преступления, или Пилат, как несколько более высокопоставленный в иерархии, снизошёл к бесперспективному тетрарху Галилеи просто для того, чтобы досконально выведать, как перед ним вёл себя Иисус.)

А вот Иродиада и Уна, каковы бы ни были оттенки их дружбы-ненависти, являлись, как это обычно и бывает, близкими копиями друг друга.

Кто у кого был в психоэнергетической зависимости — Уна у Иродиады или Иродиада у Уны — один из вопросов, разбираемых в главе *«Парадоксы самоощущений в семье префекта-прокуратора»*. Сейчас для ре-

шения поставленной задачи вполне достаточно того осознания, что гранд-дамы одна другую повторяли. (Как, впрочем, психозэнергетически не были изолированы и дочери-жёны первосвященников иудейских.)

А раз повторяли, раз в жизни одной была отсечённая голова «любовника»-пророка, то, следовательно, и другая непременно — бессознательно — проваливалась в тот же синдром властительницы. Уже из одного только описания пиршества у Ирода мыслящий человек может убедиться, что и **жена Пилата тоже бредила отсечённой головой своего возлюбленного.**

Кто из двух возмечтал раньше?

Вернее, у кого прежде проснулась эта унаследованная от предков мечта и достигла силы страсти?

Кто первым её исполнил?

Была ли у Иродиады голова Крестителя первой?

Скорее всего, Уна и прежде держала в руках отсечённые головы: это «знак могущества» на высшем уровне посвящения любого правителя-мага, и Уна не могла не пройти какие-нибудь ритуалы вроде того, которым правящая сектантская иерархия пыталась подчинить разум Пьера Безухова.

В Евангелии о жене Пилата как буквальном головорезе прямо не говорится — кто был цензором субэвангелий, читатель разберётся несколько позже. Да и так ли уж обязательно об этом сообщать? Достаточно сказать, что Иродиада заказала голову Иоанна Крестителя на блюде — и дальше всё с Уной понятно.

Тем более, если вспомнить, как подробно в Евангелии рассказано об активном участии завистливой жены Пилата в казни другого Пророка — Иисуса. Вообще несложно догадаться, что это Уна была против побиения Иисуса камнями — неминуемо была бы подпорчена голова «любовника»... И воля её, как мы знаем, была исполнена.

Итак, если вспомнить, что Уна, как наследственная высшая правительница, не могла не хотеть сделать Пилату карьеру, то немедленно перед глазами появляется восходящая луна, тёмные проулки улиц на пути к кварталу удовольствий и смутные тени охранников-преторианцев, заломивших кому-то руки и притаившихся в ожидании идущего на любовное свидание ряженого мужа их госпожи...

**Глава тридцать седьмая из третьего тома
«Катарсиса» — «Понтий Пилат:
психоанализ не того убийства»**

ТАЙНЫЙ ЯЗЫК «БАГРЯНИЦЫ»

Тогда воины правителя, взявши Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк

И, раздевши Его, надели на Него багряницу;

И, сплётши венец из тёрна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!

И плевали на Него и, взявши трость, били Его по голове.

И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие.

Матф. 27:27-31

У Марка изложение скуднее, ни единой дополнительной детали, Лука и вовсе не сообщает ничего. Опасное, видимо, место.

Иоанн, который, напомним, набрался мужества поведать о корнях реальной жизни церкви, только достигнув глубокой старости, в рассматриваемом эпизоде тоже

должен был добавить ту самую деталь, которая могла кардинально изменить смысл официозной полуправды.

И он её добавляет!

Пилат опять вышел и сказал им: вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нём никакой вины.

Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: се, Человек!

Иоан. 19:4,5

Вот оказывается, в чём дело! Если бы Христос был в «багрянице» только во дворе претории, то Пилат вполне мог Его в таком виде и не увидеть. Одеди, поглумились — и обратно переодеди. Однако, что для *неугодников* важно, Пилат Его увидел!

Эпизод этот иерархобогословами всех деноминаций трактуется одинаково: после того как евреи своим экзальтированным поведением при въезде Иисуса в Иерусалим фактически признали Иисуса царём, римляне сделали то же самое — да исполнятся чудесные пророчества Ветхого Завета о Христе как царе-Администраторе! Нам, дескать, в укрепление веры.

Чудеса и исполнение пророчеств как основание веры... На это «повелись» Иуда с Петром, и не они одни, а в веках «повелись» и элементы известных иерархий.

В чём же действительный смысл происходивших событий?

Почему Иисус допустил именно *такое* над Собой надругательство?

С кем Он Своим видом хотел облегчить общение?

Евреям римское одеяние не говорило ровным счётом ничего, так же, впрочем, как и легионерам, набранным в основном на территориях восточных провинций Империи; следовательно, трабея была надета кого-то в претории, кто был знаком с римскими традициями. И человек этот претории не покидал — легионеры же стояли в оцеплении и в Гефсимании, и вокруг Голгофы.

Богословы говорят, что воины могли обрядить Христа только в подручный материал — армейский кроваво-красный плащ. Он, дескать, похож на царский (**древних** римских царей! — А.М.), вкупе с «тростью» — полный антураж царя.

Жаль только не добавляют, что для того, чтобы кроваво-красный армейский плащ мог в глазах римского сотника стать царским одеянием, *его надо было завязать не как армейский плащ, а на манер трабеи.*

Вообще говоря, трабеи были только трёх типов и отличались только цветом (см. *Жреческие коллегии в Раннем Риме.* М.: Наука, 2001. С. 90).

Трабеи пурпурного цвета носили только жрецы (различных коллегий, кроме авгуров).

Пурпурные с чем-либо белым (полосой, белым полем) носили цари.

Пурпурно-Алые (ближе к цвету кроваво-красного армейского плаща) носили авгуры.

Но на Христа была накинута «багряница»! Да и сомнительно, чтобы кто либо в претории решился ходить в царском одеянии.

Пурпурно-Алые трабеи могли носить не только авгуры, но и цари — но только те из них, кто был кооптирован в авгурскую коллегию. Положение авгура выше положения царя — потому и такая трабея.

Значит, Иисус в «багрянице» был не столько царём, сколько авгуром?

Это меняет дело.

Авгуры рукополагали на царство. Происходило это следующим образом: претендент на царство преклонял колена, авгур возлагал ему на голову руку, затем специальным жезлом (*lituus*) разделял небосвод на две части — если первая появившаяся птица оказывалась в правой половине, это считалось благоприятным знаком от богов.

Священный жезл авгура был изогнут, но, несмотря на это, у древних он ассоциировался с... копьём! Объяснений тому, видимо, можно найти немало. А может, всё проще простого: священный жезл по форме больше всего напоминал фаллос.

Итак, кого увидел Пилат — а он после первой беседы со Христом уже не мог не задуматься особенным образом, — когда со двора претории ввели Иисуса?

Почему Провидение, да и Сам всемогущий Христос допустили именно такое над Ним надругательство? Так ли уж ради исполнения пророчеств? Чтобы в веках умилялись элементы иерархий?

А вот «пилат»-Толстой весьма отрицательно относился к чудесам (как основанию для веры) и тем от жидовно ненавидящей его православной массы отличался. И Лев Николаевич не единственный такой «пилат».

Иисус с теми, с кем говорить было бесполезно, не только не разговаривал, но и тем более не допускал никакого дополнительного над Истиной надругательства. Из одного только этого следует, что «багряница» была символом для кого-то из спасаемых, с кем не только можно было «заговорить», лишь проникнув в преторию, но и кто по меньшей мере подсознательно отождествлял себя с *копьеносцем*...

На него и указывает «любимый ученик Иисуса», ещё в первой молодости отличавшийся от остальных апостолов мужеством. Так и написано: на второй раунд беседы к Пилату вошёл *Копьеносец*.

Только Иоанн, кстати, пишет и о беседе Иисуса с Нафанаилом — который, среди прочего, был покорён тем, что Иисус знал о нём самое сокровенное. Пожалуй что и тайное. То же самое можно сказать и о Пилате. Ведь не всякому признаешься, что в сумерках, удалив всех часовых и прислугу, ты выходишь в колоннаду Иродового дворца торжественной поступью жреца и простираешь к небосводу свою крепкую руку...

Когда я узнал про виды трабей, первым моим движением было переодеть Пилата. Но отчётливое ощущение, что всё это идёт только от логики, оставило. В самом деле: если уж «императрица» изымала из коллекции мужа к`опья, то уж тем более на половине правителя было не сыскать не то что трабеи, но даже и обычного кроваво-красного армейского плаща...

И ещё одна деталь. Должность префекта подразумевала присутствие двух уполномоченных Римом авгуров. Сопровождали ли эти доносчики семью префекта в их поездке в Иерусалим на Пасху, или они остались в Кесарии?

А если сопровождали, то должны были свою ненависть к Истине каким-то образом проявить.

Так, может быть, «багряница» Иисуса была вовсе не армейским плащом, а трабеей авгура?

А «трость» вовсе не подобранной во дворе претории кривой веткой, а изогнутым жезлом?

Мой тесть, бессознательный носитель тайн высшего еврейского жречества, скорее всего, прямой потомок тех первосвященников, которые добились распятия Христа и от начала добивались изгнания из их среды Пилата, плюс к тайным знаниям об устройстве человеческого сообщества не мог, естественно, не унаследовать от своих предков и их вкусов — и меня не любил.

Хотя в глаза и улыбался — очень может быть, в точности так же, как Пилату улыбались евангельские первосвященники при встречах, которых не могли избежать.

Но с каким бы смыслом тесть мне ни улыбался, тайное знание, обеспечивающее господствующее положение «иудо-внутреннической» братве повсюду в мире, он от меня охранял крепко. Даже в ситуациях, к которым обязывало наше породнение, и, казалось бы, совсем уж безвыходных, на прямые вопросы ему удавалось ограничиться лишь краткими и потому многозначными обмолвками.

Сотнями лет тайное знание, ведущее человека к высотам карьеры *им* охранять удавалось. Но вот в XX веке *планида* и *рок* оказались явно не на стороне *главраввината*. (Смысл русских слов *планида*, *рок* *назначение*, *предназначение*, *удел*, *участь* и *судьба* разъясняется в «*Психоанализе не того убийства*».)

Главраввинат в лице моего тестя не проиграл, не сдался — он оказался побеждён. Так уж распорядилась жизнь, что в его русском зяте — по рождению, то есть по не зависящим от меня обстоятельствам, а это и есть *планида*! — слилось всё то, что разные системы психологии называют особой предрасположенностью к решению задач наивысшей сложности.

Кто психологией, а именно типологией людей не интересуется, тому объяснять нижеприведённые параметры, пожалуй что и бесполезно, а тем, кто интересуется, их достаточно лишь перечислить:

по Зодиаку — Водолей,
по Восточному гороскопу — Петух,
поздний ребёнок дальше некуда,
родился в семье научных работников высшего уровня,

и имя, и фамилия вполне «водолейские».

Что до имени, то, сколько себя помню, стоило мне кому-нибудь несуетному представиться: «Алексей», — то он тут же как эхо отзывался: «О!.. Алексей — Божий человек!». И так беспрестанно повторялось даже во времена всеобщего атеизма. Причём в те времена даже чаще, чем в нынешние — не берусь обсуждать почему.

Как сказал в личной беседе знаменитый Н. Н. Вашкевич, если значение фамилии Александра Меня (основателя нынешней волны официального православия, типичного «иудо-внутренника») — «смысл» (ср. с английским meaning; смысл вообще, то есть свободно плавающий между назначением и предназначением), то «меняйлов» — это уже «небесный, высший смысл».

Может, это из-за смысла фамилии, обязывающей даже в быту сообразовываться с высшей правдой, ни одна из моих жён не захотела взять мою фамилию? Со всеми затем вытекающими для меня последствиями...

Но и без выпавшей мне *планиды* были у меня и собственные наработки. Вопреки семейной традиции работать в геологии, я стал химиком. Казалось бы, пустяк, но с помощью Н. Н. Вашкевича выяснилось, что нет. «Химия» и «семия» на одном из управляющих системных языков мозга (на котором прочитывается и

бессознательное значение «меняйлова») переводятся одинаково, и означают всё тот же «смысл» (семантика — наука о смысле и значении слов). Так что известное выражение «химики глупыми не бывают» отнюдь не бахвальство самих химиков, просто значение слова, обозначающее профессию, не только привлекательно для некоторой части населения, но и влияет на своего носителя...

Перечисленные шесть параметров моей *планиды* лишь начало списка — кто заинтересовался возможностями глубинного самоизучения, может заглянуть в «Катарсис», там параметры выстраиваются в список более обширный. И все эти параметры — как на заказ? — сходятся в одной точке: смысл, смысл, смысл, небесный смысл!

А вот *рок* по жизни моего тестя, напротив, прошёлся таким образом, что стать слабой точкой главраввинатского монолита он был попросту обречён. Одно то, что он в Войну лишился всех ближних родственников, многое определяет: одинокий еврей обычно представляет собой если и не противоположность единоплеменной массы, то нечто от неё отличное (более человечное). Тем более, рос он потом в детдоме.

Мой тесть в Войну спасся почти чудом — об этом в «Катарсисе» есть упоминание — и, думается, это было *допущено* не случайно. Если угодно, ему на роду было написано заполнить вакуум знаний о главраввинском роде (добившихся распятия Христа) — социальном образовании еще более закрытом, чем любой самый тайный Орден в истории человечества.

Итак, сама жизнь явно распорядилась таким образом, что чаша весов была искусно склонена не в пользу главраввината — уникальный случай!

Выражаясь богословским языком, настала полнота времени.

Итак, непривычные логические выводы моего текста из привычных обстоятельств криком кричали о некоем тайном знании, которым владеет главраввинат — и о необходимости их расшифровки, если хочется встать с колен и оказаться с ними хотя бы на одном уровне.

Сверхрасполагающая к тому *планида* необходима, но даже на добротную основу радующий глаз узор — как в ковроткачестве — может нанести только рука мастера. А с Учителями, как я теперь понимаю, мне особенно везло, хотя намеренно я их никогда не искал — они всегда приходили сами, что тоже, видимо, основание для каких-то обобщений.

Если не считать отца, то первым по порядку Учителем считаю Льва Николаевича Толстого. До рассыпанных по страницам его книг сокровищ даже люди достойные добиваются десятилетиями, и достигают их в лучшем случае перевалив сорокалетний рубеж, а то и вовсе после шестидесяти. И это не говоря уж о том, что большинство людей до книг Льва Николаевича не дорастают вовсе — имя им легион. А я первый раз «проглотил» собрание сочинений Льва Николаевича, когда мне было всего тринадцать-четырнадцать лет — когда стал, в сущности, сиротой.

А уже в шестнадцать мне была предоставлена возможность заглянуть в святая святых главраввината.

Впоследствии, разумеется, я достаточно долго изучал и богословие (и не только христианское), изучал вполне каноническим способом, и даже несколько лет работал переводчиком богословских текстов. Естественно, общался с всякими-разными докторами богословия из разных стран — увы, оказавшихся лишь богословской массой, исторгающей суверенитическую болтологию с «иудо-внутренническим» отливом. Они сами — марионетки, но втройне винов-

ные в своём скотском состоянии потому, что у них был доступ к содержательным книгам (вроде «Мастера и Маргариты»). Уж кто-кто, а эти богословы холуи добровольные, а чему у таких можно научиться?

В богословском мире для мыслящего человека ценны только межконфессиональные дискуссии — тем, что могут пробудить сомнение в исходных постулатах, на которых путём логических построений строится то здание, которое принято называть мировоззрением. Не случайно этих дискуссий так панически боится начальство церквей и сект.

Конечно, каждый человек представляет собой конспект всей истории человечества — пусть он скопирован, но при желании он всё равно читаем. В этом смысле каждый человек — кладёзь познания и Учитель. Но есть встречи, которые обогащают взрывообразно.

Расскажу о встрече, о которой я никогда и нигде ещё не писал.

Подобно тому как меня постоянно «припечатывали» «Божьим человеком», так, видимо, и Васю — «Чапаем». Как я раньше думал, из-за одного только его имени-отчества, которым он, несмотря на неуместность многих ситуаций, сразу представлялся: «Василий Иванович».

Теперь же понимаю, что всё много глубже.

Когда мы уже достаточно долго прожили вдвоём — в горах — Вася почему-то (?) мне рассказал, что он, бывает, подрабатывает киллером.

Правда, сразу оговорился, что берёт заказы только на тех, кто в *теории стаи* названы «иудо-внутренниками».

И ещё добавил, что дело, вообще говоря, не в деньгах. Мог бы и не говорить — Вася абсолютный аскет, вообще мог бы прожить без копейки. Уж кто-кто, а он явно не «иудо-внутренник».

У каждого психотипа есть бесчисленное количество признаков. Скажем, «иудо-внутренник» полагает, что хорошая жизнь — это когда много ненужного, но желательно, дорогого. Для «внешника» желателен порядок и понятие «нравственной чистоты» не бессмысленно. Увы, я тогда был достаточно неразвит, чтобы спросить Васю, что в его понимании есть хорошая жизнь.

Но это соединение аскетизма с невероятной для советского времени «профессией» наименьшая вокруг Васи *странность*.

Я прожил с «Чапаем» в обитом кровельным железом строительном вагончике месяца полтора. Было это в горах Северного Урала. По его словам, он скрывался (дело было в Олимпиаду, тогда Москву шерстили так, что только держись), я тоже, только с другим смыслом — сбежал от очередной дегенератки, возмившей себя невестой.

Повод для аскетического упражнения в горах был основательный — не сумев устроиться на лесосплав, мы с Васей подрядились собрать щитовой дом и сделать под него монолитный фундамент. В вагончике была одна железная кровать с сеткой, на ней матрац. Спали мы попеременно: день на голой сетке Вася, а я — на полу на матраце, на следующий день наоборот...

Однажды, когда фундамент мы уже закончили и смонтировали половину стен дома, случился смерч — впрочем не уверен, что верно назвал случившееся. Вихрь проложил через тайгу прямую как стрела узкую просеку, но почему-то шириной всего-то метров пятнадцать, если не меньше. И надо же было так случиться, что этот «смерч», начавшись почему-то всего метрах в семистах от нас прошёл прямёхонько по нашему недострою.

Пока я как умненький-благоразумненький Бура-тино хватался — чтобы не утянуло наверх вихрем — за края незастроенной части бетонного фундамента, Вася, наоборот, ворвался в центр рассыпающейся как карточный домик конструкции. Картина феерическая: вихрь из летящих щитов, щепы и пыли, посреди «Чапай» с воздетыми к небу руками — и ужасающий грохот ветра. Вася за фундамент не хватался, от летящих щитов не уворачивался, от летящей щепы не жмурился, но, воздев руки к небу, шевелил губами...

Васю не задела ни одна щепочка...

Почему Вася и в этой ситуации вёл себя так *странно*?

Вася, а может, кроме тех невероятных способностей, которые в тебе всё время обнаруживались, ты умеешь еще и заглядывать в будущее? И именно поэтому ты ввязался в это тебе лично совершенно не нужное строительство дома?

Тогда мой взгляд на людей был — как и у всех! — поверхностный, суверенитический. Тогда я не мог даже предположить, что смогу усвоить совсем иной взгляд на происходящее, пойму (меня научат, организовав «случайные» встречи с людьми калибра Цыганского баро?), что люди суть стадо, что рано или поздно сформируется всепланетная стая, что Россия — метанация с особенным тысячелетним опытом, что существуют *неугодники*, которые могут пользоваться кладовыми родовой памяти,

следовательно, где как не в России существовать тайной жреческой касте, которая помогает — причём помогает, используя свою способность видеть будущее.

Не умел тогда понимать ни обращённого к «кладовым» подсознания текста «Мастера...», ни причин ненависти к России, ни великих загадок вокруг Сталина-«святослава»...

Пожалуй, только после того как меня разыскал цыганский баро, только после его *странного* предсмертного поступка, память вернула мне весь вал *странностей* и вокруг Васи.

Где ты, Вася? Отзовись! Эх, если б я ещё тогда умел задавать вопросы...

Вася, я ведь всё помню: и как ты купался в ледяной горной реке, и как, когда мы спустились в город, ты на автобусной остановке лёг, ведь ты всегда говорил, что есть смысл делать только две вещи: работать или лежать, а промежуточные состояния бессмысленность...

Вась, такой человек не может быть случайностью ни в чьей жизни.

К чему это я вспомнил Васю (ниже я расскажу о нём чуть больше)? Нет, не потому только, что хотел похвастаться ещё одной в своей жизни драгоценностью. Ещё задолго до того, как я засел за «Катарсис», задолго до того, как я смог сформулировать приведённые выше в связи с личностью Сталина вопросы, меня поразила одна деталь в жизни Иосифа Виссарионовича. Сталин, кажется, был сослан семь раз. Из пяти ссылок он бежал. Вопрос: **почему он не сбежал из оставшихся двух? Ведь он мог сделать это легко?**

Теперь напрашивается ответ: потому что в той глухомани, куда сослали Сталина, он встретил сверхинтересного собеседника, возможно, наподобие Васи.

И этот гилейский жрец и обучил Иосифа Виссарионовича начаткам *теории стаи* и аскетизму. И тому умению, благодаря которому он сумел разглядеть *Премника* в то время, когда он таковым ещё не стал.

Свидетельствую: можно ровным счётом ничего в процессе общения не понять — но стать другим человеком. Не умея даже объяснить, что же именно в тебе изменилось.

За Васей я наблюдал внимательно — много внимательней, чем за сыном главраввина: Вася много интересней моего удивительного тестя, который, как бы мне ни хотелось унизить главраввина, много интересней любого рядового исполнителя.

Да и условия к созерцанию Васи располагали: горы, вокруг никого, только он да я, суета не мешает — ибо её нет...

Итак, обилие *странностей* вокруг Васи просто поражает.

Обычные люди, если пытаешься построить с ними отношения на равных, тут же норовят усесться тебе на шею.

Так что тот, кто не пытается этого сделать, достоин по меньшей мере изумления. И вопроса: какими это ценностями он владеет, если иерархия ему безразлична? Какого он мира гражданин?

Иными словами, в каждого человека вживлено своеобразное удостоверение личности — необычный человек удостоверяется сразу, по отсутствию выплесков некрополя. Таковых я вообще могу упомянуть только «Чапая» — предполагаю, Цыганский баро второй. **Вася вообще все полтора месяца относился ко мне неожиданно бережно, чуть ли не благоговейно. (Но ведь тогда я был абсолютно ничем, наподобие Булгакова для Сталина!)**

Благоговение проявлялось во всём: работали мы, подстраиваясь под **мой** ритм (Вася был не только более развит и более опытен в строительстве, но и старше меня года на четыре!), если я уставал или хотелось подремать — Вася это замечал и сам предлагал сделать перерыв. Хотя часто не ложился, а начинал благоустраивать окружающую природу.

Кстати, именно здесь, как мне теперь кажется, заключена причина, почему Вася сказал про киллерство. Иначе я, впоследствии вспоминая, мог бы

предположить, что Вася вообще ко всем относился бережно.

Но самый удивительный случай, пожалуй, самый для остальных незаметный.

Поскольку я так и не смог заставить себя купаться в ледяном потоке, (а это, пожалуй что и покруче, чем в проруби, ведь струи срывают нагретую вокруг тебя водяную плёнку), то мы как-то раз спустились в город в баню. Там в общежитии лесосплавщиков за нами были закреплены койки. Помылся, лёг и заснул. Утром просыпаюсь, койка отодвинута на полметра от стены, в ней — прямоугольный проём, а под кроватью — груда битых кирпичей.

Ну и, конечно, вокруг проёма новые полочки.

Что такое?

Оказывается, когда я заснул, Вася с кем-то из обитателей общаги взялся обустроить комнату (в которую скорее всего никогда бы больше не вернулся!). Зачем нужно было это широкое сквозное в кирпичной стене отверстие, уж не помню. Но чтобы его проделать, они отодвинули мою койку вместе со мной и стали ломом — поверх меня! — долбить стену. Грохот падающих на деревянный пол кирпичей, сами удары, да и работающие, думается, не просто сопели.

Обычно я сплю чутко, но тогда — удивительное дело! — я не проснулся. Я не смог поверить: не проснуться было невозможно! Не-воз-мож-но! Много невозможней, чем искусственно вызвать смерть.

Разве кто-то, оберегая, поместил меня в нечто вроде энергетического кокона...

Тогда я смог только запомнить картинки — но ровным счётом ничего не понял. А теперь, после того как меня разыскал Цыганский баро — а без постижения глубокого смысла в обстоятельствах его смерти вообще невозможно понять многие прежде случавшиеся со

мною происшествия — начинаю их обобщать: не пьёт, не курит, горная ледяная река — нипочём, смерч — развлечение (а не сам ли Вася его вызвал? вывал леса начался всего метрах в семистах от нас, весьма похоже на *деталь*), невозможный совершенно случай с проломом в стене, да и вообще сверхредкое бережное ко мне отношение (куда там моей жене или матери, они, как говорится, и близко не стояли)... Вася, ты что, свободно управляешь любым измерением действительности?..

Я почти не запомнил Васиных высказываний — философски матёрых. (Запоминается то, что металлом вшивается энергетикой яркого некрофила, об этом в первом томе). Да Вася и не был болтлив... Но вернувшись с Северного Урала, до тех пор пока лет через семь не встретил свою третью жену, я только и говорил: Вася то, Вася сё... Другой я стал после того смерча. Не знаю чем, но другой. Аскетизм — да, но это не всё...

Кто ты на самом деле, Вася?

Как ты стал таким... могущественным?

Кто учил?

При каких обстоятельствах случилась твоя инициация?

На каком уровне ты взялся меня обучать?

Кого отыскивали твои предшественники? Скажем, в период ссылок Иосифа Джугашвили?

А ещё я многому научился, наблюдая за своей третьей женой. Пусть она не обижается, но по силе её воздействия она уступает и баро и «Чапаю». Правда, она впереди преемника главраввината.

Вождей (а все вожди — некрофилы) при изучении *теории стаи* больше всего может интересовать только одна её область, прикладная — принципы «изготовления» «идеальных исполнителей» для подвлас-

тной иерархии. Причём некоторая часть исполнительей необходимо должна быть не безмозглыми автоматами, удел которых только механическая работа, но быть марионетками способными к техническому творчеству.

Именно поэтому когда-то давно в конкуренции победили не те иерархии, в которых её элементам повально делали нечто вроде лоботомии, а те, в сознании элементов которых была смонтирована альтернативная «реальность», многоуровневый фантом суверенитизма. Марионетка остаётся способной к созданию высоких технологий, но по жизни становится до такой степени беспомощна, настолько безвольна и тупа, что даже не осознаёт своего одураченного положения.

Тень толпы, скандирующей «Распи Его! Распи Его!», при этом распираемой ложным ощущением своего нравственного превосходства и личностности, уже давно накрыла наш мир, ещё прежде I Пришествия Христа — в конце концов, на каменные ступени античных театров цивилизованное население гнали не палками...

Да, у них власть уже почти над всем населением мира. Этот «успех» во власти — результат двух составляющих: во-первых, чемпионской силы некрополя (способности к психоэнергетическому подавлению, особая предрасположенность к стадности — следствие чемпионской преступности, нравственного уродства рода), во-вторых, монопольного (после уничтожения конкурентов, вроде сожжения Александрийской библиотеки и монополизации СМИ) владения некоторым объёмом верного знания об устройстве толпы (иначе говоря, её управления) — *теории стаи*.

На сегодняшний день и первое и второе — «от яблоньки».

Теперь вопрос, как говорится, на засыпку: если бы главраввинат относился к нам, русским (россиянам), благожелательно, они бы чем с нами делились — первым или вторым? А на самом деле, в чём они нас вываливают?

Так называемая антисемитская литература обширна, некоторые книги командиры СМИ «раскручивают» до значительных тиражей.

Флаг этой литературы прост — евреи вовсе не этнос, а преступная организация, поразительно отлаженная иерархия. Они — как никто нравственные уроды, и потому властвовать не достойны. И — целая галерея однообразных мерзостей: одна «обличительная» картина сменяет другую.

Что поучительно, антисемитская литература вся сплошь суверенитическая, мало того, ещё и заквашена на «иудо-внутренничестве». Уже из одного этого умный человек может догадаться, инструментом какой стаи является антисемитская литература. Но не все знают теорию стаи поэтому придётся пуститься в пространные рассуждения.

Я знавал одного ярого сиониста, вернее, семитиста — он сейчас эмигрировал в США — так он, читая антисемитскую литературу, таки причмокивал. И не скрывал, что таки причмокивает каждый день. Вернее, не просто не скрывал, а учил: день надо начинать с чтения антисемитской литературы.

Кто не знает подноготной жизни редакций свободных СМИ (то есть на содержании не одного какого-нибудь олигарха-«иудо-внутренника»), поясню: статьи, к примеру, о новой книге в газете не появится, пока не заплатишь. Расценки в зависимости от издания разные, но за якобы ругательную статью берут всегда раза в три дороже, чем за прямолинейно хвалебную. *Забират* только ругательная. Вот вам и секрет удовольствия семитиста от антисемитской лите-

ратуры. И причина её суверенитической «иудо-внутреннической» основы.

Таким образом, на глубинном уровне суверенитическая антисемитская литература самая что ни на есть семитская. А преследование её «нейтральными» правительствами — спектакль того же назначения, что и суд над Милошевичем.

Вообще говоря, разного рода термины, вроде «антисемит», «коммунист», «демократ», «монархист», «христианин», «уголовник» и т. п. сами по себе бессмысленны.

Чтобы они не стали инструментом скрытой манипуляции ко всякому упоминанию подобного термина, уж слишком много надо прилагать оговорок, вплоть до упоминания *теории стаи*.

Ведь называвшие себя коммунистами, скажем, в 1918 году в Киеве, **психотипически** совсем не те, что в том же 1918, но в Питере или Москве, а последние совсем не те, что в той же Москве, но уже в году, скажем, 1998-м.

Теперь правда о том, что московское большевистское правительство в 1918 году по меньшей мере на 95% состояло из чистопородных евреев, удалось вырваться из-под пресса лживой советской пропаганды, но эта правда всё равно не истина, потому что никак не увязана с упоминаемыми тем же Булгаковым в «Белой гвардии» еврейскими погромами в Киеве в тот же год — эти погромы устраивали люди, тоже называвшие себя большевиками.

С точки зрения *теории стаи* всё просто: в Киеве — коммунистами называли себя «внешники» и, естественно для себя, устраивали еврейские погромы, а в Питере — коммунистами называли себя «иудо-внутренники», соответственно, Варфоломеевские ночи устраивали русским бессеребрянникам — мастеровым и окопным офицерам. А ещё и той части населения, у

которых «иудо-внутренничество» вызывало отторжение по той же причине, что и у Льва Николаевича Толстого: из-за нравственно-этической брезгливости.

А к 1998 году, когда «иудо-внутренники» стали ещё и собственниками средств производства, к оппозиционным коммунистам причисляли себя кто угодно, но редко «иудо-внутренники». «Своих» они оставили только в руководстве компартии.

Только из этого примера видно, что сказать «коммунист» — ничего не сказать. **Это бессодержательный термин.**

Бессодержательный, но не безвредный.

Абстрактное употребление этого и подобных искусственных, надуманных терминов — подпорка всё того же фантома поработщающего суверенитизма. Подножка в сторону кромешной путаницы и, как результат, рабское положение внимающего коренного населения. Как внимающих на коммунистов хуле, так и в их адрес здравицы.

А вот при умении пользоваться естественной (психотипической) системой координат *теории стаи* — «внешник», «иудо-внутренник», «когорта», «сыны», *неугодники* — всё сразу упорядочивается. И та же история России XX века утрачивает вид хаоса, но сразу обнаруживаются мощные течения, одно из которых особенно усердно дурачит нас разными масками. Маской антисемитизма в том числе.

Вообще говоря, будь то СМИситель или политик, который оперирует терминами «коммунист», «демократ», «антисемит», «либерал» и т. п., одно из двух:

или **кретин** (и потому они ему, как суверенитисту-марионетке и предоставляют информационную площадку) и голову нам дурут по собственной дурости,

или голову нам дурут намеренно — и потому **мерзавец**.

Включите телевизор и попытайтесь поставить диагноз любому появляющемуся на телеэкране персонажу. Займитесь — очень полезное упражнение.

Итак, и кретин и мерзавец может выступать в совершенно любом обличье — коммуниста, демократа, либерала, сектанта, госверующего, монархиста и т. д. и т. п...

Согласитесь, любые системы координат, кроме естественных, предназначены только для обдуривания, а тиражируются кретинами.

Мой тесть, хоть и был «иудо-внутренником», но не был даже иудеем — в суверенитическом смысле этого слова.

Однажды он сказал так: если не есть свинину, то лучше вообще не жить.

И вообще он был крупным специалистом в области свиной кулинарии.

Как, видимо, и его папаша с пейсиками.

Так что «иудей» — не «иудей» по меньшей мере пустой звук. Вернее, инструмент обдуривания.

Конечно, после развода они меня обобрали. Квартира и всё такое... Но я не в обиде. Вернее, в обиде, но не очень — понимаю, что это цена обучения, отнюдь не чрезмерная. Без проникновения в их среду я бы не смог обрести того опыта, без которого невозможно ни осмыслить историю России и причины её бед, ни об этом писать.

Когда по завершении учёбы в вузе я по спецзапросу был распределён в Институт, я уже был зятем и даже отцом моей первой дочери. А когда развёлся, то сотрудником ещё оставался.

Но какая разница в отношении ко мне в зависимости от наличия родства с еврейством!

Казалось бы, я не изменился ни внешне, ни своими способностями, ни с точки зрения образования, — но если до развода в коридорах Института мне все улыбались (особенно усердствовали выходцы из Чечни), я был «молодым дарованием», «будущим советской науки» и тому подобным, то стоило мне развестись (вернее, развелись со мной), как я вдруг обнаружил вокруг себя одних лежащих двуногих. Уж не знали как уязвить, куснуть, пнуть (особенно усердствовали выходцы из Чечни).

Один только опыт этих двух состояний («еврея» и русского), соответственно, и опыт перехода из одного состояния в другое — большая школа, через нюансы нашей жизни открывающая мощные течения всемирной истории.

Ладно бы в глубоких поклонах перед еврейством, поклонах, доходящих до состояния полуприседа, пребывали старшие научные сотрудники, обладатели учёных степеней — это можно было бы объяснить общепринятой концепцией поиска выгоды и некоторой обречённости: ведь интеллигент это не рукастый трудяга, который не пропадёт нигде и никогда, интеллигент *служит* в принципе, он лакей по определению. Но ведь точно так же на манер интеллигентов склонялись в поклонах до состояния полуприседа и простые кладовщицы — на том же складе химреактивов или расходных материалов (перчатки, колбы, вата и т. п.). Кладовщицы — работницы с точки зрения профессиональности наинизшей квалификации, которым за их поклоны сверх оклада, уж точно, ничего бы ни перепало. Да и терять им было нечего: даже в случае увольнения новую работу нашли бы в тот же день (социализм в этом отношении раскрепощал).

Так что даже в подвальных помещениях складов брезжит свет *теории стаи*. Общество — отнюдь не со-

вокупность суверенных личностей, а структурированная стая подхалимов. Наподобие тысячных колонн военнопленных и евреев лета 1941-го, которых немцы, вооружённые только винтовками, конвоировали вчетвером — а потом, как правило, не встречая никакого сопротивления, расстреливали или просто забивали!

Как я уже сказал, в крайних положениях противоречивых садо-мазохистского маятника были выходы из Чечни — только на моём этаже (только нового корпуса) их было двое. Запомнил. И когда после Второй еврейской революции 1991 года чеченские бандиты начали грабежи сначала в самой Чечне, потом в близлежащих областях, а затем и по всей России, и притом вдруг оказалось, что горцы оказались тонкими знатоками банковского дела (задержать удалось только один морской контейнер похищенных по фальшивым авизо денег), и когда вся демократическая пресса на все лады завывала, что хотя чеченские «правоборцы» уже по локоть в крови, их в принципе невозможно подозревать в чём-либо нехорошем, — я не верил. То, что чеченцы во время Войны пресмыкались перед гитлеровцами — верю. И скучным сообщениям о тандеме бандитов с нацией банкиров — тоже верю. А «иудо-внутреннической» прессе — не верю.

Это и есть квинтэссенция первых двух ступеней теории Стаи: посмотрел вокруг себя и, не веря внушениям СМИ, перенёс добытые обобщения на дальние события — вроде Чеченской войны или агрессии против Сербии.

Пообщался с американцами, пообщался с сербами — и, не веря внушениям СМИ, сделал вывод о действительной причине агрессии мирового «иудо-внутренничества» против народа с повышенным по сравнению с Европой содержанием *неугодников*.

Посмотрел на господствующее положение евреев в поздний советский период и послушал их хоровое пение про тотальные их преследования в Советском Союзе — и из одного этого сделал вывод, что с рассказами о Холокосте не всё в порядке.

В связи с Холокостом, о котором до сих пор нам дозволяется узнавать исключительно от «иудо-внутренников», действительно, возникает ряд вопросов.

Скажем, в концлагере Дахау никогда не было газовых камер (лагерь был захвачен целёхонек, без разрушений, но газовых камер не обнаружили — а ведь опыт американских газовых камер, как альтернативы электрического стула, показывает, что это устройство многодельно и массовое уничтожение в них людей в принципе невозможно) — но почему-то **сотни (!)** евреев дружно свидетельствуют, что лично были свидетелями массовых казней в газовых камерах Дахау.

Или почему от туристов, осматривающих газовую камеру в Аушвице-1, скрывают, что эту камеру на самом деле построили уже **после** окончания Войны? Почему в Европе при всякой попытке обратить внимание людей на этот подлог начинаются судебные преследования открывших рот и ночные погромы их жилищ?

Кстати, а вы не пробовали сравнить статистику числа евреев в Европе до Войны и после Войны? Попробуйте сравните. Получится ли цифра в 6 миллионов якобы задушенных в не существовавших газовых камерах?..

Из подобных вопросов уже составлены целые тома. Но умному человеку вовсе не обязательно их читать, тем более, что над обладателями критического мышления в Европе уже начались судебные процессы и скоро эти книги запретят, возможно, уже повсеместно. Психотипические сущности неизменны: за рас-

сказы о преследовании евреев в Советском Союзе евреи срубили грандиозные бабки с налогоплательщиков различных стран, точно так же они срубили колоссальные бабки и за байки о Холокосте. Обо всём этом, зная *теорию стаи*, можно догадаться и без осмотра Освенцима, а не сходя с места, всего лишь наблюдая за бытовым поведением людей разных психотипов. (Мой тесть говорил: **«умному человеку, чтобы мыслить, вообще ничего не надо»** — и здесь я с ним полностью согласен.)

Но в байках о масштабах Холокоста и наличии в Советском Союзе на евреев гонений заключена богатейшая информация — как и вообще во всяком вранье и формах его циркуляции. **Несравненная слаженность во вранье и авторитетность** евреев говорит по меньшей мере о преступном прошлом их предков и выводит не просто к преступлению, но к Суперпреступлению.

Не случайно Михаил Булгаков так писал «Мастера и Маргариту». А Сталин, занятый человек, находил время, чтобы шестнадцать раз прийти на «Дни Турбиных» и защитить Михаила Афанасьевича от «троцкистов» — которые тоже поражали своей слаженностью.

Голова дракона отнюдь не висит в безвоздушном пространстве — есть шея, туловище и даже ноги.

Кладовщицы — не подстилка, а ноги, я же мог бы быть крыльями и в этом качестве побывал.

Во всяком случае, мне была предоставлена возможность очень чётко осознать, насколько велика в карьере фора даже у шабесгоя. (Шабесгой — по-еврейски, гой, женатый на еврейке.)

А чтобы дать молодым поколениям прочувствовать, в насколько привилегированном положении были евреи в постсталинское время, расскажу ещё пару историй.

В нашей лаборатории числился Лёвка Розенберг. Он пришёл в Институт лет на десять раньше меня. Удивительно, но он принципиально ничего не делал. То есть совсем ничего — притом осознанно и намеренно. За десять лет не поставил ни одного эксперимента, ничего не сконструировал, не написал ни одной статьи. Он даже не удосужился оформить себе какую-нибудь учёную степень. Но его не выгоняли. Представляете, какого пинка дали бы в подобной ситуации русскому? А ведь у Лёвки не было никакой «лапы»...

А вторая история про Коменданта — это такая фамилия.

В то время, чтобы получить учёную степень кандидата наук, надо было опубликовать три статьи в научных журналах. Или, в особых случаях, столько же раз выступить перед научной аудиторией. Обычно это конференции.

Однажды нас поставили в известность, что перед коллективом нашей лаборатории выступит Комендант — не помню, то ли из ВНИИ НП, то ли из ВНИПИ-нефти.

Хорошо, сели.

Достал Комендант лист ватмана и за три минуты закончил.

И — тишина.

Сидим ждём.

Минут через пять начальник наш сообразил: «Это что, всё?»

«Всё», — с ангелическим видом потомственного жулика ответил Комендант.

Мы ошалели.

Распоследней лаборантке было понятно, что это не то что на диссертацию, но и на студенческий диплом не тянет. Разве что на курсовую — с младших курсов.

«Хорошо, — наконец справился с собой начальник. — По регламенту положено обсудить Ваш доклад без Вашего присутствия».

Сидим молча — «утираемся». Действительно, такое ощущение, что не просто харкнули в физиономию, но что плевок ещё и сапогом по лицу растёрли. Все уткнулись носом в пол — видимо, делали обобщения об устройстве жизни. В каких терминах размышляли остальные — «оккупация» ли, «наглёж» ли, или «жид пархатый» (а у Коменданта действительно типичная внешность из анекдотов: непомерно громадный зад, большие нос и уши, а всё остальное очень маленькое) — не знаю.

Молчали минут пять-семь, наконец начальник тяжело вздохнул и сказал:

«А что можно сделать? Их учёный совет тоже... Надо давать положительный отзыв...»

Вот такую науку мы потеряли (не сомневаюсь, что и Комендант тоже «выбрал свободу» — и очистил от себя Россию). «Наука», о которой наши «иудо-внутреннические» СМИ продолбили все уши: «Лучшие из лучших уезжают на Запад... Лучшие из лучших уезжают на Запад... Лучшие из лучших уезжают на Запад...» Подтекст: без омерзения к России относятся только кретины.

И слава Богу, что уезжают! В России чище.

После слов начальника все промолчали — один Лёвка Розенберг расхохотался.

Не знаю, в чью сторону был обращён его хохот.

Может быть, в нашу — рабов, не посмевших поднять восстание?

А может быть, в сторону Коменданта? В самом деле, этот «комендант», вернувшись домой и включив «Голос Америки», внимая басням о притеснении в Советском Союзе евреев, наверняка ронял слезу. А правда, разве не смешно, что все евреи в это так страстно

веруют?.. В этом повальном среди евреев отсутствии критического мышления — великий Учитель, почище подвальных кладовщиц.

Очень может быть, что Лёвка хохотал над «комендантами». Лёвка был сравнительно не так уж и плох: он соблюдал своеобразный кодекс чести. Скажем, не отказывался в очередь ехать «на картошку». Не важно, что и там он ровным счётом ничего не делал, но его «трудодни» не ложились дополнительным бременем на других сотрудников лаборатории.

К чему это я про этого Коменданта и про Лёвку рассказал?

А чтобы не рассказывать ничего про научную деятельность тестя. Потому что додумался до хитрого хода — чтобы не дать повода сказать, что, вот-де, дочка типичная, предала, а бывший шабесгой всего лишь вымещает злость на её папаше в форме зоологического антисемитизма.

Есть у Юрия Мухина такая книга — «Убийство Сталина и Берия». В ней автор, разгребая враньё «иудо-внутренников» про эпоху Сталина, среди прочего много рассказывает про реальную деятельность евреев в науке. В этой книге много места уделено шуткарям как раз в области физической химии и химической физики. Приводятся документы, как крутили дела в науке всякие разные Зельдовичи, Талмуды и прочие Франк-Каменецкие. Фамилия моего тестя в этом списке не упоминается — но только потому, что он принадлежит к более младшему поколению, чем персонажи Юрия Мухина. А так быть в том списке мой тесть вполне достоин. Впрочем, умному человеку это и так ясно.

Но Юрия Мухина я немного дополню: по его книге получается, что вся эта разлюля с паразитическим разграблением народных средств и утоплением всех, кто мог в науке всё-таки что-то сделать (чтобы на их

фоне не теряться), была только в академических институтах, а вот в прикладных институтах «коменданты» созидали не покладая рук.

Но в прикладных зарплата была серьезно выше, чем у нас, в Академии, именно поэтому «коменданты» были всё-таки у них, соответственно, академические Талмуды с Зельдовичами, которые соблюдали хоть какие-то правила игры, на их фоне смотрятся не вампирами, а прямо-таки созидаателями.

Кто только меня не запугивал, что за мои книги меня по меньшей мере сгноят в тюрьме — за антисемитизм. Я устал оправдываться: дескать, центр моих интересов вовсе не евреи, а *неугодники*, внутренние процессы в метанации любой эпохи, а если на что и пытаюсь обратить внимание, то только на то, что нас дурачат суверенитизмом с «иудо-внутренническим» акцентом, выход же из-под пресса этой дурилки только через осознание приоритета принципа психологической достоверности при осмыслении действительности.

А мне возражают, что любой взгляд на действительность с позиций психологической достоверности это уже антисемитизм. Даже если о евреях не упомянуто вовсе.

И предлагают посмотреть на всех педагогов, политиков и журналистов — разве они покидают царство кретинизма?

Раз так настойчиво запугивают, то оборону надо отстраивать заранее.

«Граждане судьи!

Так ли уж «Записки...» **против** евреев?

Напротив, эта книга очень проеврейская.

Что и говорить, населению России есть что вспомнить в связи с евреями:

— воровские мерзости при царизме, в особенности во время Первой мировой войны — дорогие экипажи, дворцы, вывод капиталов за рубеж и всё это на фоне всё углублявшейся нищеты коренного населения;

— кровавые мерзости в Первую Еврейскую революцию (1917 года);

— воровские и кровавые мерзости последовавшей затем Гражданской войны, в результате чего страна умылась кровью;

— разгул троцкистского ОГПУ (все главные палачи русского народа были евреями) вплоть до 1934 года и даже по 1937 год включительно;

— «чудеса» Великой Отечественной, когда евреи кишели при штабах и распределителях, но по наградным листам они вдруг оказались самым Героичным народом;

— тотальную ложь суверенитической прессы, в которой «иудо-внутренники» занимают господствующее положение с самого начала еврейского нашествия (со времени Николая II) и по сей день;

— запрет на научные дискуссии:

При Сталине широко практиковались научные дискуссии, в частности, даже в центральной прессе можно было обратить внимание населения на то, что Эйнштейн (символ соучастия евреев в созидании) — недоумок, а его теория — проявление деструктивного сознания. И оппонентам предоставлялась возможность возразить.

Но когда после убийства Сталина и Берия к власти пришёл Перлмутер (Хрущёв), то сомневаться в превосходящей всякое воображение созидательности евреев было запрещено, были прекращены все дискуссии. Даже в школах запретили преподавать логику. Наверх попёрло «иудо-внутренническую» пропаганду, началось разграбление России и стала распространяться нравственная грязь.

Характерно, что дети Перлмутера, имея возможность стать полноценными гражданами Израиля, предпочли перебраться на постоянное жительство в Соединённые Штаты.

— мерзости движения «правоборцев» с Солженицыным в качестве символа;

Кто забыл, напомним: Солженицын — еврейчик, даже по расистским еврейским понятиям 100%-й (откройте любую страницу его опусов — полный суверенитизм и «иудо-внутренничество»), который, выдавая себя за русского писателя, всю жизнь лгал на Сталина и бессеребрянников, в процессе чего навалил множество томов «Красного колеса», при этом умудрившись не заметить, что все главные палачи как русского, так и других народов России — евреи. За такую «высокую нравственную позицию» денежные тузы планеты осыпали его золотом и потратили грандиозные суммы на рекламу его откровенно «иудо-внутреннических» суверенитических «произведений». Дали ему и гуманитарную Нобелевскую премию — в одном ряду с Андрэ Жидом, начавшему свою карьеру с организации публичного дома для гомосексуалистов, и прочими такими же, вроде потомственного предателя Горбачёва.

Наглость нынешних СМИсителей доходит до того, что Солженицына выдают за участника Великой Отечественной — однако сведения о том, с помощью какого неоригинального, но позорного способа Солженицын с фронта перебрался в ГУЛАГ, представители второй древнейшей профессии тщательно скрывают.

— счастье «передовой экономики» после Перестройки (Второй Еврейской революции 1991 года);

— байки о преследованиях «Комендантов» при Советской власти и т. д. и т. п....

Граждане судьи! Естественно, у русских и других народов России напрашивается вывод с участием слов «захребетники», «оккупация», «мразь»,

«пятая колонна». И возникают предположения о единственно реальном пути налаживания в России жизни нормальной, нравственно чистой, полноценной.

Об уровне запуганности населения, начавшейся в постсталинское время с воцарения Перлмутера (Хрущёва) и до сего дня косвенно говорит построение фраз даже тех авторов, которые на книжном рынке позиционируются как отважные патриотические. Скажем, какой-нибудь автор, работая на основе архивных материалов над историческим детективом, вынуждено общается о воре с еврейскими фамилией, именем и отчеством — и тут же ни к селу ни к городу делает оговорку что он-де, конечно, никоим образом не хочет бросить тени на тысячи и тысячи честных евреев («офицеров и красноармейцев», как у того же Юрия Мухина в книге «Убийство Сталина и Берия»). И даже «тысячи тысяч» — то есть миллионы.

Миллионы!

Граждане судьи! По этой арифметике у нас в стране вообще осталось не более двух подлецов этого типа — и вы, судьи, не нужны вовсе.

И вот здесь-то, граждане судьи, и вскрывается, что «Записки зятя главраввина» открывают перед «тысячами тысяч честных евреев» возможность реабилитации! «Записки...» открывают перед ними возможность показать, что они вовсе не постоянная «пятая колонна» за спиной россиян, что они вовсе не жидовские морды, а прямо-таки обходят остальное население в благородстве.

Очевидно, что всякий честный человек (не дегенерат и не нравственный урод) просто не сможет не воспылать желанием принять самое деятельное участие в распространении *теории стац*, и её материальных носителей, «Записок...» прежде всего, — как вести об освобождении и пути к достойной жизни.

В самом деле, вспомним образ в самом начале «Записок...»: танк, утюжащий безоружную колонну бойцов. «Записки...» — та необходимая единственная бутылка с горючей смесью, которой есть возможность остановить танк суверенитизма...»...

Элементарная статистика: первый тираж этой книги — 10 000. Разойдётся в Москве. В Москве одних 100%-х евреев — 1,8%. Книгу эту они из-за одного только «главраввина» в подзаголовке будут брать непременно. Да и название тоже — в жилу. То есть даже если евреи будут брать книгу лишь наравне с прочими, то приобретут книгу с одного только первого тиража 180 экземпляров. Если же верить СМИ, что евреи самые-самые умные, к тому же с учётом того, что коренное население России передовой экономикой обобрано настолько, что книги для большинства стали недоступной роскошью, то все 500. В поскольку на одного 100% приходится двое-трое по еврейским понятиям «неполноценных», то 2 000.

Каждый десятый занимает руководящую должность в СМИ. Это 200. Так что все программы, в которых можно упомянуть про *теорию стаи* — а упомянуть можно в каждой без исключения — **будут являть истинную суть евреев! Все программы! Ведь молчать будут только цивилизаторы (русоненавистники).**

Так что включай, читатель, телевизор и открывай газету — и убедись в глубинной порядочности евреев. Это будут не единичные упоминания — а целый обвал!
Как по песне:

Не надо печалиться, Вся жизнь впереди! ся жизнь впереди! Надейся и жди.

«Граждане судьи! «Записки...» нужно считать книгой исключительно проеврейской уже потому, что если у остальных категорий населения нашей страны и даже планеты есть только один

стимул в распространении «Записок...» — это благородство души, иными словами, есть хотя бы слабые ростки неподхалимничанья (*неугодничества*), то у евреев после «Записок...» этих стимулов целых два, второй — весь комплекс стимулов, возникающий у любого, кто оказался в центре внимания.

Граждане судьи! А ведь я мог бы обратиться и к другим категориям населения, которые сообщают о себе, что они как никто любят правду и истину, и, как таковые, жаждут получить возможность это доказать.

Например, можно было бы обратиться за помощью к протестантам. Если они действительно, как говорят про себя, любят Христа, и раз не могут не знать Его высказывания: *«Истина сделает вас свободными»* (Иоан. VIII, 32) — то они все силы положат на распространение «Катарсиса». И так, конечно, и произойдёт — если протестанты не более чем обираемая периферия «иудовнутреннической» стаи, жалкая в своём плоском видении жизни и никчёмности для Вечности существования.

Можно было бы обратиться и к другой категории самопровозглашённых «посланцев Неба» — к педерастам («блаженнее *давать*, а не *брать*»). Если педерасты те, за кого себя выдают, то тоже должны проявить невиданную активность в распространении «Записок...», Правительство и Госдума должны просто бурлить. И так, конечно, и произойдёт — если упомянутые персонажи действительно личности, а не жалкие дегенераты с плоским видением мира.

Можно было бы обратиться за помощью к эмигрантам из России. Им непропорционально часто предоставляют информационные площад-

ки, дескать, вон из России из влекло вовсе не жидовство, а любовь к свободе. Не ложная свобода бывает только психоэнергетической, отсюда и интуитивное распознавание метанации именно как метанации, ощущение сродства именно с ней. Именно для рвущихся к свободе характерна сверх активность в распространении *теории стаи*.

Или можно было бы обратиться к педагогам высших учебных заведений и учителям школ и гимназий. Если они, действительно, как о себе говорят, благородные архитекторы молодых душ, а не холоуи и проститня при стае, то и они будут сверхактивны.

Или можно было бы обратиться к судейскому корпусу. Этот род столетиями выносит приговоры на основании суверенитизма — к примеру, в начале 1990-х пока не был, наконец, взят белорусский маньяк, за его преступления судейский корпус осудил двенадцать (!) невиновных, причем одного к расстрелу, а остальных — к разным срокам, один из таких, не выдержав несправедливости, в тюрьме скончался. Можно было бы вспомнить кретинические приговоры по статье об изнасиловании, наказания за самооборону, травлю за психологически достоверный взгляд на жизнь. У судейского корпуса грандиозные ресурсы — одни их виллы чего стоят — и этому корпусу по силам в одиночку поставить всю Россию «на уши». И так, конечно, и произойдет — если судейский корпус не лизоблюды власти и не враги всего святого, а действительно, как о себе сами говорят, ищут Справедливости.

Можно было бы обратиться к журналистам-обличителям — если им верить, то они, движи-

мые совестью, борются за счастливую жизнь соплеменников. Но в наши дни обличать пороки нет никакого практического смысла. И не потому только, что на эти обличения уже давным-давно никто не обращает никакого внимания, а обличений хватит и от черных пиарщиков. Для человека с совестью и не холуйским умом практический смысл есть только работать на инициацию «святослава». Никакая агитация марионеток не оживит, нет вождя — нет ничего. Рыба тухнет с головы, с головы же и возрождается.

«Святослав» непременно проходит через этап изгоя, к тому же он «внешник», а учитывая, что в своей страсти к несправедливости судьи должны «оттягиваться» прежде всего на своей противоположности, то среди тех двенадцати безвинно осуждённых содержание «внешников» и неугодников не может не быть существенно выше, чем в среднем по населению. Так что, учитывая, что «святослав» человек читающий, то очень может быть, что самый короткий путь к благополучию России — через комплектацию лагерных библиотек. Не только «Записками...», но и всем «Катарсисом». Тюрьма человека ломает только если он внутренне дерьмо, а если нет — то он не сможет сопротивляться желанию помочь настоящим изгоям и, соответственно, России и Вечности... Интересно, каково соотношение первых и вторых среди вернувшихся с зоны? Посмотрим...

Можно было бы обратиться к европейцам — они ведь как и педерасты бахвалятся...

Можно было бы обратиться к американцам... прибалтам... милиции... священникам... сотрудникам Счётной палаты... актёрам... МЧС...

Но, граждане судьи, я не обратился ни к кому из перечисленных категорий, которые сообщают

о себе, что они как никто любят правду, свободу и истину, и, как таковые, жаждут получить возможность это доказать! А обратился я к евреям — и именно поэтому преследовать меня за антисемитизм в связи с явно проеврейскими «Записками...» — кретинизм. **Или проявление зоологического антисемитизма.**

Я кончил, граждане судьи!»

Еврей! Я приглашаю вас принять участие в информирования населения о содержании «Записок...»!

Страна должна знать своих героев — и это наш долг (подчёркиваю наш, а не только мой) донести до людей: кто помог в распространении этой книги (*теорию стаи*), а кто отказал. В этом деле обман невозможен: ведь у тех, для кого проявление себя в СМИ невозможно, остаётся корешок перевода за хотя бы полсотни экземпляров «Записок...» для подарков.

Почему я ввёл в название книги «главраввина»?

Во-первых, это не книга, а рекламное мероприятие: ведь *теорию стаи* короче, чем в «Катарсисе», изложить невозможно.

А во-вторых, зная законы книготорговли, я не имел права ставить препятствия на пути продвижения этой книги в магазин самого провинциального городка. А чтобы она в этот городок попала, выражаясь языком практиков шоу-бизнеса, необходима «фенька».

Как говорится, *народ это любит*: дескать, не лёгкие у этого певца, а жабры, вот, видите, он ещё шарф никогда с шеи не снимает.

Или возьмём популярных писателей. Скажем, Резуна («Виктора Суворова») — миллионные тиражи. На каждой обложке по сути написано, что он

вовсе не предатель, не холуй, а мужественный, самостоятельной воли человек, мыслитель, за что и приговорён в России к расстрелу, но несмотря на все опасности открывает россиянам глаза об устройстве мира на примере истории Великой Отечественной.

Но на самом деле, ни у певца нет жабр, ни Резун-«Суворов» не был отдан под трибунал, соответственно, никем он не приговорён, тем более к расстрелу. Об этом, кроме странно молчаливых издателей, знают историки и, наверное, сослуживцы Резуна — но кто ж при наших «свободных СМИ» с отчётливым «иудо-внутренническим» акцентом предоставит им информационную площадку? Чтобы сказать правду? Да и с другой стороны, народ любит только «феньки»...

«Фенька», как в частной беседе сказал Н. Н. Вашкевич, в переводе со второго системного языка мозга означает — «дурилка». В чём можно удостовериться, взяв арабско-русский словарь.

Конечно, мои книги не для тех, кто ловится на феньки, но прорваться к моему читателю через просторы России — **первоначально!** — можно только с помощью «феньки». Ведь необходимо преодолеть барьер в виде мелкого книжного оптовика, а этот род кроме надписей на обложках не читает вообще ничего. Несложно догадаться, что если бы я назвал книгу «Забытые сокровища русской народной мудрости», то тираж был бы раз в пятьдесят меньше. Вернее, его не было бы вовсе.

Но и «зять главраввина» не «фенька» — потому что это не враньё, я действительно им был.

Это — брэнд, то есть знак того, что с точки зрения позиционирования товара «Катарсис» и «Записки...» товар особенный, лучше сказать уникальный. Нет в литературе ничего похожего.

Многие люди интуитивно догадываются о роли главраввината в мировой системе власти, тысячи писателей пытались это описать — но тут же натыкались на стену безмолвия. Оказывается, информации нет никакой (сделайте хотя бы запрос в Интернете — торричелева пустота!), главраввинат закрыт для внешнего наблюдателя ещё более, чем самый тайный Орден в истории человечества.

Но уникальность сведений и их полезность для повседневной жизни ещё не повод к интересу той части населения, которая единственно и определяет большие тиражи. Природным рабам нужен не брэнд, а «фенька».

Врать в текстах я не могу. Могу заблуждаться, врать — нет. Но вот парадокс: не соврать не имею права.

И я придумал. Возьму спички и подставлю за уши — чтобы оттопырились и казались большими. В нос напихаю ваты, чтобы стал ещё больше. Не знаю, подзавью ли я волосы или нет, но гаденькие очёчки — которые по жизни не ношу — на нос надену. И прищурюсь из-за них настолько, чтобы всякий увидевший моё в этом состоянии фото заподозрил у меня непомерно громадный зад.

А что делать? Зато тираж будет многократно больший, чем без такого фото. Никуда не деться — вокруг нас стая, которая живёт по законам отнюдь не суверенитизма.

Ну, а кто захочет узнать, как я выгляжу на самом деле, может взглянуть на заднюю обложку «Психоанализа не того убийства», последнего тома «Катарсиса».

Впрочем, нужно посоветоваться с дизайнером: может, удастся обойтись изменением названия с «Утончённые приёмы скрытого управления» на «Дурилку»?

Я не знаю, по каким причинам именно от меня потребовалось восстановить *теорию стаю* в современных образах и на современном языке. Но потребовалось и удивительным образом помогали мне многие. А некоторые даже учили.

Но главраввинат мне не учитель. Если уж чей я из людей и ученик, то почту за честь считать, что Цыганского баро.

Ему и посвящён третий завершающий том «Катарсиса», самый главный — «Психоанализ не того убийства».

Посвящается
цыганскому барону
города Болграда,
все смысловые уровни
предсмертного поступка которого
я был бы счастлив понять
ещё при жизни

«На миру и смерть красна» — так народная мудрость подмечает то, что нет ничего труднее, чем решиться на высокий, продиктованный *талантом* поступок, зная, однако, наперёд, что никто, ни единый человек тебя не то что не поймёт, не то что не поддержит, но все осудят — приговорят к смерти, и притом немедленной! — в том числе и твоя жена с детьми, казалось бы, самые близкие тебе люди...

Несколько тысяч лет назад нечто подобное произошло с *Ильёй-Лаокооном*, жрецом бога Солнца из *Илиона*. Это сейчас он человек знаменитый (среди мыслящих), а в то время его самопожертвенный вплоть до мучительной смерти поступок могла понять одна только пророчица Кассандра, толпой, кстати, тоже совершенно не понятая.

Так произошло и с современным жрецом цыган — которому и посвящается заключительный, главный том

«КАТАРСИСа» — но ему было, похоже, много тяжелее, чем Лаокоону: за тысячи лет люди ещё больше деградировали, надежда на то, что толпа сможет ощутить тепло Истины от столетия к столетию становится всё более призрачной, и, главное, не было рядом особенного взгляда Кассандры...

Да, метнув в обманного деревянного коня, дара осаждающих Трои данайцев, своё единственное положение по духовному сану копье-символ, Лаокоон обрёл себя, обезоруженного, на мучительную смерть в сжимающихся кольцах змия — всё это ради Кассандры, — но он, очевидно, был знаком со старинными письменными пророчествами как о её судьбе при собственно жизни, так и о её великом *предназначении* в веках и потомках — ведь Лаокоон был храмовый жрец, берите выше, фламин, а они обязательно были люди книжные, знакомые с содержанием хранящихся в храмах книг о тонких уровнях грядущего.

Совсем другое дело Цыганский Барон: как и все таборные цыгане, человек он явно не книжный и потому не мог быть знаком ни с самим «КАТАРСИСом» (да и работа над ним продвинулась тогда лишь до середины), ни с давними об этой книге письменными пророчествами — в силу лишь перечисленного идти на мучительную смерть жрецу цыган было много труднее, чем Лаокоону.

Но с другой стороны, что значат *письменные* источники для того, кто явно овладел сутью Тайного Знания — и обрёл способность черпать *понимание* из окружающего непосредственно?! Цыгане и так знамениты исключительной способностью видеть будущее (понятно, лишь грубые его слои), цыганскому же барону, понятно, в грядущем открыты и те слои, которые недоступны разномастным прорицателям из толпы.

Необычайные поступки по силам только необычайным людям.

«Барон» у цыган вовсе не аналог властителя-самодура средневековой Европы, воплощение принципа психоэнергетического подчинения человека человеку во всём, включая и мнения об устройстве мира и критериях того, состоялась жизнь или нет. Цыганский барон — воплощение прямо противоположного принципа — непосредственного восприятия Истины. Он — *жрец*. Подобно слову «барон», идущее от той же древности слово «жрец» не просто многозначно, но значения его даже противоположны. Цыгане если не последний на нашей планете народ, то, во всяком случае, один из немногих, который возносит способность **составлять суждения на основе нравственной справедливости** (мерило которой не подавлено «мусором» стайно-угоднической психологии) до статуса жречества.

Различить такого жреца возможно: ведь доступ к Тайному Знанию проявляется во всех сторонах жизни его носителя-неугодника.

Знающие цыгане говорят, что их барон *виден сразу* — уже с детства, с первых же лет. Заметив его среди играющих детей, за ним постоянно наблюдают, и так многие годы, и лишь окончательно удостоверившись, что замечен действительно бессознательный носитель логосов Тайного Знания и что он не оступается, его «коронуют» уже формально.

Смысл жизни настоящего цыганского барона отнюдь не в дальнейшем структурировании какой-нибудь субстаи-иерархии, к чему стремятся элементы современных священнических иерархий или авторитеты группировок, преступных на иной манер.

Есть поступки, за совершение которых «коронованный» цыганский барон должен быть исторгнут с лица земли — причём его умерщвление вменяется в обязанность каждого цыгана, за исключением разве что родных братьев и сыновей.

Стержень, объединяющий караемые немедленной смертью поступки, — бесчестие древнего идеала цыганского народа; некоторые формы бесчестия специально оговорены. Например, смертным преступлением считается то, что цыганский барон склонится в поклоне перед другим человеком Земли, тем более если он в поклоне поцелует кому из мужчин руку. Это у русских подобный жест означает наивысшую степень духовного благоговения, у цыган же наоборот — это знак унижения всего цыганского рода, попрание его совести, духовного идеала.

Так что когда болградский Цыганский Барон остановил меня у своего дома и на глазах у всей своей семьи в троекратном поцелуе руки обратился ко мне как автору предречённого «КАТАРСИСа», на том диалекте жестов, который только и понятен русскому, он не оставлял себе ни малейшей надежды прожить и суток...

Многого (ни того, кто есть барон у цыган, ни пророчеств об обстоятельствах появления «КАТАРСИСа») я тогда ещё не знал, и не только не увидел в его поступке руки помощи познавшего Тайное Знание, но хуже того, испугавшись, видимо, с отчётливым выражением омерзения на лице, я бросился от него прочь к знакомым с соседней улицы отмывать руку...

А дня через три-четыре узнал, что Цыганский Барон уже похоронен — умер он всего через несколько часов после той роковой встречи. Но в те дни мне если чему и было по силам удивиться, так только тому, что похороны его были неестественно бесшумны — неестественно как для городка такой численности, что в нём все друг друга знают, так и для обычно шумных цыган — как будто родня чего стыдились. А ведь напрашивается: как мог этот человек с чертами лица васнецовского Ильи Муромца (примесь русской крови? сверхдревний архетип — защитника священных

пределов?), будучи накануне явно здоровым, так быстро, всего за несколько часов, «естественно» умереть? Но нет, не догадался...

А о том, что Цыганского Барона убили, я по более обыденному маршруту сразу не догадался потому, что уголовное дело заведено не было. Взятка? А может, проще: родня молчала, а уполномоченные лица, не представляя мотива для возможности внутрисемейного убийства, закономерно его и не предположили...

Все эти годы о его на глазах у всех поклоне я вспоминал — в трудные минуты. О чём в соответствующих главах настоящего тома и написал. И поскольку тоже «не видел мотива», причинно-следственную связь в них выстроил с противоположным знаком: естественную, дескать, смерть предваряло предсмертное состояние, а не наивысшее проявление жизни. Но исправлять уже отредактированное и откорректированное собратом — помощником добровольным и бескорыстным! — не буду: *что написал, то написал.*

Теперь же думать, что именно моя нечувствительность вкупе с неведением о тонких уровнях жизни цыганского народа и вынудили этого удивительного человека на *такую* форму реализации таланта, — тяжело, больно.

Но ведь не один же я оказался вовлечён в то роковое событие?!

Рядом стоял и приехавший в гости на допотопной машине неизвестной марки его, похоже, старший сын. Там стояли остальные его дети, чуть поодаль жена и ещё какие-то женщины.

В конечном счёте, разве там не присутствовали все те, кому о его предсмертном поступке стало каким-либо образом известно?..

Может, всё дело в том, что мы, люди, за тысячелетия со времени грехопадения прародителей деградировали настолько, что значимым для нас становится только то

событие, которое «подкреплено» чьей-либо смертью? Тем более самопожертвенной личностно, вне внутренних течений стаи?

Да, я от него долго бегал. Всякий раз, оказавшись в центре Болграда (все восемь лет, что туда ездил), я постоянно натыкался на внимательный взгляд «Ильи Муромца». Но заговорить он попытался всего лишь раз. В то самое лето, когда разворачивались события, описанные в «КАТАРСИСе-1», — лет за пять до его убийства. Он был первым, кого В. увидела в Болграде — барон на своей лошади подъехал к автобусу совсем близко (встречал?). Попытка заговорить была неудачной не по его вине — я попросту шаррахнулся, памятуя только об общеизвестных отрицательных сторонах цыганского народа.

Он, обращаясь ко мне, верно, знал наперёд, что я шаррахнусь в сторону, как, верно, знал и то, что и спустя пять лет я вырвусь после троекратного поцелуя и помчусь отмывать руку. Прости меня, Илья.

А ещё он, верно, знал, что придёт время и я пойму смыслы его жеста — его в сложившейся ситуации посылный вклад как в создание «КАТАРСИСа» — ободрение фактор немаловажный, — так и, возможно, в распространение вести для тех, кому подвиги предков выровняли путь к счастью владения Тайным Знанием, — и тот лёд непонимания людей, в котором он и испепелил своё сердце...

О том, кто такой цыганский барон, я узнал — при следующих обстоятельствах.

Когда на следующий день после завершения работы над последним томом «КАТАРСИСа» я лежал, распяленный проводами датчиков на реанимационном столе кардиологического отделения, когда звуковые сигналы навешанных вокруг меня приборов не могли заглушить стоны агонизирующего — точно так же распяленного на соседнем столе — старого профессора с чеховской бородкой, дико боящегося момента смерти,

когда я не мог заставить себя не слышать бессвязные бормотания других мужчин и женщин, последующая судьба которых мне неизвестна, — мысли мои вполне соответствовали положению:

А может, остановиться, отступить? Может, текст от редактора вернуть и сжечь? Ведь вот, до агонии осталось полшага...

Действительно, трудно не догадаться, что реанимационный стол для несообразно ему молодого человека событие не случайное. Тем более если он попытался восстановить поруганную о Понтии Пилате правду; правду, отворяющую Дверь к Тайному Знанию настезь, потому ими и скрывааемую. Всего лишь сорокадевятилетний Михаил Булгаков и за меньшее, всего лишь за обозначение этой Двери, расплатился смертью и притом мучительной...

Но у Булгакова не было *половинки*, его уход ни для кого не потеря, а мне жену сиротой оставлять?..

А стоит ли шире отворённая Дверь этого?

Сами посудите: что ни сделай, что ни напиши, всё равно дураки останутся дураками, а те немногие, кому дано, разберутся и сами, разве что проплутают подольше — пусть пару десятилетий или даже десяток поколений... А ты расплачиваешься сердцем уже сейчас (плавает оно, оказывается, в какой-то жидкости, которой быть не должно!), от угроз и оскорблений утираешься тоже уже сейчас, опять-таки «каморка папы Карло»... Да и что ждёт дальше? Кто не знает, что наилучшая для книги реклама — это смерть автора? Желательно, насильственная? И ещё более желательно — мучительная?

Точно так же: кто из знакомых с историей литературы не знает, что превосходящие общий уровень тексты создаются в невероятных условиях: или в холодном подвале, или на пыльном чердаке, а вот когда приходит известность и гонорары за переиздания позво-

ляют перебраться хотя бы в обычные для времени условия, глубина текстов исчезает. Жизнь и мне не позволила избежать этого условия: хотя я и родился в обеспеченной семье, в которой на моё образование не скупилась, если не сказать больше, но жизнь всех удобств лишила, загнала в полуподвал (чердака, правда, не было, вместо него была зимовка в полуразрушенном доме с моментально остывавшей кухонной печуркой). Итак, если был приведён в исполнение закон начала, то почему бы не исполниться и другому — о завершении?..

Не могу я так больше! Честно, не могу!.. Может, отступить?..

Когда меня из реанимационного отделения перевезли в общую палату, то ближайшим соседом по палате оказался старый-престарый цыган, с уже растраченным лимитом инфарктов, — я понял всё немедленно, в конце концов, не в первый раз. И первый вопрос, который я ему задал, когда смог шевелить языком, был, понятно, о Цыганском Бароне...

И вот в ту самую минуту, когда стало чуть ли не осязаемо то одиночество (непонимание родственников и даже старшего сына; цыган-каратель верует, что совершает высоконравственный поступок; человек, перед которым склонился, изменившись в лице, вырывает руку и бежит её мыть), в котором *Илья Муромец* пошёл на смерть — *на миру-то ведь и смерть красна*, — когда стало ясно, что смерть он выбрал осмысленно (и всё это во флёре ещё не стёршегося образа агонизировавшего в диком ужасе обладателя интеллигентской «чеховской» бородки), когда зародилась мысль: а не мою ли смерть *Илья* взял на себя? — да даже если и не мою! — и пришло решение посвятить *Психоанализ не того убийства* Цыганскому Барону из Болграда, талант которого восставит его, умершего, но не мёртвого, во Второе Пришествие Христа.

СЛОВАРЬ

(вполне достойный чтения сам по себе)

АВТОРИТЕТ — подавляющий индивид (непроизвольный гипнотизер), оценки которого, оформленные в словах и даже невысказанные, для толпарей убедительны; более того, одна только его близость вызывает у гипнабельных индивидов ощущение ВОСТОРГА. Всякий психоэнергетический авторитет непременно яркий НЕКРОФИЛ, отличающийся от добровольно подчиняющихся ему жухлых некрофилов более преступным прошлым (преимущественно предков, см. СВЕРХВОЖДЬ).

АКАДЕМИКИ, АКАДЕМИЧЕСКИЙ — эти слова в «КАТАРСИСе-1» употребляются в хвалебном смысле, а в «КАТАРСИСе-3» — уже в противоположном, ругательном. Словом, совсем как в древних языках. Хвалебная интонация связана с опытом работы в сфере естественных наук — работники отраслевых НИИ на фоне академических учёных в профессиональном отношении смотрелись просто наглыми дебилами, во всяком случае, в моё время так было в химии. Соответственно, эпитет «академический» — высшая из возможных похвал. Со временем выяснилось, что назначение реальных гуманитарных «наук» то же, что и у карателей — подчинять исполнителей иерархии. В гуманитарных «науках» «расслабились» академики в арабском смысле этого слова («путаник»), подхалимствующие обманщики, отсюда и новая ругательная интонация в «КАТАРСИСе-3».

БИОФИЛИЯ — любовь к жизни в высоком смысле этих слов; при внимательном взгляде на людей выясняется, что, вопреки представлениям, навязанным нам

АВТОРИТЕТАМИ и АКАДЕМИКАМИ, умение наслаждаться жизнью в прямом смысле — приобретение лишь малой доли населения, о чём, кстати, говорится и в обоих Заветах Библии. Термин «биофил» введён в «КАТАРСИСе-1», синонимичен введённому в «КАТАРСИСе-2» термину НЕУГОДНИК.

«БОЛОТО». В отличие от односторонних «ВНЕШНИКОВ» или «ВНУТРЕННИКОВ», «болото» — индивиды равнопреступные, то есть они исполнители того рода, у которых при замене сверхвождя одного психотипа на сверхвождя другого психотипа внутренний строй психики меняется скачкообразно (и притом произвольно): меняется система ценностей, «знаки могущества», любимые символы и т. п., скажем, «внешник» становится «внутренником». Этот переход происходит, естественно, только внутри массы.

«ВНЕШНИК» — один из психотипов толпаря, из них образуются стаи и субстаи, вне стаи они не способны ни на какие суждения; сверхвождь-«внешник» одержим невротической потребностью убивать и подавлять не только через бессознательное, но и через **внешние** слои человеческого естества (скажем, посредством пыток, угроз, морения голодом или маршировок на плацу), рядовые же исполнители суть продолжение некрофилической воли вождя, отсюда и часть их бытовых специфически «внешнических» неадекватностей. Выяснить, к какому типу принадлежит индивид — к «внешникам» или к «когорте», часто нет смысла; тогда используется более корневой термин—«внешник».

«ВНУТРЕННИК» — психотип толпаря, из них образуются стаи и субстаи, вне стаи они не существуют; сверхвождь одержим невротической жадностью, рядовые же исполнители субстаи суть продолжение его некрофилической воли, отсюда и их специфически-«внут-

реннические» неадекватности, будь то бытовые, религиозные или иные. Иногда нет смысла выяснять, кем является индивид—«внутренником» или «иудо-внутренником»; тогда используется термин «внутренник».

ВОСТОРГ (ВОСХИЩЕНИЕ) — состояние, близкое к предсмертному (легко доказуемый парадокс, см. «КАТАРСИС-1»), состояние, ценимое НЕКРОФИЛАМИ как в межполовых отношениях, так и в иерархических.

ДЕМОКРАТИЯ. Толпары не сомневаются, что это способ сосуществования, при которых поступки есть продолжение принятых коллективно логических решений. На самом же деле демократия — это эффективный образный способ пропаганды оболванивающей веры в СУБЕРЕНИТИЗМ. Демократия всегда охлокрапия (см. «КАТАРСИС-2», охлос — толпа), всегда психоэнергетически управляемая иерархия из толпарей. Демократия — высшая (законченная) форма стадности. Тирания «внешников» духовно более гуманна, поскольку на внутренние слои человеческого естества не претендует. Троцкий любил, чтобы ему поклонялись непосредственно, вне зависимости от занимаемой им должности — квинтэссенция демократии. Иуда, видимо, тоже был законченным демократом.

ИСПОЛНИТЕЛЬ (синонимы: НЕКРОФИЛ, ТОРЧОК, ИНДИВИД, ТОЛПАРЬ, садомазохист, элемент иерархии) — любой харизматический начальник всегда торчок: чтобы подчинять, надо самому раствориться в подчинении.

«ИУДО-ВНУТРЕННИК» — воспроизводящийся от поколения к поколению психотип толпаря, из них образуются стаи и субстаи, вне стаи «иудо-внутренники» не существуют. Вождь одержим невротической потребностью воспроизводить своего прапредка-«внутренни-

ка», модифицировавшегося при соучастии в Казни Бога. В организацию, возглавляемую вождём-«иудо-внутренником», кроме жухлых «иудо-внутренников» относительно бесконфликтно могут входить и «внутренники» с «когортой». Картина вкусов этой психотипически разнородной иерархии получается более пёстрой, чем в случае «внутреннической» или «внешнической» субстай.

КАТАРСИС — в переводе с греческого — нравственное очищение, сопровождающееся сильнейшим удовольствием. В «КАТАРСИСе» словом «Катарсис» часто обозначается Путь в соответствии с Тайным Знанием. См. ПСИХОКАТАРСИС.

«КОГОРТА» — воспроизводящийся в поколениях психотип толпаря, вне стай они не существуют; вождь этого типа одержим невротической потребностью воспроизводить своего наиболее некрофиличного прапредка, «род» которого тянется от соучаствовавшего в Казни «внешника». При наличии сверхвождя-«иудо-внутренника» «когорта» в конечном счёте служит ему (против *неугодников*), несмотря на демарши независимости (эта амбивалентность — составная часть невроза).

ЛОГОС. Сколь бы человек ни был логичен, но если в рассуждениях он опирается на ложный изначальный постулат, а тем более на целую из них систему, то, запутавшись в неверных выводах, он, дезориентированный, будет психоэнергетически послушным инструментом того или иного субвождя, а тем более сверхвождя. Нынешнее жалкое положение жителей нашей планеты как в браке, так и в бесталанной трудовой деятельности — прямое следствие веры в суверенитизм, стержень которого — сокрытие законов родовой (генетической) памяти. В этом томе частная основополагающая мысль обозначается словом «логос» (со строчной буквы), а полнота

логосов — Логосом. Только принятие Логоса и притом в сердце может освободить человека. Так Он и сказал: *«Истина сделает вас свободными»* (Иоан. 8:32).

МЕТАНАЦИЯ — народ (нация, этнос), внутри которого собираются *неугодники* из разных народов. *Неугодники* ассимилируют, но только в языковом, бытовом и отчасти культурном отношении — не сливаясь в духовно-психологическом отношении. Иными словами, метанация состоит как бы из двух народов, **взаимовлияющих друг на друга**. Метанацией были евреи в эпоху от Авраама до Христа; сейчас из самых заметных — русские и сербы (теме духовно-психологического расслоения народов посвящён «КАТАРСИС-2»).

Своеобразный трагизм метанации в том, что матричным этносом управляют функционеры иерархий, планетарные центры которых территориально с метанацией никогда не совпадают, отсюда и её бедствия. Примеры XX века: при сверхвожде-«внешнике» Сталин был марионеткой Гитлера, отсюда и страшный разгром лета 1941-го, а при сверхвожде-«иудо-внутреннике» разграбление России и геноцид русских в посткоммунистический период был при правителях-«иудо-внутренниках» закономерен.

НЕКРОФИЛИЯ — любовь к смерти. Свойственна подавляющему большинству населения. Бывает явная, бывает скрытая. Наиболее распространены две формы: буквальное желание умереть и ужас пред моментом смерти, который суть момент предстания перед ненавистной Истиной (см. главу «*Нетривиальное следствие*»).

НЕУГОДНИК — человек, которому чужды стаи всех типов. Он, будучи личностью, обладает положительной динамикой развития критического мышления (см. «КАТАРСИС-2»), и он, так или иначе, ищет свой талант.

ПОЛОВИНКА Тема половинки обширна и требует, несмотря на естественность, значительного умственного напряжения. Некрофилогенная культура подмяла под себя все и вся знания о подобной для биофилов возможности — потому и усилия. Половинки не просто союз двух разнополюх биофилов, но **единственно возможное** биоритмическое взаимодействие, кстати, с точки зрения теории вероятности совершенно невозможное: и двадцатикратного увеличения численности нашей планеты недостаточно, чтобы половинка родилась случайно. Тема рассмотрена в «КАТАРСИСе-1» на конкретном примере, что, видимо, может облегчить решение этой проблемы ищущему Истину **НЕУГОДНИКУ**.

ПРОТОЕВАНГЕЛИЕ. Канонический Новый Завет состоит из Посланий, Откровения и четырёх субъевангелий, из которых три первых прозрачней четвёртого проявляют черты вторичности по отношению к некоему обширному первичному произведению, Протоевангелию. Осведомлённость автора Протоевангелия поражает, ему известны даже тайны дворца префекта-прокуратора.

ПСИХОКАТАРСИС — процесс очищения «тела памяти» от внушений. Этот процесс до конца доступен только **БИОФИЛАМ** (этому вопросу посвящён весь «КАТАРСИС-1»). Присущие всем без исключения неадекватности поведения вызваны последствиями психических травм. Они могут быть удалены в результате работы подсознания, без участия логического мышления медленнее, при участии — быстрее. Последний подвид Катарсиса, собственно, и назван психокатарсисом, иногда с добавлением слова «лечебный».

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ — ложное объяснение собственного поведения. От вранья отличается искренно-

стью веры рационализирующего в собственные самообъяснения.

СВЕРХВОЖДЬ — вождь той из равноомерзительных субстай, которая временно подчинила все прочее на большей части планеты. Сверхвождями были Александр Македонский, Гитлер и, видимо, в рамках Европы, Троцкий. Сверхвождь — источник вождистской энергии — в преступном опыте, во-первых, прижизненном, во-вторых, суммарном предков, причём последний более значим. Молодой Гитлер участвовал в магических обрядах, убийствах и прочих мерзостях, но выше уровня ефрейтора подняться не мог. И только инициация в Хофсбургском музее посредством «копья могущества» «включила» в нём родовую память убийцы миллионов, императора. Всякий толпарь-исполнитель руководим **извне** иррациональной волей сверхвождя; сверхвождь тоже толпарь, но руководим он **изнутри** по механизмам родовой памяти, потому тоже постоянно неадекватен, но не как рядовой толпарь, а на свой манер.

СТАЯ — иерархический способ существования некрофилов. *Теория стай* — предмет рассмотрения «КАТАРСИСа-2» и «КАТАРСИСа-3». См. **ТЕОРИЯ СТАИ**.

СТРАННОСТЬ — ключевое слово в практике познания Истины. Для лишённого критического мышления толпаря всё происходящее вокруг вполне объяснимо с позиций оболванивающего суверенитизма. *Неугодник* же силою критического ума замечает «нестыковки» одобрных объяснений (вроде *странного* поведения комиссаров летом 1941-го, *странного* отношения толпы к Пилату, России и т. п.) и по выявленным *странностям*, как по ступеням, выбирается на уровень **ТЕОРИИ СТАИ**, а затем и **ТЕОРИИ ЖИЗНИ**.

СТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ — болезненная зависимость жухлого некрофила от более яркого. Подвид ВОСТОРГА (ВОСХИЩЕНИЯ). Частью некрофилов почитается за высшую ценность.

СУВЕРЕНИТИЗМ — поглотившая уже всю планету вера в то, что люди друг от друга психоэнергетически независимы и по большей части плод информационных потоков общества. Наиболее назойливыми «трубадурами» этой формы мракобесия уже многие сотни лет являются евреи, жульё и протестанты.

«СЫН» — психотип толпаря, из них образуются стаи и субстаи, вне стаи они не существуют; вождь одержим невротической потребностью воспроизведения преданности духовному предку — едиnorodному сыну Великой Матери; эта субстая в конце времён породит антихриста и будет почитаться толпарями за общество истинных учеников Христа.

ТАЙНА — хорошо забытая Истина.

ТЕОРИЯ СТАИ — соединение идеи бессознательно-иерархической структуры общества с осмыслением источника авторитетности (преступного прошлого, как индивидуального так родового).

ТЕОРИЯ ЖИЗНИ. В частности, отвечает на вопрос: состоялась ли жизнь или нет?

ТОРЧОК — синоним ИСПОЛНИТЕЛЯ, подчёркивает ту его сторону, что наивысшее для торчка удовольствие — полный кайф (предсмертное состояние), когда исчезают даже следы критического мышления.

АЛЕКСЕЙ МЕНЯЙЛОВ

Дурилка

(УТОНЧЕННЫЕ ПРИЕМЫ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ)

ЗАПИСКИ ЗЯТЯ ГЛАВРАВВИНА

Корректор *Т.П. Тишина*

Верстка *О.А. Волковой*

Дизайн обложки *Сергей Степанов* (e-mail:dezinget@narod.ru)

Подписано в печать 01.11.02. Формат 84x108₁/32
Бумага офсетная. Гарнитура Букман. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 5000 экз. Заказ № 846.

Издательство «Крафт+»

ИД № 000173 от 27 сентября 1999 г.
129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел. 186-93-78, 363-68-73

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов на ФГУИПП «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.